

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2009

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2010

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2009 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2010 — 138 с. — ISBN 978-5-02-038265-7

Редакционный совет:

чл.-кор. РАН *В. В. ОКРЕПИЛОВ* (председатель совета);
к. и. н. *Е. А. ИВАНОВА* (ученый секретарь совета);
акад. *Б. В. АНАНЬИЧ*; проф., д. ф. н. *Т. В. АРТЕМЬЕВА*; чл.-кор. РАН *В. Е. БАГНО*;
акад. *М. Н. БОГОЛЮБОВ*; *С. В. ВАЛЬЧУК*; чл.-кор. РАН *И. И. ЕЛИСЕЕВА*;
д. ф. н. *Ю. И. ЕФИМОВ*; акад. *Н. Н. КАЗАНСКИЙ*;
проф., д. и. н. *А. Н. КИРПИЧНИКОВ*; проф., д. ф. н. *Э. И. КОЛЧИНСКИЙ*;
проф., д. ф. н. *С. А. КУГЕЛЬ*; проф., д. и. н. *Е. И. КЫЧАНОВ*; акад. *А. В. ЛАВРОВ*;
проф., д. п. н. *В. П. ЛЕОНОВ*; чл.-кор. РАН *И. П. МЕДВЕДЕВ*;
чл.-кор. РАН *С. И. НИКОЛАЕВ*; чл.-кор. РАН *Е. Н. НОСОВ*;
проф., д. и. н. *Ю. А. ПЕТРОСЯН*; чл.-кор. РАН *М. Б. ПИОТРОВСКИЙ*;
д. и. н. *В. Н. ПЛЕШКОВ*; проф., д. и. н. *И. Ф. ПОПОВА*;
проф., д. ф.-м. н. *Л. А. РУХОВЕЦ*; чл.-кор. РАН *Н. Н. СКАТОВ*;
акад. *И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ*; к. ф. н. *Ю. П. ТРЕТЬЯКОВ*;
проф., д. ф.-м. н. *Э. А. ТРОПП*; д. и. н. *И. В. ТУНКИНА*; д. и. н. *Ю. К. ЧИСТОВ*

*Настоящее издание выполнено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН 2009 года*

ISBN 978-5-02-038265-7

© Санкт-Петербургский научный центр
РАН, 2010

© Редакционно-издательское оформле-
ние. Издательство «Наука», 2010

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. Д. ВОЕЙКОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

16—18 ноября 2010 г. в Институте лингвистических исследований РАН прошла общероссийская конференция «Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы», посвященная 80-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко.¹ С его именем связано развитие нескольких важных направлений отечественной и мировой лингвистики: стали классическими труды Александра Владимировича, посвященные описанию русской глагольной системы, в частности ее аспектуально-темпорального комплекса, разработке теории морфологических категорий. Он является главой петербургской аспектологической школы, ведущим специалистом в области стратификации семантики, соотношения мыслительного и языкового содержания. Но наибольшее распространение и влияние получили его труды по теории значения и разработанная им особая разновидность функциональной грамматики — теории функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций (КС). Именно основные положения этой теории стали предметом обсуждения участников конференции.

Заседания продолжались три дня, в них приняли участие ведущие лингвисты не только из академических и высших учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, но также и из других городов России (Брянска, Новосибирска, Новгорода) и из-за рубежа (Берлина, Гетеборга, Анкары). Некоторых участников пришлось заслушать с помощью специального оборудования для скайп-конференций. Такая практика введена в ИЛИ РАН уже больше двух лет, с тех пор как было закуплено оборудование для проведения конференций с использованием спутниковых технологий. Теперь мы имеем возможность слушать сообщения и устраивать обсуждения докладов, которые делаются в любой точке земного шара, если у докладчика есть хотя бы домашняя телекамера и соответствующая программа. Всего во время юбилейных чтений выступили с докладами о своей научной деятельности более сорока ученых. В последний день все с интересом слушали доклады молодых исследователей, эта часть конференции была до-

---

¹ Подробная информация о конференции доступна на сайте ИЛИ РАН по адресу <http://iling.spb.ru/conf/funconf2010.html>.

полнительно поддержана грантом Санкт-Петербургского научного центра. Все событие было организовано при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3433.2010.6 «Петербургская школа функциональной грамматики». В настоящее время готовятся к печати две публикации по мотивам этого научного события — юбилейный сборник статей «От значения к форме, от формы к значению» и сборник трудов молодых ученых, для многих из которых публикация материалов доклада станет первым печатным трудом. В выступлениях участников конференции обсуждались новые идеи А. В. Бондарко в области изучения грамматических категорий русского (и шире — славянского) глагола, его оригинальная теория значения, но наибольшее внимание было уделено разработанной им модели описания языка — теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. В этой статье мы обращаем внимание на те особенности Петербургской школы функциональной грамматики, которые вызывают широкий отклик и интерес не только в России, но и в других странах.

В 70—80-е гг. прошлого века в отделе теории грамматики и типологических исследований ИЛИ РАН под руководством А. В. Бондарко сформировалось научное направление, которое впоследствии получило наименование Петербургской школы функциональной грамматики.² Эта разновидность грамматических исследований нацелена на описание системы семантических категорий в их языковом выражении. Основные семантические категории, представленные в русской грамматике, рассматриваются как система функционально-семантических полей, которые объединяют разноуровневые средства выражения категориальной семантики. Понятие ФСП позволяет объединить в грамматическом описании те единицы разных языковых уровней, которые служат для передачи сложных семантических комплексов. Значительная роль в грамматике данного типа отводится описанию грамматической синонимии. Например, анализ ФСП темпоральности включает не только грамматическое выражение времени в рамках одноименной морфологической категории, но и «строевую лексику», без которой описание временной семантики было бы неполным. Помимо ФСП, описание которых моделирует устройство языковой системы, в этой теории существенную роль играет анализ категориальных ситуаций — типовых реализаций рассматриваемых семантических категорий в конкретных высказываниях. Таким образом, данная разновидность функциональной грамматики может быть использована как при описании языкового строя и его потенциальных возможностей, так и при анализе речи, дискурса, реализованных вариантов речевого взаимодействия. Система терминов и понятий теории ФСП и КС отличается как от терминологии формальных грамматик, так и от других направлений функциональных исследований.

Первоначально исходно-семантические функциональные грамматики противопоставлялись грамматикам исходно-формальным по принципу организации — в них совместно рассматриваются средства выражения одной и той же семантической функции, в то время как в традиционных грамматиках описание опирается на гомогенные маркеры грамматических различий. Существует ряд

---

² Бондарко А. В. 1) Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971; 2) Грамматическая категория и контекст. Л., 1971; 3) Теория морфологических категорий. Л., 1976; 4) Грамматическое значение и смысл. Л., 1978; 5) Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983 (2-е изд., стер. М., 2001); 6) Функциональная грамматика. Л., 1984; 7) Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996; 8) Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999 (доп. изд. СПб., 2001).

функционально-грамматических школ, которые характеризуются общими принципами описания языковых явлений, но различаются частными способами представления языкового материала. К этим школам принято относить функционально-дискурсивную грамматику С. Дика,³ системно-функциональную грамматику М. А. К. Халлидея,⁴ ролевую и референциальную грамматику, предложенную Р. Ван Валином-младшим и У. Фоли.⁵ Разрабатываемая в те же годы в Ленинграде теория ФСП и КС разделяет с указанными теориями основные принципы функционализма, но отличается от них как терминологически, так и по способу моделирования языковой системы. Если многие авторы упомянутых функциональных моделей опираются в своих рассуждениях на семантику синтаксических единиц, то данная модель в основу описания кладет систему морфологических категорий. Таким образом, теория ФСП и КС оказывается в наибольшей степени приспособленной для анализа языков с богатой морфологической системой. Остановимся подробнее на том, что является общим для исследований функционального направления, а затем перейдем к особенностям данной модели.

Основные признаки функциональных моделей описания языковых единиц. Популярно излагая основные принципы функциональных грамматик, Ф. Кристи отмечает, что в них рассматривается языковая система как комплекс возможностей (ресурсов), выбор которых осуществляется говорящим.⁶ Иными словами, функциональные грамматики по своей направленности приближаются к моделированию речевой деятельности говорящего. В этом смысле их называют «активными грамматиками», или «грамматиками говорящего», в отличие от формальных грамматик, которые в большей степени описывают речевую деятельность слушающего по декодированию значения, заложенного в уже готовом речевом сообщении. В разрабатываемой в Санкт-Петербурге модели функциональной грамматики сочетаются оба направления анализа и описания языкового материала — исходно-семантическое и исходно-формальное, однако основной принцип построения грамматики связан с подходом «от семантики к средствам ее выражения». Утверждение этого принципа в 80-е гг. прошлого века было важным шагом в развитии рассматриваемого грамматического направления.

Одним из признаков функциональных грамматик можно считать учет широкого контекста и ситуации общения, иными словами, то обстоятельство, что язык в них исследуется в его реальном употреблении. В этом функциональные грамматики противостоят формальным (в особенности разновидностям генеративной грамматики), так как они ориентируются на реальные образцы речи, на отрезки текстов, связанные определенными семантическими отношениями, а не на изолированные предложения.

Не случайно функциональная грамматика получила непосредственное применение в практике преподавания русского языка как иностранного. Создавались десятки новых учебников русского языка, такие как «Темп», «Старт», «Грамматика русского языка в иллюстрациях», в которых был применен функцио-

---

³ *Dik Simon C.* The Theory of Functional Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. Parts 1 & 2 (1 ed.).

⁴ *Halliday M. A. K.* Introduction to functional grammar. 2nd ed. London: Edward Arnold, 1994.

⁵ *Foley William A., Robert D., Van Valin Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

⁶ *Christie F.* What is functional grammar? In *Teaching English Literacy*, 1991. P. 106—107.

нальный принцип описания языка на основе конкретных типовых употреблений языковых единиц. В настоящее время в лингвистике все чаще встречается выражение «теории, основанные на употреблении» (usage-based theories), которое объединяет разнородные концепции по данному принципу.⁷

Особенностью функциональных грамматик считается также то, что они не только исследуют различные возможности выражения смыслового содержания, но и рассматривают язык как орудие формирования мысли. В этом отношении существенно то, что грамматики данного типа специализируются на анализе семантических различий между грамматическими структурами внутри одного языка и дают возможность сравнивать значения единиц разных языков. Разработанная система уровней и единиц дает возможность описать тонкие различия в семантике высказываний, что определяет широкую область практического применения функционально-грамматических исследований.

Все эти особенности в той или иной мере были характерны для первых разновидностей функциональных грамматик, разработка которых относится к 80–90-м гг. прошлого века. Несколько позже появились и другие направления функционализма. Модель лексической функциональной грамматики, разрабатываемая под руководством Д. Бреснан,⁸ примыкает к этому направлению лишь по наименованию, но значительно отличается от перечисленных разновидностей функциональной грамматики генеративной направленностью и большей формализованностью. В последние годы приобрела широкую известность функционально-синтаксическая модель А. Мустайоки.⁹ Ключевыми элементами описания в ней являются: 1) внеязыковая ситуация действительности, 2) особым образом представленное в сознании говорящего «положение дел», отражающее данную ситуацию, 3) переход к семантическим структурам данного языка, 4) выбор поверхностных языковых структур, наиболее подходящих для выражения данной семантики. Как видно, новая функциональная теория А. Мустайоки, при определенных отличиях от вышеупомянутых моделей, совпадает с ними в главном — она особым образом интерпретирует отражаемую в высказывании ситуацию, рассматривая различные уровни ее отражения в речи и в мыслительной деятельности. В грамматике ФСП и КС, разрабатываемой петербургской группой исследователей во главе с А. В. Бондарко, такое членение семантики высказывания называется «стратификация семантики». Проблемы стратификации семантики получили освещение в двух крупных монографиях А. В. Бондарко последних лет. Речь идет о книге,¹⁰ интегрирующей результаты предшествующих конкретных исследований и теоретических поисков. Теория функциональной грамматики рассматривается в этой работе в связи с широкой проблематикой языковой категоризации семантического содержания.

Вторая книга¹¹ представляет различные этапы развития разрабатываемой автором теории грамматических категорий в ее связи с проблемами аспекто-

---

⁷ Barlow M. and Kemmer S. (eds). Usage based models of language. Stanford: CSLI, 2000. 356 S.

⁸ Bresnan J. Lexical Functional Syntax. Blackwell, 2001.

⁹ Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

¹⁰ Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

¹¹ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

гии. В состав издания входят три части, посвященные теории морфологических категорий,¹² виду и времени русского глагола,¹³ а также исследованию настоящего исторического глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках, основанному на защищенной в 1958 г. кандидатской диссертации. Каждая из трех частей работы включает комментарии, отражающие современное состояние проводимых исследований. При всех особенностях работ, относящихся к разным периодам формирования излагаемой трактовки грамматических категорий и закономерностей их функционирования, настоящее издание отражает единство общей теоретической системы, тесно связанной с аспектологическими исследованиями.

Направление исследований, которое по его основной теоретической концепции можно назвать Петербургской школой функциональной грамматики, никогда не являлось замкнутой научной парадигмой. Постоянные контакты с отечественными и зарубежными коллегами способствовали и способствуют развитию функционально-грамматических исследований. Они успешно применялись к разным областям лингвистического знания. Многие элементы грамматики ФСП и КС нашли отражение в психолингвистике, в частности в теории усвоения первого и второго языков.

Детской речи посвящена серия индивидуальных и коллективных монографий, написанных представителями Петербургской школы функциональной грамматики. Это направление развивается под руководством д-ра филол. наук, профессора С. Н. Цейтлин, которой удалось создать в РГПУ им. А. И. Герцена первую в России специализированную кафедру детской речи. Результаты этих исследований нашли отражение в книге,¹⁴ написанной в форме учебника для вузов, а также в недавно вышедшей монографии.¹⁵ В основе книги лежит переработанная с учетом двадцатилетних интенсивных исследований докторская диссертация С. Н. Цейтлин. Речь идет о том периоде в развитии ребенка, когда он начинает усваивать основные закономерности грамматической системы русского языка, но еще не до конца знаком с ограничениями, запрещающими употребление тех или иных форм. Основной принцип «система раньше нормы», сформулированный автором в 1988 г., подкрепляется в данной книге новым материалом и новыми теоретическими построениями: учитываются основные положения конструктивизма, теории естественной морфологии, данные не только русского, но и ряда других языков. Подчеркивается, что дети не имитируют речь взрослых собеседников, а творчески осмысливают ее и перерабатывают на основе собственного представления о языковой системе. Этот процесс происходит в речевом взаимодействии со взрослым, без которого полноценное усвоение языка невозможно.

Взаимодействие взрослого и ребенка получило подробное освещение в монографии В. В. Казаковской.¹⁶ В ней рассматриваются различные аспекты становления диалогической компетенции русскоязычного ребенка раннего возраста. На материале вопросо-ответных единств анализируется освоение ребенком семантических категорий в их языковой интерпретации (интеррогативности, согласия/несогласия, локативности, субъектности/объектности, модуса).

¹² Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

¹³ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола...

¹⁴ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Грамматика детской речи. М.: Владос, 2000.

¹⁵ Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообращению в детской речи. М.: Знак, 2009.

¹⁶ Казаковская В. В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок». СПб.: Наука, 2006.

Разрабатывается функционально-семантическая классификация диалогических единств, описывается дальнейшая функциональная субкатегоризация реплик. Анализируются элементы типологии ранних коммуникативных неудач в диалоге с ребенком, а также особенности речеповеденческой тактики взрослого. Исследования диалогической компетенции продолжаются в ряде журнальных публикаций.

В коллективной монографии «Семантические категории в детской речи»¹⁷ впервые подробно рассматривается становление в детской речи элементов темпоральности, аспектуальности, посессивности, квалитативности, модальности, количественности, персональности, локативности, составляющих основу когнитивного багажа ребенка. В качестве основной теоретической платформы данной монографии была избрана теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. В ходе исследования были проверены следующие гипотезы: а) в качестве «пускового устройства» для начала овладения той или иной семантической категорией выступает момент начального осознания ее содержания, обусловленный достигнутым ребенком уровнем когнитивного развития; б) ребенок, как правило, осваивает одновременно или с крайне незначительным временным разрывом «разноуровневые» средства выражения однотипного содержания (лексические, грамматические и пр.); в) формирование языковой картины мира осуществляется поэтапно и в каждом случае индивидуально; в ходе развития ребенок не просто «присваивает» взрослую картину мира, но создает самостоятельно свое представление, все более и более уточняемое по мере его взросления; г) ведущую роль в этом процессе играют процессы «само-регуляции», суть которых также имеет когнитивную основу. Особое внимание уделяется ранним стадиям освоения языковой системы (этап голофразиса, дву-словных и начальных многословных высказываний), охватывающим возрастной период до 3 лет.

Книга М. Д. Воейковой¹⁸ посвящена описанию первых этапов усвоения русскоязычными детьми имен существительных и прилагательных. Именная система является необходимой базой языковой системы ребенка: известно, что названия лиц и предметов составляют около 90% начального словаря детей, овладевающих одним из индоевропейских языков. В других языках (например, в корейском или в китайском) процент имен в начальном словаре может быть значительно ниже. Таким образом, усвоение семантики и грамматики имен является важной составляющей языковой компетенции русскоязычного ребенка.

На начальных этапах онтогенеза дети употребляют все имена в базовой форме именительного падежа. Первые падежные оппозиции отмечаются лишь несколько месяцев спустя, однако дальнейшее усвоение падежных форм происходит стремительно. У некоторых информантов образчики всех шести падежей в единственном числе были зафиксированы через месяц после появления первых формальных противопоставлений. Этот процесс происходит по-разному в языках различного строя. Анализ имеющихся данных позволяет предположить, что дети, овладевающие языками с богатой флективной системой, употребляют падежные формы раньше, чем дети, говорящие на языках аналитического строя.

---

¹⁷ Семантические категории в детской речи. СПб., 2007.

¹⁸ Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.

Диминутивы (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами) являются катализаторами усвоения грамматических форм имен существительных.

Существует распространенная гипотеза о том, что понимание предшествует говорению. Новые данные показывают, что этот тезис справедлив лишь для наименований конкретных предметов, однако первые имена прилагательные, причем не только цветочные и параметрические, но и оценочные, часто употребляются неправильно. Одним из основных тезисов книги является утверждение о том, что некоторые понятия усваиваются ребенком через призму языка взрослых и осознаются позже, чем начинают активно употребляться.

Таким образом данные детской речи помогают творческому коллективу проникнуть в тайны языкового устройства и служат основанием для важных теоретических выводов. Вместе с тем описание норм усвоения языка ребенком имеет и практическое применение и может служить основой для диагностики и коррекционной педагогики.

Развитие теоретического направления не может ограничиваться только теми областями, которые сулят легкое практическое применение. Группа функциональной грамматики разрабатывает и основную теорию ФСП и КС, применяя ее положения к анализу более крупных по сравнению с высказыванием речевых отрезков. В осуществляемом в настоящее время исследовании «Проблемы функциональной грамматики: грамматическая семантика в высказывании и целостном тексте» стратификация семантики распространяется не только на систему языка и отдельные высказывания, но и на тексты значительного объема. Такая трактовка предполагает углубленное интегративное исследование потенциальных возможностей языковой системы. Речевой смысл конкретного высказывания и целостного текста формируется на основе взаимодействия языковых средств с контекстом и речевой ситуацией, с пресуппозицией, с элементами опыта и знаний говорящего (пишущего) и слушающего (читателя). Семантика высказывания и в особенности целостного текста складывается на основе нелинейного взаимодействия ряда содержательных факторов. В зависимости от предмета и целей исследования в понятие «речевой смысл» могут быть включены различные компоненты дискурса. Источниками речевого смысла потенциально являются: 1) языковое содержание текста, 2) контекстуальная информация, 3) ситуативная информация, 4) энциклопедическая информация, 5) прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания. Планируя и осуществляя речевую деятельность, говорящий некоторые элементы высказывания выбирает сознательно, а другие воспроизводит по памяти, повинаясь правилам языковой системы.

Исследование особенностей процесса порождения высказывания (в первую очередь единиц ментального лексикона и ментальной грамматики) относится к одному из приоритетных направлений современной лингвистики (см. работы Г. Либбена, Э. Кехайя, Г. Яремы, В. Дресслера, в России — В. Б. Касевича, Е. В. Глазановой, Е. В. Грудевой, М. В. Русаковой, Е. В. Ягуновой). Дифференциация аспектов смысла необходима для выявления и углубленного истолкования взаимосвязей различных его сторон в их отношении к различным сторонам плана языкового содержания как отдельных высказываний, так и целостного текста. Исследование языковых значений в высказывании и целостном тексте целесообразно соотносить с понятием интенциональности. Имеется в виду связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями рече-мыслительной деятельности, т. е. способность содержания, выражаемого дан-

ной языковой единицей, в частности грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Если основное внимание авторского коллектива до сих пор было занято проблемами описания интенциональных характеристик высказывания, связанных с намеренным выбором языковых единиц говорящим, то в планируемой работе важное место будет отведено описанию реализации облигаторных категорий, не связанных напрямую с сознательным выбором говорящего.

У творческого коллектива Петербургской школы функциональной грамматики большие планы на будущее. Несколько готовых рукописей проходят издательский цикл, готовится к печати новая коллективная монография, посвященная принципу естественной классификации. Дальнейшее развитие проводимых исследований связано с разработкой учебных пособий, учитывающих опыт функционального описания, а также с созданием электронной базы данных по функциональной грамматике, включающей подробную тематическую разметку и современную систему поиска. Представляется перспективной и связь грамматической концепции ФСП и КС с проблемами порождения речи.

А. В. БОНДАРКО

СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Соотношение традиционной (уровневой) и функциональной грамматики основано на принципе дополнительности. Эти типы грамматики дополняют друг друга в широком поле грамматических исследований. Общая перспектива их развития предполагает специальную разработку проблемы взаимосвязи системно-языкового и коммуникативного аспектов грамматического описания. Если традиционная грамматика отвечает прежде всего на вопрос «как устроена языковая система?», то функциональная грамматика стремится ответить на вопрос «как она функционирует?» Для разрабатываемой нами модели грамматики не менее важен вопрос: «как устроена сфера функций, сфера функционирования?»

Разрабатываемая нами теория грамматики базируется на понятиях «функционально-семантическое поле» и «категориальная ситуация».

Понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП) во многом определяет построение рассматриваемой разновидности грамматики исходно-семантического типа. Анализируемые поля (аспектуальность, темпоральность, таксис, персональность, залоговость, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность и др.) представляют собой системы различных языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), служащих для выражения вариантов определенной семантической категории. Структура ФСП включает соотношение плана содержания, представляющего собой языковую интерпретацию вариантов семантической категории, лежащей в основе данного поля, и плана выражения, охватывающего комплекс формальных средств, служащих для реализации функций, относящихся к определенной семантической сфере.

Истолкование понятия ФСП формировалось на основе аспектологических исследований. Речь идет о школе аспектологии, основателем которой был Ю. С. Маслов.¹ В исследованиях, относящихся к этой школе, рассматривались такие явления, как связи вида и способов действия, взаимодействие значений

---

¹ См.: Маслов Ю. С. 1) Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959; 2) Очерки по аспектологии. Л., 1984; 3) Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

видовых форм и контекста. Это привело к необходимости определения и обоснования понятия аспектуальности. С общим подходом к понятию аспектуальности связана и трактовка других категорий, отражающих разные стороны идеи времени, — категорий темпоральности, временной локализованности и таксиса.

Категориальные ситуации (КС) трактуются нами как выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры: а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания. Категориальная ситуация — родовое понятие, интегрирующее видовые понятия аспектуальной, таксисной, персональной, качественной, количественной, локативной, кондициональной, бытийной, посессивной ситуации и т. п. Ср., например: *долго убеждал и наконец убедил* — аспектуальная ситуация (в варианте сочетания элементов процессности и результативности); *рука руку моет* — ситуация временной нелокализованности; *подойди ко мне поближе!* — императивная ситуация; *он прекрасный человек* — качественная; *у него есть эта книга* — посессивная; *где он?* — локативная; *есть такие люди* — бытийная ситуация. В подобных высказываниях представлена своего рода категориальная фокусировка передаваемой в высказывании «общей ситуации»: в ее составе выделяется доминирующая КС, связанная с актуализацией определенного семантического элемента.

Аспекты системно-функционального анализа, основанные на понятиях ФСП и КС, дополняют друг друга. Если понятие ФСП соотносится с представлением о семантической категории и упорядоченном множестве средств ее выражения в данном языке, то понятие КС служит для изучения функциональных вариантов определенной семантической категории, выражаемых в высказывании. Категориальная ситуация — это своего рода проекция поля на высказывание. Функциональные варианты семантических категорий (например, процессность как один из вариантов аспектуальности, одновременность как вариант таксиса) составляют содержание тех или иных категориальных характеристик высказывания — аспектуальных, темпоральных, таксисных, локативных.

КС, с одной стороны, репрезентируют определенные семантические категории, т. е. имеют системно-семантическую основу, а с другой — реализуются в конкретных высказываниях. Важно то, что сама «системоцентричность» в рассматриваемом варианте включает в себе потенции «выхода в речь» (с учетом позиции участников речевого акта). Эти потенции находят определенную речевую реализацию, причем в последнее время мы все больше обращаем внимание на эту сторону проводимого анализа.

Анализ типов, разновидностей и вариантов КС как категориальных характеристик высказывания непосредственно связан с вопросом о том, как выразить те или иные оттенки побуждения, желания, временных, пространственных отношений, семантики качества, количества, посессивности, условия, причины, цели и т. д. Тем самым данный тип анализа оказывается тесно связанным с моделированием речевой деятельности говорящего.

Рассматриваемая концепция грамматики раскрывается в ряде коллективных трудов. В серии монографий «Теория функциональной грамматики»² выделяются

---

² Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987 (2-е изд., стер. М., 2001); Теория функциональ-

и описываются следующие группировки полей: 1) поля с предикативным ядром: аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность; персональность, залоговость; 2) поля с субъектно-объектным ядром: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность/неопределенность; 3) поля с качественно-количественным ядром: качественность, количественность; 4) поля с предикативно-обстоятельственным ядром: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей условия, причины, цели, следствия и уступительности). Анализ рассматриваемых полей проводится главным образом на материале русского языка, вместе с тем в ряде разделов представлены результаты типологических и сопоставительных исследований. Из монографий и сборников работ последних лет, посвященных разрабатываемым вопросам, следует отметить «Межкатегориальные связи в грамматике»,³ а также работы в составе серии «Проблемы функциональной грамматики». Эта серия включает тома: «Категории морфологии и синтаксиса в высказывании» (2000); «Семантическая инвариантность/вариативность» (2003); «Полевые структуры» (2005); «Категоризация семантики» (2008). Предлагаемое истолкование теоретических оснований рассматриваемой модели функциональной грамматики изложено в работах автора данной статьи.⁴

По мнению Е. В. Петрухиной, высказанному в рецензии на кн. «Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии»,⁵ для анализируемой грамматической концепции «в целом характерен так называемый „системоцентричный“ подход к языку (противопоставляемый иногда антропоцентрическому), т. е. исследование русского языка на основе теории научного познания с использованием системных методов естественных наук».⁶

Действительно, в разрабатываемой нами модели функциональной грамматики системно-языковые аспекты имеют первостепенное значение. Основание понятия ФСП в языковой и речевой онтологии — это круг языковых средств, имеющихся в распоряжении говорящих на данном языке для выражения того или иного варианта определенной семантической категории. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в этой модели грамматики важную роль играют и аспекты речевые (коммуникативные). Понятие ФСП включает в себе элементы связи с динамикой речевого акта. Оно отражает реальные процессы мыслительно-речевой деятельности. В языковом знании говорящих существует

ной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990; Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991; Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992; Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996; Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

³ См.: Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.

⁴ Бондарко А. В. 1) Функциональная грамматика. Л., 1984; 2) Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996; 3) Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999; 4) Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002; 5) Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

⁵ Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.

⁶ Петрухина Е. В. [Рец. на кн.:] А. В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996 // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 101.

способность выразить тот или иной элемент данной семантической категории или субкатегории (например, отнесенность ситуации к будущему) различными языковыми средствами, соответствующими смысловой направленности формирующегося высказывания. В процессе коммуникации, когда говорящий стремится выразить тот или иной конкретный смысл, в формировании этого смысла участвуют определенные семантические категории с их семантическими признаками, в которые укладывается передаваемое смысловое содержание (как нечто желаемое, нечто относящееся к будущему, нечто касающееся говорящего, нечто связанное с изменением пространственных отношений и т. п.). Конкретные высказывания, разумеется, создаются не для того, чтобы выразить те или иные семантические категории. Мы не можем сказать, что в интенцию говорящего непосредственно входит намерение выразить идею «времени вообще», «пространства вообще» и т. п. Высказывание направлено на то, чтобы передать определенный речевой смысл. Однако языковое представление конкретных смыслов регулируется определенными константами — семантическими категориями, выступающими в тех или иных вариантах, обусловленных лексически и грамматически.

Коммуникативные аспекты грамматической семантики по-разному отражаются в различных направлениях грамматических исследований. Ср., с одной стороны, анализ системы ФСП и репрезентирующих их в речи категориальных ситуаций, а с другой — рассмотрение «коммуникативных регистров речи» в системе коммуникативной грамматики русского языка, основанной на концепции Г. А. Золотовой⁷ (в частности, в книге 1998 г. глава «Введение в коммуникативную грамматику», написанная Г. А. Золотовой, включает разделы «Язык и говорящая личность» и «Говорящий и текст»).

Изучение и описание функционально-семантических полей и категориальных ситуаций может выходить за пределы «элементарного высказывания» и распространяться на более широкие фрагменты текста и на текст как целое.⁸ Речь идет, в частности, об анализе элементов темпоральности, локализованности/нелокализованности во времени, модальности, персональности, залоговости. Ср., например, тексты с доминантой настоящего или прошедшего времени, узuality, императивности, отнесенности предикатов к 1-му или 3-му лицу, активности или пассивности. По отношению к разным типам текстов используются такие выражения, как «темпоральный ключ текста», «доминанта императивности» и т. п. Выделяются типы текстов, по отношению к которым можно говорить об определенном «ключе персональности». Ср., например, живой рассказ от реального 1-го лица и повествование в 3-м лице, отрешенное от личности говорящего.

Один из примеров анализа текста в рассматриваемом направлении исследований — характеристика семантики и средств выражения качественности в повествовании, осуществляемом в «качественном ключе» (имеется в виду тип повествования «портрет»), например: «*Профессор Полетика, старик, старчески и профессорски чудаковатый, никогда не ездил на автомобилях и всегда выходил*

---

⁷ См.: Золотова Г. А. 1) Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; 2) Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982 (5-е изд., стер. М., 2007); Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

⁸ См.: Бондарко А. В. Функциональная грамматика. С. 41—42.

из дома в сюртуке» (Б. Пильняк) (фрагмент текста продолжается в том же плане качественности).⁹

Рассмотрение речевых реализаций ФСП и КС на уровне текста представлено в ряде опубликованных работ. Заслуживают внимания суждения В. Б. Евтюхина об отношениях обусловленности (причины, цели, условия, уступки, следствия) как текстообразующих категориях, «текстовых константах», текстовых структурах. Рассматривается комплекс вопросов: способы и средства обозначения обусловленности, порядок следования компонентов обуславливающего отношения в текстах, разновидности усложненных структур обусловленности, интенции автора и адресата с точки зрения отношений между ситуациями, возможные текстовые расстояния между компонентами обуславливающего отношения, наличие/отсутствие различий в семантике обуславливающего и обусловленного компонентов, преимущественное использование в текстах тех или иных обуславливающих отношений;¹⁰ данная проблематика конкретизируется в описании структуры отношений обусловленности в избранном для анализа рассказе А. П. Чехова.¹¹

Коллективные монографии по проблемам функциональной грамматики включают ряд разделов, посвященных типологическому анализу семантических категорий в их языковом выражении. В этих работах представлены различные варианты характеристики соотношения обобщенных семантических категорий или их элементов и их отражения в языковых значениях, выступающих в том или ином варианте в конкретных высказываниях. См., в частности, написанные В. П. Недялковым (в некоторых работах — вместе с соавторами) разделы в составе 6-томной «Теории функциональной грамматики»: «Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов»;¹² «Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским)»;¹³ «Типология рефлексивных конструкций»;¹⁴ «Типология взаимных конструкций»;¹⁵ см. также написанные В. С. Храковским и его соавторами разделы в коллективных монографиях, посвященных про-

---

⁹ См.: *Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А.* Предикативная качественность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996. С. 54—55.

¹⁰ См.: *Евтюхин В. Б.* Обусловленность в тексте // Исследования по языкознанию. СПб., 2001а. С. 209—210.

¹¹ *Евтюхин В. Б.* Структура отношений обусловленности в «Рассказе госпожи NN» А. П. Чехова // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26—28 сентября 2001 г.). СПб., 2001б. С. 120—129.

¹² *Недялков В. П.* Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987 (ТФГ 1987; 2-е изд., стер. М., 2001; 3-е изд. М., 2003; 4-е изд. М., 2006). С. 180—195.

¹³ *Недялков В. П., Отаина Т. А.* Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987 (2-е изд., стер. М., 2001; 3-е изд. М., 2003; 4-е изд. М., 2006). С. 296—319.

¹⁴ *Генюшене Э. Ш., Недялков В. П.* Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991 (ТФГ 1991). С. 241—276.

¹⁵ *Недялков В. П.* Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991 (ТФГ 1991). С. 276—312.

блемам функциональной грамматики, в частности «Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия)»;¹⁶ «Грамматика акциональных классов».¹⁷ С проблемами функциональной грамматики тесно связаны типологические исследования, включающие уровень синтаксиса.¹⁸

В лингвистической литературе исследование и описание представленных в высказывании типовых ситуаций далеко не всегда связано с термином «категориальная ситуация»; ср., в частности, выделяемые на семантической основе типы синтаксических конструкций, рассматриваемые в упомянутых выше коллективных монографиях.¹⁹ При всех отличительных признаках разных научных школ в рассматриваемой сфере исследований выявляется сходство, заключающееся в исходно-семантическом принципе классификации анализируемых категориальных единств и в концентрации внимания на реализации семантических элементов в высказывании.

Для разрабатываемой нами теории функциональной грамматики существенны не только типологические обобщения универсальной системы анализируемых категорий, но и сопоставительные исследования на материале нескольких языков.²⁰

Один из вопросов, рассмотрение которых в теории грамматики включает анализ взаимосвязанных аспектов языковой системы и разных типов текстов, — избыточность в языке и речи. Этой проблеме посвящен недавно опубликованный сборник статей «Избыточность в грамматическом строе языка».²¹ В статье М. Д. Воейковой выделяются общие проявления избыточности текстов и особого аспекта «грамматической избыточности, проявляющейся на синтагматическом или парадигматическом уровнях».²² В статье Е. В. Грудевой «Избыточность языка и избыточность текста...» рассматриваются существующие истолкования взаимосвязей системно-языковых оснований и речевых проявлений избыточности; особое внимание обращается на зависимость между типом текста и степенью его избыточности; сопоставляются тексты четырех типов: разговорный, художественный (речь идет о жанре рассказа); газетный (имеется в виду аналитическая

---

¹⁶ Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 22—42.

¹⁷ Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. Грамматика акциональных классов // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 49—114.

¹⁸ См. работы, развивающие принципы Петербургской/Ленинградской типологической школы: Типология итеративных конструкций. Л., 1989; Типология императивных конструкций. СПб., 1992; Типология условных конструкций. СПб., 1998; Типология уступительных конструкций. СПб., 2004; Типология таксисных конструкций. М., 2009; Reciprocal Constructions / Edited by Vladimir P. Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia, 2007. Vol. 1—5.

¹⁹ Типология итеративных конструкций. 1989 и др.

²⁰ См., в частности, написанные И. В. Недалковым разделы в томах серии коллективных монографий «Проблемы функциональной грамматики» (Недалков И. В. 1) Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности/предшествования/следования // Проблемы функциональной грамматики. СПб., 2003. С. 156—174; 2) Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Там же. СПб., 2005. С. 233—243).

²¹ Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010.

²² Воейкова М. Д. Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010. С. 13.

статья) и научный.²³ В статье Я. Э. Ахапкиной анализируется мотивация при выборе речевых средств при выражении кодируемого смысла в ситуациях чтения редактором предназначенного для публикации текста, чтения учителем учебного текста и диалога матери с ребенком раннего возраста; сопоставляются порождающая и корректирующая стратегии.²⁴ Статья И. Н. Смирнова посвящена анализу факультативной и обязательной избыточности средств выражения грамматических значений; особое внимание уделяется системной избыточности (на материале вариативности глагольного формообразования и словообразования); учитываются и диахронические аспекты избыточности рассматриваемого типа.²⁵ В статье Е. Г. Сосновцевой в центре внимания находятся факты истории русского языка: рассматривается соотношение краткой и пространной редакций агнографического текста (на материале жития Паисия Угличского).²⁶ Представляет интерес и ряд других разделов сборника.

Функционально-грамматические исследования в последние годы включают анализ детской речи. Это направление исследований реализуется в цикле коллективных и индивидуальных монографий и статей, посвященных формированию в речи ребенка семантических категорий в их языковом выражении. Коллективный труд «Семантические категории в детской речи»²⁷ включает разделы, посвященные усвоению ребенком ряда категорий. В их числе: аспектуальность (автор раздела — Н. В. Гагарина), временная локализованность (Я. Э. Ахапкина), темпоральность (О. Г. Сударева), модальные значения возможности/невозможности и необходимости (Е. А. Офицерова), отрицание (О. В. Мурашова, В. А. Семушина), эпистемическая модальность (В. М. Швец), персональность (Г. Р. Доброва), посессивность (С. Н. Цейтлин), количественность (М. Д. Воейкова), локативность (М. А. Еливанова), обусловленность (Ю. П. Князев). Исследуется семантическая типология вопросо-ответных единств (В. В. Казаковская); анализируются типы текстов в регистре общения с детьми (Т. О. Гаврилова).²⁸

---

²³ Грудева Е. В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010. С. 73—89.

²⁴ Ахапкина Я. Э. Мотивация при выборе речевых средств для выражения кодируемого смысла: порождающая и корректирующая стратегии // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010. С. 242—257.

²⁵ Смирнов И. Н. Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010. С. 272—298.

²⁶ Сосновцева Е. Г. Стратегии распространения агнографического текста (на материале жития Паисия Угличского) // Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010. С. 359—378.

²⁷ Семантические категории в детской речи. СПб., 2007.

²⁸ См. также монографии и статьи: Цейтлин С. Н. 1) Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000; 2) Выражение побуждения в детской речи. М., 2008; 3) Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009; Пупынин Ю. А. 1) Усвоение системы русских глагольных форм (ранние этапы) // Вопросы языкознания. 1996. № 3; 2) Элементы видо-временной системы в детской речи // Там же. 1998. № 2; Воейкова М. Д. Типы и разновидности качественных отношений на ранних этапах речевого развития ребенка // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003; Казаковская В. В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый–ребенок». СПб., 2006; Ахапкина Я. Э. Временная нелокализованность действия на ранних этапах речевого онтогенеза (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб., 2008.

Категориальные элементы высказываний могут быть связаны с характеристикой типов текстов, представленных в прозе и в поэзии (ср. анализ особенностей темпоральной структуры поэтического текста, в частности «ситуаций настоящего времени», в поэзии О. Мандельштама и А. Ахматовой в работах Я. Э. Ахапкиной).²⁹

На наш взгляд, на всех этапах анализа связей грамматической семантики с передаваемым в высказывании и целостном тексте смысловым содержанием необходимо учитывать соотношение семантических элементов, выражаемых в речи, и элементов языковой системы. Коммуникативные и системно-языковые аспекты изучаемой семантики представляют собой компоненты многоуровневого содержательного комплекса. При анализе этого комплекса во всех случаях необходимо принимать во внимание связь элементов семантического содержания с формальным выражением, с различными аспектами понятия формы.

---

²⁹ Ахапкина Я. Э. 1) Варианты ситуаций настоящего времени в акмеистическом тексте // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003 (ПФГ 2003). С. 133—154; 2) Регулярные и окказиональные средства выражения семантики времени в поэтическом идиостиле // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005 (ПФГ 2005). С. 114—149.

II. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

И. И. ЕЛИСЕЕВА, О. Н. НИКИФОРОВ,
Н. М. БАГРОВ, А. Н. ЩИРИНА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СТАТИСТИКА: РАЗВИТИЕ ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

Введение

Статистика была и остается неотъемлемой частью модернизации России. О ней всегда вспоминали в переломные годы: при создании Петром I российской промышленности, при реформировании государственного управления в 1802 г., при подготовке отмены крепостного права в 1861 г., подготовке военной реформы 1874 г., в период столыпинской реформы, при организации централизованной плановой экономики в советский период (выявление статистиков, которых можно привлечь к работе, было одной из первоначальных забот советской власти). Наконец, переход к рыночной экономике также ознаменовался обращением к статистике, ее роли в государственном управлении и обществе.

История

История становления российской статистики обусловлена особенностями социально-экономического уклада России. Напомним, что первым статистическим органом в стране стало «игрушечное» Статистическое отделение при Министерстве полиции, созданное 200 лет назад, в 1811 г. по инициативе Карла Германа (1767—1838): численность персонала доходила до 10 человек. Приехав в Россию по приглашению графа Гурьева, министра финансов (автора рецепта знаменитой «гурьевской каши»), молодой немец испытал удивление от того, что живущие в этой богатой стране ничего не знают о ее богатстве: ни числа городов, ни церквей, ни ярмарок, ни цен на ходовые товары и проч. И он загорелся идеей «статистического просвещения» россиян. Именно К. Герман добился включения преподавания статистики в гимназии, начал издание первого в России «Статистического журнала», который выходил в 1806—1808 гг. Однако практическое развитие статистики в то время было обречено на провал. Создав некоторое подобие статистического органа, К. Герман вскоре понял, что этот орган не имеет опоры «на местах». Единственной реальной силой, через которую осуществля-

лось собрание некоторых данных, была полиция. Недаром Статистическое отделение было организовано при Министерстве полиции, которое затем вошло в состав Министерства внутренних дел. Статистическое отделение располагало в лучшем случае в качестве материала для обобщения и описания годовыми отчетами губернаторов, которые собирались с 1802 г. С середины 1830-х гг. началось создание местных статистических органов — губернских статистических комитетов. В 1852 г. императором Николаем I был подписан Указ об учреждении Статистического комитета, который с 1853 г. стал называться Центральным статистическим комитетом.

Вхождение России в мировую экономику потребовало перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики. Положение о Федеральной службе государственной статистики неоднократно пересматривалось.¹ Наиболее существенное изменение системы показателей было проведено в 1993 г. (в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 121). В настоящее время, как указывается в постановлении Правительства Российской Федерации от 2 июня 2008 г. № 420, «Федеральная служба государственной статистики (Росстат) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации, а также в порядке и случаях, установленных законодательством Российской Федерации, функции по контролю в сфере государственной статистической деятельности».² Таким образом, Росстат обозначен как центр разработки статистической методологии, как организатор проведения статистических наблюдений, связанных с реформированием экономики. Но выполнить эту основную функцию государственной статистике было не по силам, и постепенно ее интегрирующая роль стала признаваться лишь номинально. А у каждого серьезного ведомства создавалась своя система сбора и обработки данных. И вот 26 мая 2010 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации № 367 «Положение о единой межведомственной информационно-статистической системе», в котором вновь перед государственной статистикой была поставлена задача создания этой системы. Это событие совпало с оживлением дискуссии о состоянии российской статистики в 2010 г.³ Несомненным толчком этому послужили баталии вокруг Всероссийской переписи населения 2010 г.

Активно формирующийся рыночный спрос на информацию, появление новых участников на этом рынке — предпринимателей, наряду с традиционны-

¹ Например, в постановлениях Правительства Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы государственной статистики» от 7 апреля 2004 г. № 188, «Об утверждении Положения о Федеральной службе государственной статистики» от 30 июля 2004 г. № 399, «О внесении изменения в Положение о Федеральной службе государственной статистики, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 399» от 27 мая 2006 г. № 323 и др.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2008 г. № 420, п. 1.

³ См., например: *Бессонов В. А., Пономаренко А. Н.* О возможных направлениях модернизации национальной статистической системы // *Вопросы статистики.* 2010. № 4. С. 14—19; *Бессонов В. А.* Взгляд на российскую статистику со стороны пользователя. М., 2009. 30 с. Препринт WP2/2009/02Серия WP2. Москва: Государственный университет — Высшая школа экономики.

ми потребителями статистической информации в лице органов государственной власти, научных работников и просто заинтересованных лиц, предъявляет ряд новых требований к качеству информации. Условия рыночной экономики требуют формирования информации, ориентированной на потребителя. Адаптация статистической системы к рыночным условиям определяется уровнем развития маркетинговой службы российской статистики. Законы рынка могут работать только при выполнении основного условия: спрос должен формировать информационный «портфель заказов» для статистической системы. Рыночная статистическая информация должна удовлетворять потребностям в количественных и качественных параметрах — от содержания и формы представления до предметности системы показателей в рамках сохранения национальной системы статистики.

К настоящему времени сформировался блок статистических показателей, в той или иной степени удовлетворяющий информационные потребности органов государственной власти. Всем остальным потребителям недостаточно агрегированной информации, которая регулярно публикуется и которая включает в основном макроэкономические показатели. Необходима их дезагрегация, детальная проработка данных о разнообразных процессах, протекающих на мезо- и микроуровне: товарных потоках и региональной экономической конъюнктуре, рынках труда, капитала и т. д. Такая информация не является предметом коммерческой тайны и не может нанести ущерба кому-либо, и она нужна как предпринимательскому и научному сообществу, так и всем лицам, интересующимся проблемами развития экономики России. Ее наличие, т. е. публикация в открытой печати, создаст благоприятные условия развития как для производителей этой информации — Росстата, так и для потребителей. Однако решение поставленной задачи требует глубокой проработки не только в части содержания, но и в отношении механизмов ее реализации.

Росстат регулярно сообщает нам о своих достижениях, о грандиозности пройденного пути по формированию отечественной статистики, отвечающей требованиям рыночной экономики, но умалчивает о недоработках и минусах. К слабостям отечественной статистики на современном этапе следует отнести:

- затянувшееся «переходное» состояние: сохранение тяжеловесного и архаичного аппарата государственной статистики, устаревших методов сбора данных, плохо адаптированной к современным потребностям системы статистических показателей;

- неразвитость интегрирующей функции государственной статистики; слабое взаимодействие с ведомствами;

- недостаточная развитость и низкий престиж региональной статистики;

- отсутствие видимого прогресса в построении основной макроэкономической модели рыночной экономики — системы национальных счетов (СНС), включая недостаточную разработанность методологии учета теневой экономической деятельности;

- несоответствие статистических изданий аналитическим потребностям ученых и практиков.

В нашей стране вопросам «производства статистики» уделяется мало внимания. Если за рубежом такие исследования носят регулярный характер, являясь основой и одной из главных составляющих постоянного совершенствования качества статистической информации, то в России можно вспомнить лишь об издании в 2004 г. Госкомстатом России книги «Организация государственной ста-

тики в Российской Федерации», а также об издании четырех выпусков под общим названием «Методологические положения по статистике». Все остальное содержится в служебных документах, циркулярных письмах и указаниях Росстата.

Как известно, любая из статистических работ складывается из разработки инструментария, полевого этапа наблюдения и обобщения результатов с представлением итогов на федеральном и региональном уровнях. И если с первым и последним этапом все в большей степени понятно и предсказуемо, то этап сбора информации, как наиболее трудоемкий и затратный как для респондентов, так и для самих статистиков, остается без должного внимания. А ведь именно от достоверности собранных данных зависит наполнение последующих статистических таблиц, построение временных рядов.

Отсутствуют подзаконные нормативные акты реализации тех федеральных законов, которые в той или иной мере затрагивают вопросы получения и обмена информацией. Так, в реализации закона о малом бизнесе № 209-ФЗ до настоящего времени не определено ведомство, осуществляющее идентификацию (подтверждение) статуса малого предприятия по критериям, определенным постановлением Правительства РФ, а «по умолчанию» эту функцию исполняют территориальные органы Росстата. В правоприменительной практике федерального закона от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в РФ» не находят решения вопросы легитимности организации региональных статистических наблюдений, использования первичной статистической информации в административных целях органами власти субъектов Федерации с разрешения респондентов — хозяйствующих субъектов, представивших статистическую отчетность. Перечисленные вопросы неоднократно поднимались органами государственной власти в субъектах Федерации. Без реализующих подзаконных актов остается и федеральный закон №149 от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», без которого статистикам трудно осуществлять межведомственное информационное взаимодействие и актуализацию Статистического регистра и Генеральной совокупности объектов статистических наблюдений.

Если в конце 1990-х гг. статистики говорили о стремительно разрастающемся поле статистических наблюдений ввиду роста регистрации юридических лиц, смены профиля, реоформления в индивидуальные частные предприниматели или в предприниматели без оформления юридического лица, то сейчас впору говорить о виртуальности самого поля статистических наблюдений. Наиболее красноречивым является тот факт, когда в начале 2010 г. по запросу Правительства РФ потребовалось подтверждение данных по трем машиностроительным предприятиям (в прошлом отечественным гигантам) о наличии инвестиций в производство. Сначала выяснилось, что ни одного из трех, как собственно машиностроительных, предприятий не существует, а основной вид их деятельности — сдача имущества в аренду малым предприятиям, образованным на территории бывших гигантов. И консолидированной отчетности они не ведут. При этом на федеральном уровне сохраняется восприятие этих объединений как единых, причем машиностроительных.

При попытках понять сложности интегрирования систем учета разных ведомств особенно часто приводят примеры различий в подходах статистического, пенсионного и налогового учета. Но почему-то никому не приходит в голову сделать эти системы едиными, объединив их, может быть, в федеральном учетном кодексе. В противном случае часто встречающиеся попытки сравнивать

несопоставимые совокупности станут общей практикой не только экономистов, исследователей, но и руководителей органов власти, что равносильно потере системы координат в экономике.

Перемены, происходящие в государственной статистике, безусловно дают основания для оптимизма, правда для весьма умеренного. Многие изменения происходят слишком медленно. Федеральной налоговой службе для перехода на электронный сбор налоговой отчетности от предприятий потребовалось три года, и задача была решена, хотя она была не менее масштабной, чем задача сбора данных статистикой, а государственная статистика планирует к 2011 г. достигнуть всего лишь 30% от уровня сбора информации в электронном виде.

Наших статистиков иногда хочется сравнить с землемерами начала века. Несмотря на совершенствование сегодня инструментов и методов измерений, внедрение космической и аэрофотосъемки, современных информационных технологий, самым «надежным» и несомненно дешевым остается ручной труд статистиков, измеряющих «среднюю температуру по экономике», как и 100 лет назад, по формулярам-отчетам. Только перо заменила шариковая авторучка и компьютерная мышь, но большинство автоматизированных процедур, к сожалению, не заменяет глаза статистика-профессионала. Эта архаичность проявилась и в проведении в 2010 г. Всероссийской переписи населения: опять был применен экспедиционный метод сбора данных, т.е. армия специально обученных людей должна была обойти все жилые помещения и заполнить переписные листы со слов граждан. А ведь этот способ всегда объяснялся низкой грамотностью населения, т.е. фактором, на который теперь трудно сослаться.

Возможности анализа

Многие экономисты помнят 1970-е гг. — период развития комплексного социально-экономического планирования, нацеленного на интенсификацию и повышение эффективности экономики. Разрабатывались методики анализа эффективности, и все они опирались на данные, которые присутствовали в системе статистической отчетности и в статистических публикациях. В последние годы мы растеряли практически все показатели эффективности использования ресурсов: в статистике не рассчитываются показатели производительности труда, фондоотдачи, энергоемкости, материалоемкости и проч., хотя постоянно говорим о модернизации.

В основных принципах организации статистического наблюдения указывается, что статистическое наблюдение за деятельностью предприятий должно обеспечить получение объективной информации об основных аспектах деятельности предприятий. Показатель производительности труда всегда считался едва ли не основным качественным показателем. На его основе определялись и анализировались изменения объемов производства. На уровне отдельного предприятия анализ проводился с использованием следующих индексов:

$$I_q = \frac{\Sigma T_1 V_1}{\Sigma T_0 V_0}; \quad I_{q(T)} = \frac{\Sigma T_1 V_0}{\Sigma T_0 V_0}; \quad I_{q(V)} = \frac{\Sigma T_1 V_1}{\Sigma T_1 V_0},$$

где q — выпуск товаров и услуг; T — численность занятых в отдельных предприятиях или видах экономической деятельности; V — уровень производительности

труда, рассчитанный как объем продукции, приходящийся на одного работающего или единицу отработанного времени.

Первый индекс отражает общее изменение выпуска товаров и услуг, а два последующих — изменение выпуска за счет изменения численности работающих или фонда отработанного времени и уровня производительности труда.

На макроуровне анализ проводился с помощью следующих расчетов.

1. $\Delta BDC(T) = \sum T_1 V_0 dVDC_0 - \sum T_0 V_0 dVDC_0$ — изменение валовой добавленной стоимости (BDC) за счет изменения затрат труда (T).

2. $\Delta BDC(V) = \sum T_1 V_1 dVDC_0 - \sum T_1 V_0 dVDC_0$ — изменение BDC за счет производительности труда (V).

3. $\Delta BDC(dVDC) = \sum T_1 V_1 dVDC_1 - \sum T_1 V_1 dVDC_0$ — изменение BDC за счет доли BDC i -го сектора (отрасли, вида деятельности) в общем объеме BDC ($dVDC$).

Значком «1» обозначены данные отчетного периода, значком «0» — данные базового периода.

Каковы же возможности расчета уровня производительности труда в рамках отдельного хозяйствующего субъекта в настоящее время?

Сведения об объеме продукции содержатся в двух главных статистических отчетах: в форме 1-предприятие и в форме 1-П. Однако в обоих случаях в явном виде присутствует только показатель «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами». В «Указаниях по заполнению форм федерального статистического наблюдения: N П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг» говорится: «По строке 01 раздела 1 формы N П-1 отражается объем отгруженных или отпущенных в порядке продажи, а также прямого обмена (по договору мены), товарного кредита, всех товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг собственными силами в фактических отпускных (продажных) ценах (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей), включая суммы возмещения из бюджетов всех уровней на покрытие льгот, предоставляемых отдельным категориям граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации».⁴ Приходится только удивляться, как много различных понятий включено в эту формулировку, но главного здесь нет: общего объема произведенных товаров и услуг. Для получения общего объема произведенных предприятием товаров и услуг необходимо выполнить ряд дорасчетов:

— добавить объем произведенных и переработанных на предприятии полуфабрикатов;

— добавить изменение объема незавершенного производства (для предприятий с циклом производства более двух месяцев);

— добавить изменение запасов полуфабрикатов и готовых изделий.

Изменение запасов готовой продукции и незавершенного производства определяется как разница между поступлениями в запасы и изъятиями из них в оценке по ценам, действующим соответственно в момент их поступления или изъятия. Важность достоверного учета названных элементов продукции обуславливается и тем, что они включаются в состав валового выпуска продуктов и услуг в счете производства (СНС). Требуется достоверного учета и изменение запасов материальных оборотных средств, учитываемых в счете операций с капиталом. Сюда включается изменение производственных запасов, незавершенного произ-

⁴ Указания по заполнению форм федерального статистического наблюдения: N П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг», от 12 ноября 2008 г. № 278.

водства, готовой продукции и товаров для перепродажи. Изменение стоимости запасов в течение данного периода рассчитывается как разность между стоимостью запасов на конец и на начало периода, оцененных в средних рыночных ценах рассматриваемого периода для устранения влияния изменения цен.

Сведения об остатках готовой продукции собственного производства на конец месяца присутствуют в форме 1-П, но все другие составляющие общего объема выпущенных предприятием товаров и выполненных услуг в статистической отчетности отсутствуют. Можно попытаться подключить информацию бухгалтерской отчетности, но каждый из видов учета решает свои специфические задачи.

Бухгалтерский и статистический учеты не гармонизированы в отношении периода времени учета операций и по другим параметрам. В результате остается открытым вопрос: насколько эффективно используется рабочая сила каждого конкретного предприятия?

При переходе к анализу уровня и динамики производительности труда на макроуровне обнаруживается еще более удручающая ситуация. На макроуровне динамика производительности труда определяется через отношение индекса физического объема продукции к индексу затрат труда. На первый взгляд мы имеем возможность рассчитать оба индекса, но проблема в том, что они не согласованы методически.

Потоки статистической информации, используемые для построения индекса физического объема продукции, построены следующим образом:

— ежемесячно предоставляется информация по крупным и средним предприятиям (кроме совместных) об объемах производства и отгрузки продукции (работ, услуг), а также по производству важнейших видов продукции в натуральном выражении;

— данные об объемах производства совместными предприятиями с иностранным участием собираются раз в квартал;

— по субъектам малого предпринимательства проводятся ежегодные выборочные обследования;

— данные об объемах производства в стоимостном и натуральном выражении по подсобным промышленным производствам (предприятиям), состоящим на балансе непромышленных организаций, включая сельскохозяйственные предприятия, предоставляются один раз в год.

Индекс физического объема промышленной продукции (работ, услуг) базируется на использовании данных о динамике натурально-вещественных показателей производства по установленному набору товаров — представителей с последующим поэтапным агрегированием в отраслевые и общепромышленный индексы. При дальнейшей корректировке индекса физического объема по крупным и средним предприятиям до полного круга необходимо учесть динамику выпуска продукции по совместным, малым предприятиям и промышленным подразделениям, состоящим на балансе непромышленных организаций. Влияние динамики производства каждой из вышеперечисленных групп предприятий на общий индекс физического объема по территории и в разрезе отраслей определяется исходя из долей этих групп предприятий в общем объеме производства, сложившихся в предшествующем (базисном) году, и полученных индексов физического объема по ним за последний отчетный период. Следовательно, индекс физического объема характеризуют две особенности: он отражает динамику *товаров-представителей*, и он строится на системе условных дорасчетов.

Чтобы измерить производительность труда, нужно измерить объем отработанного времени, который всегда учитывался в статистике труда.

Статистика труда трансформировалась одновременно с трансформацией всей экономической системы современной России. «При этом взамен единого порядка получения информации от всех организаций сбор сведений в настоящее время осуществляется с использованием цензового метода по разным статистическим формам и с различной периодичностью».⁵

В результате этой трансформации статистика практически потеряла данные об использовании рабочего времени и, следовательно, об уровнях среднечасовой и среднедневной производительности труда, о показателях «уплотненности» рабочего дня и рабочего периода. Кроме того, получаемая информация оказывается несогласованной по периодам регистрации фактов: крупные и средние организации представляют отчетность ежемесячно, малые предприятия — один раз в квартал на выборочной основе. Но если даже абстрагироваться от этого, то все равно нельзя сопоставить индекс физического объема товаров — представителей и индекс общей численности работающих.

Сформировавшаяся в настоящее время практика статистического учета объема производимой продукции и рабочей силы делает невозможным расчет не только уровней и динамики производительности труда, но и ряда других важнейших показателей эффективности работы предприятий, например фондовооруженности труда и фондоотдачи основных фондов и других, которые могли бы пролить свет на ход модернизации экономики.

Профессиональное суждение

В последние годы все чаще российская официальная статистика собирает так называемую опросную информацию. Обычно это мнения руководителей предприятий и ведущих специалистов. Эта информация должна рассматриваться как профессиональное суждение. Профессиональное суждение — это добросовестно высказанное профессиональным работником мнение о хозяйственной ситуации, полезное как для ее описания, так и для принятия действенных управленческих решений.

В условиях рыночной экономики профессиональное суждение — это именно то, что думает сам профессионал, а не то, что кто-то за него думает (включая предписания нормативных документов). Желание работать вне нормативов изначально возникло и было осмыслено в англоязычных странах. Именно там был создан культ профессионального суждения.⁶ Такой подход сложился на почве английского общего права, которое развивалось путем накопления опыта судебных решений. Исторические корни общего права лежат не в созданных законах, а в прецедентах. Отсюда восприятие профессионального мнения как представления конкретного хозяйственника о конкретной хозяйственной ситуации.

В российской официальной статистике суждения хозяйственников собираются в рамках конъюнктурных бизнес-обследований (формы № 1-конъюнктура,

---

⁵ Методологические положения по статистике. М.: Госкомстат России. М., 2003. Вып. 4.

⁶ Соколов Я. В. Судьба международных стандартов финансовой отчетности в России // Финансы и бизнес. 2005. № 1. С. 67—83.

№ ДАС, №ДАП-ПИ, №1-ДАП);⁷ при сборе данных об инвестиционной активности организаций и инвестиционных намерениях предпринимателей (формы № П-2 «Сведения об инвестициях» и № ИАП «Обследование инвестиционной активности организаций»), а также при сборе сведений об инновациях (форма № 4-инновация). Как видим, все указанные направления призваны отражать ключевые для нашей страны процессы перехода к инновационной экономике, экономике, основанной на знаниях. Инновационная деятельность любого вида (продуктовая, процессная, маркетинговая, организационная) предполагает инвестиционную активность, понимание конъюнктуры, складывающейся на рынке. Качество опросной информации, при прочих равных условиях, зависит от опыта профессиональной деятельности респондента и уровня его специальной подготовки.

Высказанное в рамках статистических работ суждение должно быть добросовестным. Это то, что в бухгалтерском учете принято называть «*true and fair view*» («достоверный и добросовестный взгляд»). Трактовка, проводящая различия между этими двумя понятиями, дана Т. А. Ли: «Достоверность — это информация, адекватно сообщающая о том, о чем идет речь, а добросовестность — это объективная нейтральная оценка, которая не дает преимуществ ни одной из групп пользователей».⁸ Возможно, лучшее определение достоверности мы находим у К. Поппера (1902—1994). «Достоверность, — подчеркивал он, — редко бывает объективной, обычно это не более чем сильное чувство уверенности, убежденности, хотя и основанное на недостаточном знании».⁹ Из этого утверждения следует, что достоверное суждение — это мнение хозяйственника, основанное на его убеждениях.

Знакомство с материалами официальной статистики не позволяет с уверенностью считать, что высказанные суждения являются достоверными и добросовестными. В результате обследования инвестиционной активности организаций в 2007 г. в качестве основных факторов, сдерживающих инвестиционную активность организации, 59 % руководителей указали недостаток собственных финансовых средств, 29 % — высокие инвестиционные риски, 27 % — высокий процент коммерческого кредита. Указаны самые расхожие причины, о которых постоянно пишут и говорят. Не нужно было проводить обследование, чтобы получить такую информацию. Является ли она достоверной? Да, конечно, так как она отражает убежденность респондентов. Но можно ли ее назвать добросовестной? И тут возникают сомнения. В рыночной экономике собственные средства и не должны быть источником инвестиций. На рынке всегда есть свободные денежные средства. Можно предположить, что либо цель инвестиций была недостаточно амбициозной, либо бизнес-план организации был плохо подготовлен с точки зрения получения кредита, либо, что весьма вероятно, руководитель просто не пытался что-либо предпринять. Ответы о высоких рисках означают, что руководители либо не могут правильно оценить риск, либо не делали попыток найти альтернативный инвестиционный проект с меньшими рисками. Во всяком случае полученные ответы сильно смахивают на отписку. Ведь недобросовестность в

---

⁷ Курьшева С. В., Мельникова О. В. Бизнес-обследования деловой активности предприятий розничной торговли // Финансы и бизнес. 2006. № 2. С. 86—97.

⁸ Lee T. A. The concept of truth and fairness. Van Nostrand Reinhold. 3rd ed. 1986. P. 51.

⁹ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 197.

ответах на вопросы обследования Росстата никак не скажется на благополучии организации. Росстат — это не ФНС, и можно, как говорится, не волноваться.

Я. В. Соколов и Е. В. Казанникова приводят результаты опросов руководителей западных фирм, как они понимают достоверный и добросовестный взгляд: 50% финансовых директоров ответили, что полагаются на мнение аудиторов и ничего не делают сами, чтобы их отчетность отвечала требованиям достоверности и добросовестности.¹⁰

Группой исследователей кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов в 2008 г. было предпринято обследование промышленных предприятий по выявлению уровня профессионализма при заполнении формы № 4-инновация. Функция заполнения формы № 4-инновация на большинстве предприятий возложена на бухгалтерские службы (по существующей российской практике вся отчетность — бухгалтерская, налоговая, статистическая и другая — заполняется в бухгалтерии). Обычно (на средних и малых предприятиях) отчетность заполняется главными бухгалтерами, которые некомпетентны в отношении значительной части вопросов формы, не владеют терминологией, не разграничивают понятия продуктовых и процессных, технологических и организационных инноваций, а на изучение инструкции, которая на их взгляд является очень объемной и запутанной, у них просто «нет времени». Отчетность составляется один раз в год, а в повседневной работе этот категорийный аппарат не используется. На некоторых предприятиях форму № 4-инновация заполняют бухгалтеры среднего звена. В этом случае достоверность и полнота информации оказываются еще более низкими.

Чаще всего организации заполняют только адресную часть формы и предоставляют сведения из раздела 1 «Общие организационно-экономические показатели организации» (сумма инвестиций в основной капитал, численность работников, расположение головного офиса и др.), которые корреспондируют с другой статистической отчетностью. Остальные разделы остаются незаполненными или заполненными частично исходя из собственного видения ситуации и субъективного понимания инновационной деятельности своего предприятия. При этом респонденты отмечали, что, возможно, по ряду разделов и можно было бы получить достоверную информацию в подразделениях научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), в отделах маркетинга, коммерческо-технологических центрах или других подразделениях предприятия (в зависимости от организационной структуры), однако они не видят в этом смысла, поскольку не относят форму № 4-инновация к числу «основных», в отличие от так называемых унифицированных форм статистической отчетности, полнота и достоверность которых очень тщательно контролируется органами государственной статистики. Непредставление информации по разделам формы № 4-инновация, как правило, никаких последствий не имеет, что позволяет организациям действовать по принципу: «меньше предоставишь информации — меньше будет вопросов со стороны контролирующих органов». Опыт их работы свидетельствует, что предоставление информации по какому-либо показателю может повлечь за собой требования документального подтверждения информации, либо увеличение перечня форм отчетности для предприятия.

---

¹⁰ Соколов Я. В., Казанникова Е. В. Достоверный и добросовестный взгляд // Финансы и бизнес. 2005. № 4. С. 90.

Респонденты отметили неудачные сроки предоставления отчета по форме №4-инновация в органы государственной статистики — 2 апреля после отчетного года. Это раньше, чем предприятие успевает составить все формы годовой бухгалтерской отчетности. В связи с этим теряется часть информации, которую можно было бы получить, например, на основании формы 5 «Приложение к бухгалтерскому балансу» (составляется к 30 апреля). При изменении сроков предоставления отчета по инновациям он был бы более полным.

Организации в целом не заинтересованы предоставлять информацию о своей инновационной деятельности, поскольку это не дает им «никакой реальной коммерческой выгоды», а требует лишь временных затрат на сбор информации в требуемых разрезах и форматах, которые не отвечают организации первичного учета на предприятии.

Организации не уверены в конфиденциальности статистической информации и приводят множество примеров из практики о нарушениях порядка проведения проверок со стороны контрольных и надзорных органов. По мнению некоторых экспертов, введение с 2008 г. налоговых льгот только усугубляет проблему для тех организаций, которые реально занимаются инновациями, но по тем или иным критериям не попадают в категорию «льготных» (или не хотят попадать по принципу «овчинка выделки не стоит»). Предприятия уверены, что, показав затраты на инновации и объем инновационной продукции в статистической отчетности и не подав заявку на предоставление льгот в налоговые органы, они обязательно попадут под проверку со стороны налоговой службы. Кроме того, у бухгалтеров предприятий, которые активно занимаются инновационной деятельностью и практически выпускают исключительно инновационную продукцию, занижены оценки в отношении инноваций: если предприятие выпустило продукцию, обладающую новыми функциональными или техническими характеристиками, собрало из уже существующих комплектующих принципиально новый прибор или внедрило на рынке новую информационную услугу, разработанную сторонними организациями, то часто сами работники не считают это инновациями.

Информация по показателям затрат на инновации оказывается недостоверной, поскольку большинство предприятий включает эти затраты в себестоимость продукции (тем самым снижается объем налогооблагаемой прибыли). Предприятия высокотехнологичной сферы часто работают по заявочному принципу: разрабатывают продукт под конкретные, часто уникальные, потребности заказчика. В этом случае договор заключается на поставку конкретных приборов, машин, оборудования, а НИОКР, изготовление опытных образцов являются лишь частью договора, и отдельный учет затрат на эти операции не ведется.

На предприятиях, где налажено нормирование труда, в том числе нормирование труда инженерно-технических работников, показатели затрат на инновации в части исследования и разработок получают расчетным путем как произведение фактически затраченных часов на отдельные этапы исследований и разработок по конкретным инновационным проектам и стоимости одного нормо-часа труда инженерно-технических работников. Несмотря на трудоемкость такого подхода, он представляется весьма перспективным, поскольку обеспечивает высокую степень достоверности.

Данные о численности работников, занятых научно-исследовательскими, проектно-конструкторскими разработками на предприятиях реального сектора экономики часто бывают искаженными (заниженными), поскольку предприятия

заинтересованы во включении затрат на заработную плату работников в состав себестоимости продукции. Отражение собственно «научной и исследовательской» деятельности предприятиям невыгодно с коммерческой точки зрения, поскольку в этом случае оно должно финансироваться из прибыли. Ряд предприятий финансирует участие своих сотрудников в конференциях, научных публикациях, рассматривая данную деятельность как опосредованный способ продвижения своей продукции и относя соответствующие затраты на маркетинг, рекламу в состав себестоимости.

Из-за непонимания сущности инновационной продукции (в основном ее отличия от улучшенной, модифицированной) бухгалтерам трудно определить объем отгруженной инновационной продукции. В ряде случаев, производя инновационную продукцию (например, уникальное технологическое оборудование, измерительные приборы, системы безопасности), предприятие не продает ее заказчику, а сдает в аренду и оказывает услуги методического и эксплуатационного сопровождения. При этом такая продукция также не попадает в категорию отгруженной. Неясно, считать ли отгруженной инновационной продукцией продукцию, поставленную в представительских целях.

Руководители отмечают существенную удаленность по времени затрат на разработки и исследования и постановку инновационной продукции на серийное производство, что также составляет трудности при учете и отражении в отчетности.

В качестве общего замечания следует отметить запутанность кодировок, неоднозначность подсказов в оценочных вопросах формы № 4-инновация (разделы «Факторы, препятствующие инновациям», «Результаты инновационной деятельности», «Источники информации для формирования инновационной политики и др.») и неясность ряда формулировок (в частности, в вопросах о вхождении организации в группу предприятий, о рынках сбыта, о маркетинговых и организационных инновациях).

Кумулятивный эффект отмеченных позиций приводит к тому, что и без того низкий уровень инновационной активности в нашей стране занижается вследствие непрофессионализма при заполнении отчетности. Ответы — это знаки того, что говорит респондент, но отнюдь не фактическое утверждение. Чтобы сблизить их и получить профессиональное суждение, немаловажна роль официальной статистики (качество инструментария наблюдения).

Аналитическая значимость публикаций Росстата

Нельзя не согласиться со следующим высказыванием: «Если из статистических публикаций пользователю недоступны существующие оценки некоторого показателя, то с его точки зрения это выглядит точно так же, как если бы этот показатель и не рассчитывался вовсе. Система государственной статистики в этом случае становится „вещью в себе“, утрачивая ценность для потребителей статистической информации».¹¹

Развитие российской статистики всегда носило структурно расширяющийся характер и сохраняло преимущество базовых показателей. Это позволяло анализировать динамику развития экономики в целом и по отдельным ее секторам,

---

¹¹ Бессонов В. А. Взгляд на российскую статистику со стороны пользователя. С. 4.

вырабатывать соответствующие предложения и рекомендации на различных уровнях управления.

Надо сказать, что при всей, казалось бы, востребованности статистики общество и власть не слишком задумываются о ее качестве, полноте, эффективном использовании, возможностях улучшения. Внедрение тех или иных международных стандартов с нашей, российской, стороны выглядит как «вынужденные» уступки международным организациям (WB, IMF, UN), которые сопровождаются «подачками» со стороны Запада (гранты, проекты, программы). Получается, что это не столько внутренняя потребность российской статистики, сколько элемент глобализации — усиления всеобщей зависимости каждой страны от других стран и необходимость владения общим статистическим языком.

В нашем обществе пока что нет понимания, что такое статистика, в чем состоит ее ценность, какова ее связь с построением правового государства. У власти нет идеи информационного обеспечения проводимой политики, приоритет отдается так называемой политической воле, а не расчетам и прогнозным оценкам. Для власти статистика нередко выполняет функцию камуфляжа и повода либо для победных реляций, либо для сведения счетов, нежели необходимого инструмента управления.

И несмотря на сказанное, наша жизнь идет под аккомпанемент статистических показателей, которые отражают темпы развития, направление динамики, произошедшие структурные изменения. Всем известны парадоксы влияния статистических показателей на советскую экономику, когда производство кастрюль или гвоздей измерялось в тоннах и для улучшения производственных показателей проще было сделать один огромный бачок вместо десятка нормальных кастрюль или выковать один огромный гвоздь вместо тысячи мелких гвоздей.¹²

Статистике принадлежит одна из ведущих ролей в трансформационный период. Сама перестройка началась с обвинений в адрес советской статистики, разоблачения ее «тайн»,¹³ с размышлений о доверии официальной статистике.¹⁴

Переход на международные стандарты

Вроде бы приветствуемый всеми переход на международные стандарты ставит в тупик аналитиков — пользователей статистическими публикациями.

С 1 января 2003 г., в соответствии с постановлением Госстандарта России от 6 ноября 2001 г., № 454-ст, взамен Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) на территории России был введен в действие Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), построенный на основе гармонизаций со Статистической классификацией видов экономической деятельности Европейского экономического союза (КДЕС/НАСЕ). Для его разработки и внедрения правительством Российской Федерации было принято Постановление от 17 февраля 2003 г. № 108 «Об установлении переходного периода для введения Общероссийского классификатора видов

---

¹² Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: В 2 т. // Пер. с англ. под ред. И. И. Елисеевой, В. Л. Тамбовцева. СПб., 2004.

¹³ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2—3.

¹⁴ Гужвин П. Доверие к статистике // Вестник статистики. 1992. № 9.

экономической деятельности», которым определено, что 2003—2004 годы являются переходным периодом для введения нового классификатора,¹⁵ и начиная с 2006 г. Росстат полностью перешел к публикации статистических данных по системе ОКВЭД.

При его разработке и внедрении, как это было неоднократно в нашей истории, авторами не были учтены ни национальные особенности России, включая динамику ее экономического развития в XX в., роль минерально-сырьевых ресурсов, ни выработавшийся в течение десятилетий подход пользователей к структуре и содержанию материалов в сборниках Росстата. Как отмечал возглавлявший в то время Федеральную службу государственной статистики В. Л. Соколин, «государственная статистика ориентирована на потребности различных групп: пользователей, среди которых органы власти, бизнес-сообщества, научные, общественные организации и население охватывают многие аспекты жизни общества и являются необходимым элементом его развития, экономической стабильности и дальнейшей интеграции России в мире. Именно на основании данных официальной статистики разрабатывается стратегия развития как страны в целом, так и каждого субъекта Российской Федерации».¹⁶ Следовательно, целью разработки и публикации статистических материалов по социально-экономическому развитию России является прежде всего обеспечение перечисленных В. Л. Соколиным групп пользователей статистическими данными, изложенными в установившемся в течение многих десятилетий стиле, в сложившейся структуре содержания, в преемственности динамических рядов и т. д., а не преимущественно для зарубежных пользователей, без учета требований собственных пользователей, как это выглядит в статистических сборниках за 2005—2010 гг.

Российская экономика исторически формировалась по отраслевому принципу и имела в своем составе в отличие от стран Западной Европы комплекс всех видов отраслей добывающего и обрабатывающего производства. Поэтому расчет статистических данных по отраслевому принципу в России (РСФСР) и использование Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) имели полное основание и сохранялись не одно десятилетие. Переход к рынку и ликвидация отраслевых министерств привели к утрате понятия «хозяйственная отрасль», многие предприятия диверсифицировали выпуск товаров и сократили выпуск базовой продукции (например, выпуск металлорежущих станков составил в 2008 г. лишь 6.5% от 1990 г., выпуск тракторов прекратился и т. д.). Но понятие технологической отрасли как совокупности предприятий и производств, обладающих общностью производимой продукции, технологии и удовлетворения потребностей, широко используется и будет использоваться в экономике. В то же время введенное Росстатом понятие «вид экономической деятельности» приживается трудно, и это естественно, ибо любой вид хозяйственной деятельности можно назвать экономическим, а критерии формирования соответствующих разделов классификатора ОКВЭД Росстатом пока что не раскрыты и не всегда понятны.

Для сравнения того, как изменилось отражение Росстатом общеэкономических показателей, рассчитанных по ОКОНХ и ОКВЭД, рассмотрим таблицы 14.3г, приведенные в ежегодниках Росстата за 2005 г. (раздел «Общеэкономические по-

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. С. 727.

¹⁶ Соколин В. Л. Реформирование статистики в интересах российского гражданского общества и государства // Вопросы статистики. 2008. № 12. С. 3.

казатели промышленности») и за 2008 г. (раздел «Общэкономические показатели добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды») (табл. 1 и 2).

Представленные в табл. 2 виды экономической деятельности по ОКВЭД ни по одному из направлений не совпадают с публиковавшимися ранее и приведенными в табл. 1 отраслевыми видами экономической деятельности (по ОКОНХ) — ни по названию, ни по содержанию, и, следовательно, динамические

Таблица 1

Индексы промышленного производства по отраслям промышленности.
1990 = 100%. (Разработка по ОКОНХ)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Вся промышленность	75	50	54.5	60	62	66	70
Электроэнергетика	96	80	77.4	77	77	78	79
Топливная промышленность	87	69	71.4	74	79	86	93
В том числе:							
нефтедобывающая	84	69	72	78	85	94	102
нефтеперерабатывающая	88	66	64	66	69	70	72
газовая	98	87	89	89	92	97	99
угольная	93	74	76	80	77	83	88
Черная металлургия	77	59	70.5	70	72	79	83
Цветная металлургия	68	55	64.6	71	76	80	83
Хим. и неф.-хим. промышленность	73	47	58.3	62	64	67	71
В том числе:							
химическая	71	49	60	64	65	67	73
нефтехимическая	78	42	52	57	57	62	65
Машиностроение и металлообработка	77	41	48.5	56	56	62	68
В том числе:							
машиностроение	75	39	46	49	50	54	61
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность	78	44	46	46	47	48	50
Промышленность стройматериалов	78	44	37.7	38	40	42	44
Легкая промышленность	64	19	16	16	16	15	14
В том числе:							
текстильная	63	19	20	21	21	20	19
швейная	70	22	25	27	24	22	29
кожевенная, меховая, обувная	70	19	14	13	14	14	14
Пищевая промышленность	76	52	55.7	60	63	67	69
В том числе:							
пищевкусовая	86	61	86	95	101	106	112
мясная и молочная	65	40	34	37	41	44	46
рыбная	78	59	72	71	65	64	62
Мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность	82	52	44	45	42	41	40

Источник: Россия в цифрах. 2005. М.: Росстат, 2006.

Таблица 2

Индексы производства по видам экономической деятельности. 1991 = 100%.
(Разработка по ОКЭВД)

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Добыча полезных ископаемых	88.2	70.7	74.3	91.5	97.7	99.1	1.6	103.5	103.7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	94.7	77.8	80.9	101.6	109.4	111.6	114.4	116.6	116.4
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	71	52	60	58.6	63.6	62.1	63.7	64.7	65.7
Обрабатывающие производства	81.8	47.5	51	58	64.1	69	74.7	81.8	84.4
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табак	80	50.2	54.5	67.5	70.5	75.2	80.5	85.4	86.3
Текстильное и швейное производство	71.9	22	23.4	24.9	23.9	24.8	27.8	27.4	26.2
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	78	20.8	15.5	21.5	21.8	21.8	26.6	26.6	27.1
Обработка древесины и производство изделий из дерева	78.7	40.8	37.5	41.8	45.4	48.6	50.3	53.4	54.1
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	88.0	62.7	81.1	99.8	104.9	108.7	116.3	126	127.9
Производство кокса и нефтепродуктов	82.8	62.2	60	66	67.6	70.6	75.6	77.8	79.9
Химическое производство	79	54.7	69.8	73.9	78.8	82	85.9	91.1	87.3
Производство резиновых и пластмассовых изделий	79.5	38.4	52.5	56.3	63.9	74.4	90.5	110.5	124.3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	80.9	46.9	40.3	45.4	49.2	51.6	56.7	65.8	65.2
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	82.3	57.6	66.8	78.8	81.9	87.6	96.2	98.2	98
Производство машин и оборудования	84.4	38.1	32.3	37.4	45.2	45.1	49.3	58.7	61
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	79.8	37.3	45.3	64.9	87.3	116.3	135.3	151.3	139.3
Производство транспортных средств и оборудования	85.3	45	53.1	44.1	49.2	52.7	54.8	63.2	69.2

Таблица 2 (продолжение)

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Прочие производства	91.2	60.7	60.4	75.5	83.2	90.4	101.4	106.6	111.5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	95.3	80.2	76.9	84.4	85.3	86.1	90.3	90.1	91.4

Источник: Россия в цифрах. 2008. М.: Росстат, 2009. С. 204, 205.

ряды экономического развития России можно построить начиная лишь с 2000 г. Такая ломка статистического отражения динамики произошла впервые за всю историю России. Переход на ОКВЭД исключает возможность сравнения динамики и темпов развития России (РСФСР) в советский период и в период реформ, в периоды кризиса 1990-х гг. и восстановительного роста в первое десятилетие XXI столетия, так как с переходом на ОКЭВД полностью изменились состав и названия позиций экономической деятельности, стилистика изложения материалов о социально-экономическом развитии России.

По методике ОКОНХ материал излагался в технологической последовательности: добывающие отрасли, в том числе топливно-энергетический комплекс с представлением всех видов выпускаемой им топливно-энергетической продукции, затем производство материалов: металлургический комплекс (отдельно черная и цветная металлургия), химическая и нефтехимическая промышленность, затем машиностроение, лесохимическая отрасль и промышленность строительных материалов, в конце — отрасли, выпускающие потребительские товары — легкая, пищевая и мукомольно-крупяная промышленности. По методике ОКЭВД изложение материалов приняло обратный характер: после добычи полезных ископаемых почти в конце таблицы идет разделенное на три блока машиностроение. Поиск любого блока вызывает трудность, так как неясна логика последовательности разделов. Разделы классификатора ОКВЭД, не имеющие практически никакой связи с отраслевым делением, также вызывают много вопросов и недоразумений.

В качестве примера неудачного реструктурирования российской статистики можно привести удаление из «Российского статистического ежегодника» раздела «Промышленность строительных материалов», содержание которого было понятно любому пользователю, а не только специалисту и легко могло быть найдено по оглавлению. Входившая в раздел таблица «Производство основных видов продукции промышленности строительных материалов» включала 14 позиций стройматериалов и «Известняковую муку для известкования почв».¹⁷ Начиная с 2006 г. по методике ОКЭВД раздел стал называться «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов», а их было около 3000, и никакой пользователь не догадается искать здесь строительные материалы. Таблица, аналогичная прежней таблице, стала называться «Производство основных видов прочих неметаллических минеральных продуктов».¹⁸ Она включает 13 позиций стройматериалов плюс фарфоро-фаянсовую и майоликовую посуду. При этом

¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2005. С. 414.

¹⁸ Российский статистический ежегодник. 2008. М., 2009. С. 398.

строки «Известняковая мука для известкования почв» и «Материалы строительные нерудные» перенесены из строительных материалов в таблицу «Добыча металлических руд и прочих полезных ископаемых»,¹⁹ состоящую из пяти позиций, включающих указанные две и, кроме того, добычу золота, железной руды и поваренной соли, т. е. в одной таблице оказались песок, глина, золото, железная руда и соль. Может ли специалист быстро найти таблицу, содержащую любой из перечисленных материалов, если объединяющий минеральный признак показывает лишь вид материала, а не вид экономической деятельности? И насколько экономически правильно трансформировать отрасль «Строительные материалы» в вид экономической деятельности «Производство основных видов прочих неметаллических минеральных продуктов»?

Позиция «прочие» входит в названия многих разделов и таблиц ОКВЭД и по содержанию должна отражать динамику производства товаров по видам экономической деятельности, не имеющих большого значения в составе соответствующей группы. Но это справедливо для стран Европейского экономического союза (ЕЭС). Так, например, для стран ЕЭС производство золота не является одним из базовых направлений в формировании экономических показателей, но для России, добывающей примерно 5% золота в структуре мирового минерально-сырьевого комплекса, этот показатель и связанные с ним виды экономической деятельности имеют соответствующее значение, и, следовательно, строка «Добыча золота в процентах к предыдущему году» должна была бы быть в разделе «Производство основных видов цветных металлов», как это и было в ОКОНХ.

Аналогичные вопросы вызывает перенос мебели и древесных товаров спортивного назначения (лыжи и хоккейные клюшки) из разделов «Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность», «Производство основных видов продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности» в раздел «Прочие производства» в таблицу «Производство основных видов продукции прочих производств»,²⁰ куда кроме мебели, лыж и клюшек вошел линолеум. Найти товары, вошедшие в различные разделы прочей продукции, практически невозможно.

Вызывает сомнение правильность перемещения отдельных элементов, входивших в состав отраслей, в новые разделы многих видов экономической деятельности. Например, раздел «Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность» объединяет предприятия, выпускающие печатную продукцию и бумагу для ее печати. Какая связь между этими предприятиями, кроме обеспечения бумагой, и рост какой продукции отражает индекс, составивший 127.9% в 2008 г.? Раздел «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» включает персональные ЭВМ, промышленные генераторы и электродвигатели, телевизоры и радиоприемные устройства, люстры и другие бытовые осветительные приборы, шприцы однократного применения и электрокардиографы и т. д. По какому принципу сформирован раздел, объяснить трудно. Анализ товарного содержания многих видов экономической деятельности свидетельствует о недостаточной проработке методики нового классификатора.

---

¹⁹ Там же. С. 389.

²⁰ Там же. С. 404.

В соответствии с решением Росстата «ОКВЭД предназначен для решения следующих основных задач:

- классификация и кодирование видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами в процессе их государственной регистрации;
- определение основного и второстепенных видов экономической деятельности, фактически осуществляемой хозяйствующими субъектами;
- разработка нормативных правовых актов, обеспечивающих государственное регулирование отдельных видов экономической деятельности;
- количественное описание отраслевой структуры современной экономики;
- обеспечение потребностей органов государственной власти и управления в информации о результатах экономической деятельности хозяйствующих субъектов по ее видам;
- подготовка статистической информации для сопоставлений на международном уровне;
- кодирование информации о видах экономической деятельности в информационных системах и ресурсах, в том числе в статистическом регистре предприятий и организаций и субрегистрах, построенных на его основе.²¹

В приведенном перечне задач есть только одна позиция, которая отсутствовала в публикациях Росстата по ОКОНХ, — подготовка статистической информации для сопоставлений на международном уровне. Именно решение этой задачи стимулировало введение нового классификатора. Среди пользователей публикациями официальной статистики переход к ОКВЭД вызвал настоящий шок. В. А. Бессонов пишет: «Колоссальный удар по возможностям анализа экономической динамики был нанесен переходом от разработки показателей в структуре отраслей ОКОНХ к структуре видов деятельности ОКВЭД. Несмотря на то что ОКВЭД, будучи гармонизированным с международными стандартами, обладает несомненными преимуществами перед ОКОНХ, при переходе на новый классификатор не были восстановлены ретроспективные временные ряды показателей необходимой длины (так, данные по производству ВВП в структуре ОКВЭД доступны лишь с 2002 г.), что и породило проблему».²²

Важнейшим фактором в формировании динамических рядов экономической статистики является выбор базового года. По ОКОНХ в качестве базового года был выбран 1990 г., что, возможно, объясняется, во-первых, установившимся в практике делением многолетних публикаций по пятилетним и десятилетним периодам; во-вторых, 1990 г. был последним годом перед началом резкого спада промышленного производства в России, закончившегося дефолтом 1998 г. Уровень промышленного производства в 1990 г. составил 99,9% от предыдущего, 1989 г. В ОКВЭД за базовый был принят 1991 г. (раздел «Индексы производства по видам экономической деятельности», статистический сборник «Россия в цифрах»). Однако индекс объема промышленного производства в 1991 г. составлял 92% от 1990 г. Принятие 1991 г. как базового вводит в заблуждение пользователей статистики. Кроме того, использование 1991 г. в качестве базового уровня для расчета рядов экономических показателей не может применяться при сравнительной оценке пятилетних и десятилетних периодов, например динамики за 1990

²¹ Там же. С. 727.

²² Бессонов В. А. Взгляд на российскую статистику со стороны пользователя. С. 21.

и 1995 гг. Выбор 1991 г. можно объяснить лишь тем, что этот год был последним годом существования СССР.

Нередко в качестве базовых используются данные 1995 г. Но для России это означает потерю информации о неустойчивой динамике экономики постперестроечного периода. Темпы экономического развития в странах Европейского экономического союза, использующих статистическую классификацию видов экономической деятельности (КДЕС/NACE) по годам, носят относительно стабильный характер. Поэтому там широкое применение динамических рядов с пятилетним и десятилетними интервалами вполне приемлемо, в то время как в России, где падение промышленного производства в 1995 г. составило 50% от 1990 г.²³ и продолжало падать, публикация данных с использованием 1995 г. в качестве базового уровня (начала отсчета) может ввести пользователя в заблуждение (заметим, что современный кризис привел и европейских статистиков к выводу о необходимости повышения частоты наблюдений в условиях экономической нестабильности). Например, в разделе «Международные сравнения» (Российский статистический ежегодник. 2009) почти половина таблиц начинается с 1995 г. и, следовательно, отражает высокие темпы роста показателей в последующие годы, хотя этот рост все еще носит восстановительный характер (по сравнению с советским периодом).

Многие разделы последних выпусков статистических сборников включают данные за 1995 г., затем приводятся данные за 2000 г. и последующие годы (по годам), что не дает возможности, учитывая переход к ОКЭВД, оценить динамику социально-экономического развития России в период планового и рыночного экономического развития, в том числе в последние 20 лет. Недоумение вызывает и использование статистических показателей за 1995 г. «в процентах к предыдущему году», например, в разделе «Общеэкономические показатели». Что они отражают в сравнительной динамике развития России в последние 20 лет? Лишь уровень падения производства в один из 10 лет и только, т.е. никакой сравнительной оценки эти показатели абсолютно не дают.

Положительным сдвигом в публикациях Росстата в 2009 г. можно считать использование натуральных показателей. Их публикация дает возможность реальной оценки динамики социально-экономического развития России в последние 20 лет, сравнения темпов и уровня развития по различным направлениям за последнее столетие, в том числе темпов развития в социалистический и рыночный период, а также и становления рынка в России.

Наше мнение о введении классификатора ОКЭВД подтверждает высказывание А. Н. Пономаренко: «Система международно сопоставимых классификаторов в России до конца не выстроена, а те классификаторы, которые все же приняты, неактуальны», к тому же с интересами Росстата «не всегда считаются ответственные ведомства».²⁴

Мы полностью разделяем мнение В. А. Бессонова²⁵ о низкой значимости для потребителей публикуемых статистических материалов. Это в равной мере относится как к статистическим ежегодникам — «Российский статисти-

---

²³ Россия в цифрах: Крат. стат. сб. / Госкомстат России. М.: Финансы и статистика, 1996. С. 281.

²⁴ Пономаренко А. Н. О возможных направлениях модернизации национальной статистической системы // Вопросы статистики. 2010. № 4. С. 17.

²⁵ Бессонов В. А. Взгляд на российскую статистику со стороны пользователя. 30 с.

ческий ежегодник», «Россия в цифрах», «Национальные счета России», — так и к сборникам, выходящим с иной периодичностью, — «Промышленность России», «Цены в России» и т. д., а также к ежемесячным периодическим изданиям — «Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации», «Информация о социально-экономическом положении России», доклад «Социально-экономическое положение России» — и к электронным публикациям.

Основной порок статистических ежегодников в том, что они, являясь итоговыми статистическими публикациями, содержат преимущественно данные по годам. Кризис, начавшийся в 2008 г., обострил потребность в публикациях данных текущей статистики. Невключение промежуточных интервалов времени во многом объясняется теми корректировками, которые выполняются при определении годовых результатов и, следовательно, невозможностью использовать внутригодичные показатели. Временные ряды в ежегодниках имеют неоправданные ограничения. В последнем выпуске «Российского статистического ежегодника» основные социально-экономические показатели приведены за 1970, 1980, 1990, 1995, 2000—2007 гг. Почему их рассматривают как «точки отсчета», почему идут вперемежку данные через десятилетние, пятилетние интервалы и погодичные данные? В результате наши главные статистические сборники могут использоваться только для долгосрочных прогнозов, но для их реализации нужны данные без пробелов. Восстановить их не может даже опытный пользователь по причинам пересмотра методик, корректировки данных, территориальных и других изменений. «Сейчас же, — пишет В. А. Бессонов, — производитель сначала „трамбует“ данные в сборники, а затем потребитель „расшифровывает“ их».²⁶

К ежемесячным периодическим изданиям — «Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации», «Информация о социально-экономическом положении России», доклад «Социально-экономическое положение России» — возникают требования другого характера: они должны обеспечивать возможность выполнения краткосрочного прогноза и выявления сложившейся экономической конъюнктуры. Следовательно, главное требование, предъявляемое этим изданиям, — актуальность данных. «Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации», которые выходят в электронном виде, публикуются только на 22—23-й рабочий день после окончания отчетного месяца, т. е. практически уже в следующем отчетном периоде, оперативного значения не имеют. Но ведь на выход в свет электронного материала не влияет продолжительность типографского процесса, значит оперативность могла бы быть значительно более высокой, чтобы потребитель был избавлен от необходимости выявлять наличие совпадений или несовпадений значений одних и тех же показателей, приведенных в названных оперативных изданиях. Особый разговор о форме подачи этого материала. Как отмечает В. А. Бессонов, «формат данных должен позволять с минимальными издержками переводить их в электронную форму, ориентированную на дальнейшую обработку, когда временной ряд должен быть представлен в виде одного столбца или строки данных, но не в виде матрицы».²⁷ Нельзя не согласиться с этим мнением. Предоставляемая потребителям информационная продукция в условиях рыночной экономики должна отвечать как

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Там же. С. 15.

минимум трем требованиям: непротиворечивость данных, их полнота и форма, удобная для проведения расчетов в разных форматах: табличном, графическом или ином.

Организация и проблемы региональной статистики

Мы живем в стране с колоссальной дифференциацией уровня развития субъектов РФ. Можно сказать, что Россию не даром называют «Россией регионов».

В этой связи затронем ряд вопросов:

- изменение территориальной структуры Российской Федерации и соответствующее изменение региональной статистики;
- роль региональной статистики в оценке органов исполнительной власти;
- роль региональной статистики в ранжировании регионов, присвоении соответствующего рейтинга, на основе которого регион может получить грант правительства;
- роль региональной статистики в формировании федеральных показателей.

В последние 5—7 лет происходит интенсивное изменение административно-территориальной структуры РФ. Если в 2000 г. в стране насчитывалось 89 субъектов, то на сегодняшний день их насчитывается 84, а официальная статистика публикуется по 74 субъектам РФ. Любое административно-территориальное укрупнение имеет и положительные, и отрицательные моменты. Укрупнение регионов приводит к появлению новой картины в оценке дифференциации населения по доходам, по структуре доходов и расходов, причем эффект укрупнения в разных регионах может быть различным. К числу отрицательных моментов можно отнести в первую очередь нарушение сопоставимости динамических рядов. Так произошло при объединении Иркутской области и Ордынского Бурятского АО. В апреле 2006 г. состоялся референдум по объединению этих административных единиц, а с 1 января 2008 г. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ вошел в состав Иркутской области на основе Федерального конституционного закона РФ № 6—ФЗК. С 1 марта 2008 г. прекратили существование Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ, которые образовали единый субъект РФ.

Подобные объединения территорий затрагивают и характеристики особых этнических групп, которые до объединения преобладали в структуре населения, а после объединения «растворились» в общей массе.

На региональной статистике отрицательно сказывается и отсутствие городской статистики. Анализ всех социально-экономических процессов (преступности, алкоголизации, социальной дифференциации и др.) в настоящее время вынужденно основывается на информации субъектов федерации в целом, без разделения на городскую и сельскую местности. Исследователи вынуждены прибегать к условным расчетам, что, естественно, снижает достоверность результатов.

Региональная статистика не только призвана быть частью общенациональной статистики, но и обслуживать потребности местной администрации. Последнее является источником постоянных конфликтов между органами местной власти и территориальными органами статистики, которые постоянно слышат упреки властей в том, что система показателей не отражает специфики региональной

экономики, структуры населения, роли миграции, особенностей развития строительного комплекса и т. д. Если сравнить российскую статистику, например, со статистикой ФРГ, которая также имеет федеральное устройство, то в Германии статистика земель значительно шире по составу показателей, чем федеральная статистика. Состав показателей формируется решением правительства земли, что и позволяет установить полный консенсус между потребностями властей и региональной статистикой. Конечно, такое взаимодействие предполагает финансирование статистических работ местной администрацией.

Особый диссонанс возникает при использовании результатов выборочных наблюдений.

Все выборки в российской статистике сконструированы на уровне федерации и являются репрезентативными только для РФ. Это касается товаров — представителей при расчете ИПП, ИПЦ, обследования бюджетов домашних хозяйств, на основе которых оценивается уровень бедности в регионе и стратификация населения по доходам, обследования по проблемам занятости населения.

Организация федеральной статистики вроде бы предполагает агрегирование результатов снизу вверх и на этой основе получение федеральных показателей. Но высказываются и противоположные представления — все расчеты должны вестись на федеральном уровне, а в регионы спускаются полученные цифры. На наш взгляд, предлагаемый отказ от двухуровневой системы территориальной структуры российской статистики, особенно от ее областного звена,²⁸ вряд ли можно рассматривать как продуктивный.

В связи с отменой выборов губернаторов возросла роль региональной статистики в оценке исполнительной власти. В соответствии с Указом Президента № 825 от 28 июня 2007 г. разработаны критерии по «Оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Первоначальный список оценочных индикаторов включал 43 показателя, из которых четыре предполагали проведение опросов населения. В настоящее время, согласно дополнению к названному закону, система оценочных показателей расширена до 300, из которых 10 получают опросным путем. Эти показатели определяют рейтинги регионов, на основании которых составляется доклад правительства Российской Федерации Президенту, а также вносятся предложения о предоставлении грантов субъектам Российской Федерации: 20 регионов, достигших лучших показателей, получают гранты правительства РФ.

«Перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г., № 322, содержит 102 показателя, которые отвечают актуальным вызовам, стоящим перед Россией. Это прежде всего уровень смертности, состояние здоровья населения и системы здравоохранения.

В «Методике» появились показатели по разделам, которых нет в «Перечне». Это показатели, характеризующие ход реализации институциональных реформ: например, доля государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, переведенных преимущественно на одноканальное финансирование, в общем количестве государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения (в процентах).

---

²⁸ Пономаренко А. Н. О возможных направлениях модернизации национальной статистической системы. № 4. С. 19.

Вызывает сомнение возможность обеспечения достоверности ряда показателей. Например, показатель «Объем неэффективных расходов в сфере здравоохранения» предписано определять по формуле:

$$P_{\text{здр}} = P1 + K_{\text{нст}} \times P2 + K_{\text{нск}} \times P3,$$

где P1 — объем неэффективных расходов на управление кадровыми ресурсами (врачи, средний медицинский персонал) (тыс. рублей); P2 — объем неэффективных расходов на управление объемами стационарной медицинской помощи (тыс. рублей); P3 — объем неэффективных расходов на управление объемами скорой медицинской помощи (тыс. рублей); K_{нст} — корректирующий коэффициент стоимости одного койко-дня в государственных (муниципальных) учреждениях здравоохранения, рассчитываемый как отношение фактических расходов на эксплуатацию одной койки (без учета расходов на оплату труда и начислений на оплату труда) к фактической стоимости одного койко-дня (единиц); K_{нск} — корректирующий коэффициент стоимости вызова скорой медицинской помощи, рассчитываемый как отношение фактической стоимости вызова скорой медицинской помощи (без учета расходов на оплату труда и начислений на оплату труда) к фактической стоимости вызова скорой медицинской помощи (единиц).²⁹

Подобные расчеты должны выполняться по всем видам деятельности, а их суммарный итог должен отражать эффективность деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Кроме того, утверждено «Приложение» к «Методике», которое содержит 292 показателя. Бесспорным достоинством этого Приложения является то, что в нем указываются конкретные исполнители по определению каждого показателя. Проведенная нами группировка показывает ведущую роль Росстата и региональной статистики (табл. 3).

Для доклада субъектов Российской Федерации о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти за отчетный год используются 295 показателей с перспективными цифрами по каждому из них на каждые три ближайших года. Все это свидетельствует, с одной стороны, о повышении значимости региональной статистики, а с другой — о необходимости создания единого информационного поля на региональном уровне, включающего информацию как территориального органа государственной статистики, так и отраслевых комитетов, а также опросов населения. При этом возникает множество методологических проблем обеспечения согласованности информации и ответственности за ее качество.

Сегодня, когда Россия в экономическом пространстве представлена 84 субъектами федерации, каждый из которых по потенциалу — полноценное государство, предлагаемый состав статистической информации в региональном разрезе не отражает всей полноты картины социально-экономических явлений, проис-

---

²⁹ Указ Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Приложение «Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Утверждена Комиссией при Президенте РФ по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия. Протокол № 1 от 18 июля 2007 г. 15 апреля 2009 г. и 25 апреля 2009 г. изданы дополнительные показатели для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти РФ.

Таблица 3

Распределение показателей «Приложения» по исполнителям^а

Исполнитель	Число показателей в процентах
Росстат	29
Субъект Российской Федерации	24
Федеральное казначейство	3
Минздравсоцразвития России	15
Федеральное казначейство	6
Рособразование	10
Минрегионразвития России	6

^а Указаны исполнители с объемом работ более 3% от общего числа показателей.

ходящих в регионах. Тезис о том, что федеральный план статистических работ и проводимые Росстатом статистические наблюдения обеспечивают объективность и достоверность данных на уровне субъекта Федерации, сегодня нуждается в серьезном пересмотре и прежде всего в части построения субрегиональной статистики. Здесь необходимо сделать пояснение, чем отличается субрегиональная статистика от муниципальной. Зародившаяся в 1995 г. муниципальная статистика ориентирована на информационное обеспечение предметов муниципального ведения. Статистика субрегионального уровня — это имеющая длительную историю районная статистика, т. е. статистика, организованная на уровне административного района. Она характеризует более крупные административные единицы, нежели муниципальные образования, с численностью населения от 70 тыс. человек, а в более крупных регионах — от 400 тыс. человек (таковы, например, многие административные районы Санкт-Петербурга). Управление такими территориальными образованиями невозможно без статистической информации, аналогичной по составу и содержанию статистическим данным для субъекта Федерации. В настоящее время решение этой задачи практически неосуществимо, прежде всего в силу существующих подходов к оценке деятельности предпринимательского сектора, включая малый бизнес. Построение выборочных совокупностей для предпринимательского сектора Росстатом осуществляется, как уже отмечалось, без учета административной структуры субъектов Федерации, а только для обеспечения репрезентативности данных в целом по субъекту Федерации.

Особого рассмотрения заслуживает и проблема построения самой выборки при проведении статистических наблюдений. Использование для этих целей ограниченного набора административных данных (Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда и Фонда социального страхования) неодинаково успешно в территориальных органах статистики Росстата, как, впрочем, неодинакова и структура зарегистрированных хозяйствующих субъектов в регистрах этих ведомств. В зависимости от размера региона наличие ложно активных организаций в малом бизнесе (однодневок, созданных для проведения одной-двух операций) может колебаться от 5 до 30%. Упрощенная заявительная процедура регистрации и, наоборот, чрезвычайно бюрократизированный процесс ликвидации предприятий приводят к низкой степени актуальности Статистического

регистра и Генеральной совокупности объектов статистического наблюдения Росстата — основы для построения выборочных совокупностей. Проблема хорошо известна в Росстате, но в условиях действующего законодательства трудноразрешима. В результате большинство обследований предпринимательского сектора оборачивается несоответствием структуры выборки и Генеральной совокупности как на уровне региона, так и на федеральном уровне.

На этой основе возникают коллизии, характер которых можно проиллюстрировать следующим примером. На протяжении пяти лет Администрация Санкт-Петербурга проводит мониторинг социально-экономического положения административных районов. Работа построена на основе разработанной методологии, система показателей и типология районов научно обоснованы, отчетные данные районных администраций постоянно проверяются специалистами профильных городских комитетов, а перечень показателей (к нашему удивлению) не содержит показателей государственной статистики. На первоначальном этапе создания мониторинга из более чем 300 показателей шесть показателей брались из государственной статистики, но впоследствии от них решили отказаться в силу «необъективности», так как они содержали данные только по крупным и средним предприятиям.

За годы перестройки и в постперестроечный период в российской государственной статистике произошли колоссальные изменения:

- создана служба регистрации цен;
- регулярно рассчитываются показатели инфляции (включая широко используемый ИПЦ и индексы-дефляторы);
- рассчитывается интегральный макроэкономический показатель — валовой внутренний продукт;
- создана система национальных счетов; счет производства строится по субъектам РФ, в результате чего рассчитываются региональные показатели — валовой выпуск продуктов и услуг, промежуточное потребление и валовой региональный продукт; разрабатываются таблицы «затраты—выпуск»;
- производится расчет индекса физического объема (индекс промышленного производства);
- создана статистика рынка труда; регулярно проводятся статистические обследования населения по проблемам занятости;
- возникла статистика уровня жизни и измерения бедности, повысилась научная обоснованность ОБДХ, введено понятие «домашнее хозяйство», которое играет базовую роль как в социальной статистике, так и в статистике населения;
- введена унифицированная статистическая отчетность;
- создана статистика предприятий;
- разработаны основы гендерной статистики;
- внедрены базовые статистические классификаторы, международная шкала образования, международные стандарты определения живорождения, международная классификация заболеваемости, причин смерти и др.

Организация официальной статистики стремится адаптироваться к введению трехуровневой структуры управления.

Проведены крупные статистические работы: всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг., причем последняя вошла в международный раунд переписей населения, проводимых под эгидой ООН; проведена перепись малых предприятий в 2000 г., сельскохозяйственная перепись в 2006 г. и т. д. Позитивность развития российской государственной статистики очевидна.

В условиях демонтажа административно-плановой системы и проведения приватизации статистика оказалась перед фактом многократного увеличения численности подотчетных единиц, перед необходимостью обеспечить получение отчетности от негосударственных организаций. Система официальной статистики работала бесперебойно в самые трудные годы.

В 2007 г. была подведена правовая основа под деятельность государственной статистики: принят федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (№ 282-ФЗ, 29 ноября 2007 г.).

Признание успехов не должно заслонять перспектив развития российской официальной статистики. Замечательно, что официальная статистика имеет теперь правовую основу. Однако принятый Закон закрепляет положение статистики как составной части административной системы управления, ее зависимость от правительства РФ. Государственная статистика должна быть независимой от исполнительной власти и подчиняться либо законодательной власти, либо президенту РФ.

Предстоит наладить систему межведомственного взаимодействия. Мы повторяем из года в год, что официальная статистика РФ является централизованной. Это предполагает, что вся официальная статистическая информация стекается в единый центр, Росстат, и официальная статистика осуществляет методологическое руководство по ее сбору, обработке и представлению. На деле это далеко не так. В системе официальной статистики, выражаясь словами Е. Гайдара, *нет нормальной финансовой информации*, которая сосредоточена в системе Банка России, частично в Федеральной налоговой службе, а обмен информацией между ведомствами не налажен. То же можно сказать о статистике правонарушений и судебной статистике. Скучно представлены в официальной статистике сведения об образовании, науке, которые восполняют статистические сборники и аналитические бюллетени ЦИСН (ведомственного издания). Слабо характеризует официальная статистика состояние здоровья населения и эффективность обращения в медицинские организации, а также загрязненность окружающей среды.

Государственная статистика не проводила разработок и не публиковала данных о выпуске и продажах, численности занятых и заработной плате, инвестициях в разрезе организационно-правовых форм. В лучшем случае в статистических сборниках публиковалась численность организаций разных организационно-правовых форм, на основе чего делалось заключение о том, что частный сектор в экономике составляет чуть ли не 60%, во что трудно поверить. Трудно согласиться с оценкой разгосударствления экономики через долю негосударственных организаций: все понимают, что именно мелкие организации преобладают в частном секторе экономики, и их много. Более достоверной была бы оценка доли государства в активах. Так что ответа на вопрос об эффективном собственнике на основе нашей статистики не получишь.

Другие новые явления, возникшие при переходе к рыночной экономике, также не находят отражения в официальной статистике. Не публикуются данные о ценах и объемах продаж на рынке жилья, нет данных о фондовом рынке, о развитии страхования. Остается архаичной статистика национального богатства, до сих пор не публикуются данные о стоимостной оценке природных ресурсов. В статистике основных фондов не отражаются такие процессы, как аренда, лизинг.

Еще не вполне ясны последствия для статистики недавно принятого Закона о малых и средних предприятиях, в котором обе эти категории предприятий трактуются как единая группа. Как будут организованы публикации официальной статистики, не потеряем ли мы в них малый бизнес — опасения такого рода возникают.

Как отмечалось выше, до сих пор в нашей стране отсутствует городская статистика. Публикуются данные только о численности городов с такой-то численностью населения. Эти данные представлены в специальных статистических сборниках, которые издаются ежегодно. Это замечательно, но мы не знаем, как живут люди в городах разных типов (крупных, средних, мелких), в чем состоит особенность демографических и других процессов и т. д. А это нужно бы знать в условиях, когда население продолжает стягиваться в города, особенно в крупные. В советское время публиковалась городская статистика, в основном по городам с численностью жителей 1 млн и более. Теперь хорошо бы публиковать данные по городам с численностью жителей 500 тыс. и более.

В последнее десятилетие сфера официальной статистики не только не расширяется, но и сужается. И этот процесс опасен для организации продуктивного диалога общества и власти. Прежде всего сужение происходит в статистике негативных явлений, которая опять свертывается, не публикуются данные об «отказных детях», о детских домах и домах ребенка, об их распределении по территории страны. Снизилась детализация показателей загрязнения окружающей среды. Отсутствуют сведения о структуре финансирования медицинских учреждений: о доле средств федерального, регионального бюджетов, а также средств общего медицинского страхования и дополнительных средств населения; об оснащенности лечебных учреждений диагностическим оборудованием, о профосмотрах и т. д.

Из-за ошибочных решений в регистрации случая смерти и ее причины нельзя установить связь между возрастом, причиной смерти и профессиональной группой и семейным положением умершего.

Немало огрехов в публикуемых группировках. Распределение населения по возрасту упорно заканчивается группой лиц в возрасте 70 лет и старше, и это в условиях, когда растет число долгожителей (лиц в возрасте 90 лет и старше) и увеличивается доля лиц пенсионного возраста, которая по некоторым оценкам составит в России в 2050 г. 40% от численности населения. Разработка государственных программ, вовлечение бизнес-сообщества в организацию ухода за престарелыми требуют несравнимо большей детализации информации о старении населения.

Группировка по среднедушевым месячным доходам долгое время обрывалась на сумме 12 000 руб. и более, и в эту крайнюю группу попадало до 30% населения. В последнее время в качестве нижней границы последнего интервала по среднедушевым доходам указывается сумма 25 000 руб., но и при этом условии данная группа включает свыше 18% населения. Такую группировку трудно использовать, например, при оценке ценовой доступности жилья. Так что можно утверждать, что официальная статистика не обеспечивает информацией реализацию одного из приоритетных национальных проектов.

Анализируя практику составления системы национальных счетов (СНС), необходимо прежде всего отметить крайне медленные темпы ее внедрения.

Согласно рекомендациям международных статистических организаций, для экономики в целом и для каждого из ее секторов должен составляться полный

набор счетов. Однако на сегодняшний день не только на региональном уровне, но и по России в целом полного набора счетов не существует. Отсутствует финансовый счет, что не позволяет обнаружить теневые экономические процессы, основной объем которых должен выявляться на стыке между счетом операций с капиталом и финансовым счетом. В 2008 г. ООН предложила новую версию системы национальных счетов. «Цель обновления состояла в том, чтобы отразить в счетах новые экономические условия, достижения в области методологических исследований».³⁰ Экспертные группы по платежному балансу и государственным финансам предложили 44 дополнительных вопроса по макроэкономическим счетам, которые должны найти отражение в новой версии СНС.³¹ СНС в редакции 2008 г. допускает включение в нее статей, актуальных для данной страны. Для нас актуальным является наличие статистического расхождения практически во всех счетах. Необходима реализация не фрагментарных, а системных мер, в числе которых в первую очередь совершенствование теории и практики применения по России в целом и на региональном уровне системы национальных счетов как основной модели макроэкономических расчетов. С этой целью необходимо:

— разрабатывать теорию и совершенствовать практику включения в счет производства не просто ненаблюдаемой экономики, а теневой составляющей, создаваемой субъектами экономической деятельности в реальном, официальном секторе экономики, открытом статистическому и налоговому контролю. В условиях развития российской экономики абсолютно недостаточно проведение дорасчетов только на официально недоучитываемые операции;

— разрабатывать теорию двухстороннего контроля показателей СНС. Существующая практика построения СНС, возможно, пригодна для стран Западной Европы, где используется метод последовательного заполнения счетов методом переноса сальдовой статьи каждого предшествующего счета в ресурсы каждого последующего счета. В отечественной практике такой метод малоприменим, так как серьезный недоучет обнаруживается уже в первом счете — счете производства, и он тиражируется во все последующие счета. Необходима разработка методологии автономного расчета основных макроагрегатов;

— учитывать то, что одновременно с процессом внедрения в отечественную практику СНС произошло изменение и ее главной составляющей — межотраслевого баланса (МОБ). В советские времена МОБ состоял из четырех квадрантов, и едва ли не самым главным был четвертый квадрант, характеризующий перераспределительные процессы. Весь МОБ считался достоверным, если четвертый квадрант имел нулевое сальдо. По мере нарастания теневых экономических процессов (в том числе теневой экономики) достижение нулевого сальдо становилось все более невозможным. И тогда статистическое сообщество с начала 90-х гг. XX в. приняло решение отказаться от четвертого квадранта МОБ, лишив себя возможности контроля над процессом перераспределения. Перераспределительные операции, отражаемые в СНС, являются грубым агрегатом множества операций и никак не могут заменить собой четвертый квадрант МОБ;

— главной методологической базой целого ряда направлений исследований является первый квадрант межотраслевого баланса — таблица «затраты — выпуск». Именно первый квадрант МОБ позволяет установить степень зависимости

³⁰ Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc08/2008-5> 2.04.2010.

³¹ Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/snarev1.asp> 2.04.2010.

каждой отрасли от каждой другой отрасли, включенной в баланс. Можно кроме выявления традиционной технологической зависимости ставить задачи выявления зависимости отраслей от теневого, коррупционного рынка и ряда других процессов.

Современная система российской статистики продолжает переживать стадию перехода к новой системе показателей и методов работы, и обращение к ее данным заставляет всякий раз задумываться, происходит ли ее развитие или наша статистика находится в состоянии стагнации.

Е. А. СЪЕМЩИКОВ

**СИБИРЬ И ДРУГИЕ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТЕПЕНЕЙ МЕСТНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ. 1822—1838 гг.**

Реформы первой четверти XIX в. высшего и центрального государственного управления Российской империи вызвали необходимость изменения системы местного государственного управления окраинных территорий: Сибири, Калмыкии, Кавказа, Бессарабии и некоторых других.

В 1822 г. окраина Российской империи, Сибирь, получила законодательно установленную нормативную базу, отличную от губерний, расположенных в Европейской России. Административно-территориальное деление Сибирского края на губернии, области, приморские и пограничные управления просуществовало с небольшими изменениями с 1822 г. вплоть до 1917 г. Лишь в 1898 г. округа в Сибири и на Дальнем Востоке были переименованы в уезды, за исключением Якутской и Сахалинской областей, в которых округа сохранились до 1917 г.

Объектом научного исследования автора являются окружные (уездные) органы и учреждения местного государственного управления Сибири в 1822—1917 гг.

Предметом внимания в данной статье стал анализ степеней местного государственного управления Российской империи, которые были учреждены имперской властью во второй четверти XIX в. в Калмыкии, на Кавказе и в Бессарабии.

Объект и предмет исследования определили цель работы: произвести сравнение степеней местного государственного управления на окраинах Российской империи — в Калмыкии, на Кавказе и в Бессарабии с таковыми же в Сибирских губерниях и областях путем анализа их формальных, т. е. юридических и содержательных, характеристик.¹

Рамки работы: с 1822 по 1838 г.: 1822 год — верхняя граница научного поиска — год утверждения «Учреждения для управления Сибирских губерний». В 1838 г. было высочайше утверждено «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами», которое изменило правовое положение внешних округ

---

¹ В статье не рассматривается местное государственное управление в стране сибирских киргизов, получившей в 1838 г. «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами».

бывшей Омской области и выделило их в отдельное управление под названием «Пограничное управление сибирским киргизами».²

Вопросы деятельности органов и учреждений местного государственного управления Российской империи рассматривали историки И. А. Блинов, Т. А. Архипова, А. В. Ремнев, В. И. Шишкин, М. В. Шиловский, И. Л. Дамешек и др.

В июле 1822 г. Александр I подписал ряд законодательных актов, которые кардинально изменили порядок и способы управления окраины Российской империи — Сибири. Во-первых, Сибирский край получил новое административно-территориальное деление: появились новые губернии, например Енисейская, области, в том числе Омская; уточненный состав получили приморские управления — Охотское, Камчатское и пограничное Троицко-Савское. Во-вторых, в управлении Сибири была установлена жестко структурированная по степеням система местного государственного управления: управление *главное*, управление *губернское*, управление *окружное*, управление волостное и инородное.³ Управления городское и сельское, в том числе крестьянское и инородное, составляли общественное управление и в систему местного государственного управления Сибири не входили.

Управление *областное* в Сибири не являлось отдельной или самостоятельной степенью в иерархии уровней местного государственного управления. По закону областное управление являлось «приложением губернского управления», и на него распространялись правила управления в губерниях «сообразно местному положению».⁴ В основании такого «местного положения» лежали факторы: малочисленность населения, обширность территории края, большая разбросанность населенных пунктов, их значительная удаленность от административных центров, полиэтничный состав коренного населения Сибири и др.

Эти и некоторые другие факторы фактически исключили возможность придания таким частям Западной и Восточной Сибири губернского административного территориального устройства. Поэтому областное управление выступало как «часть самого губернского управления, уполномоченная действовать на месте властью его (губернского управления) и представлять его во всех случаях, необходимых и в составе его...»⁵

В Европейской России не было *областей*, но были *губернии* великорусские; имперский центр, учитывая это, предопределил областную структуру административного территориального деления окраинным территориям Российской империи в качестве *типовой* и *основной* единицы.⁶ Таким образом, взаимная увязка общего правила в управлении — образования *губернского* управления с частным его проявлением — управлением *областным* предоставила высшей власти дополнительные рычаги воздействия на органы и учреждения местного государственного управления Российской империи в окраинах, а это в свою очередь мотивировало местную знать участвовать в управлении на местах и формировать кадры своих местных управленцев.

² ПСЗ-2. Т. 13. № 11122.

³ Там же.

⁴ ПСЗ-1. Т.38. № 29.125.

⁵ Там же.

⁶ В областях размещались военные формирования, подведомственные Военному министерству Российской империи. Начальниками областей назначались военные губернаторы, состоявшие на действительной военной службе.

Анализ нормативной базы имперского законодательства позволяет заявить о продуманности данного подхода имперского центра к вопросам управления окраин, какими были Сибирь, Калмыкия, Кавказ, Бессарабия, которые с началом колонизации этих территорий в основном были населены малочисленными племенами.

В марте 1825 г. были высочайше утверждены «Правила для управления Калмыцкого народа».⁷ Нормативный акт самодержавной власти учредил новый порядок управления окраины: были установлены подобно Сибирскому учреждению четыре степени управления: управление *главное*, управление *областное*, управление *окружное*, управление *улусное*. По закону главное управление калмыцкого народа вверялось Комиссии по управлению делами калмыцкого народа и принадлежало Министерству внутренних дел Российской империи. Управление областное было установлено в Астрахани. Здесь же размещалась Комиссия калмыцких дел для управления калмыцким народом под председательством гражданского губернатора.

В Комиссии состояли вице-губернатор, главный при калмыках пристав, губернский прокурор и депутаты от калмыков. Управление окружное в Калмыцкой орде было сосредоточено в суде Зарго и располагалось в местах, близких к сосредоточению кочевьев калмыков. Управление улусное учреждено было при каждом улусе или роде калмыков. Во главе каждого управления стоял улусный пристав.

В целом система управления калмыцкого народа учитывала особенности быта и деятельности кочевников, была структурирована по исполнительной вертикали власти и создавала возможности кочевникам реализовывать права и преимущества, присвоенные калмыцкому народу.⁸ Состав и структура органов управления кочевников были такими же, как и у других малочисленных племен и народов, расположенных на окраинах Российской империи и вошедших в состав империи на добровольных началах. Низший, улусный уровень управления формировался представителями родов калмыков и в структуру органов и учреждений местного государственного управления не входил; окружной уровень был сосредоточен в местном суде Зарго, нормативную базу которого составляли Степные законы; управление областное и главное были сосредоточены в органах и учреждениях государственного управления Российской империи депутатами от калмыков, по выбору назначаемых имперской властью.⁹

В феврале 1827 г. было высочайше утверждено «Учреждение для управления Кавказской области».¹⁰ Бывшая Кавказская губерния была поделена на 4 округа, и в ее пределах было учреждено *областное* управление. Местное государственное управление имело следующие степени: управление *главное*, управление *областное*, управление *окружное* и управление *волостное*. Структура и состав, предмет ведения и полномочия органов и учреждений местного государственного управления Кавказской области не имели видовых отличий от органов и учреждений местного государственного управления Сибири. Областное управление включало: общее областное и частное областное управления, казенную палату, областной суд и прокурорские дела. В состав окружных управлений входили: общее окружное управление в составе окружного начальника и окружного

---

⁷ ПСЗ-1. Т.40. № 30.290.

⁸ Там же. Т. 26. № 20.037.

⁹ Там же. Т. 29. № 22.553.

¹⁰ ПСЗ-2. Т.2. № 878.

Совета и частное окружное управление в составе окружного суда, земского суда, окружного казначейства, землемерной части, лесного управления, медицинской части и прокурорских дел.

Все округа, подобно Сибирскому учреждению, имели расписание округ и подразделялись на многолюдные и малолюдные. В отдельных округах имелись особенные отделения. Предметы ведения и полномочия органов, учреждений и должностных лиц всех степеней местного государственного управления Кавказской области соответствовали «Учреждению для управления Сибирских губерний» и фактически повторяли его, но учитывали географические особенности области, сложный полиэтничный состав и особенности быта малочисленного, но уже оседлого населения края. «Учреждение для управления Кавказской области» фактически отменило именной указ е.и.в., данный Сенату 13 июля 1807 г. «О штате губерний Астраханской и Кавказской».¹¹ Процесс унификации имперского законодательства, разработанного для окраины Российской империи — Сибири, начался одновременно с утверждением «Учреждения для управления Сибирских губерний» и продолжался вплоть до 1898 г., до переименования округ в Сибири, Калмыкии, на Кавказе и других окраинных территориях Российской империи в уезды. Единство структуры и состава органов и учреждений местного государственного управления в бывших губерниях Российской империи, Астраханской и Кавказской, позволяет сделать вывод об едином подходе самодержавия к вопросам окраинной политики.

Заявления ряда авторов о якобы имевшей место «политике имперского регионализма» лишены фактологических оснований. Некоторые авторы¹² путаются в понятиях и современный понятийный аппарат переносят на прошлые столетия, что не соответствует принципу историзма. Такие понятия, как «регионализм», «региональное законодательство», в то время просто не существовали. В настоящее время понятие «региональное законодательство» с позиций права отсутствует; есть понятие «нормотворчество в субъектах РФ», обеспеченное авторитетом Российского государства.

Высочайше утвержденное «Учреждение для управления Бессарабской области» от 29 февраля 1828 г. определило правовое положение этой окраинной территории в составе Российской империи. Учреждение установило пять степеней местного управления: управление *главное*, управление *областное*, управление *уездное*, управление *цынутное* и управление *городовое*.¹³ Управления *цынутное* и *городовое* составляли общественное управление и в структуру местного государственного управления Бессарабской области не входили. Состав и структура органов и учреждений местного государственного управления области, предметы ведения и полномочия должностных лиц управления были типовыми для окраин, не имели существенных отличий от прописанных в «Сибирском учреждении», но были конкретизированы с учетом местных особенностей управления на уровне уезда и сельского *цынута*. В связи с интенсивным ростом городского населения и возрастанием роли городов как центров торговли и обмена *городовое общественное управление* в Бессарабии было выделено в самостоятельную степень. Однако структура, состав, предметы ведения и полномочия

---

¹¹ ПСЗ-1. Т. 29. № 22.553.

¹² Дамешек И. Л. Сибирь в российском имперском регионализме (1822—1917 гг.). Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Омск, 2006.

¹³ ПСЗ-2. Т. 3. № 1834.

органов городского общественного управления в общем и целом соответствовали «Городовому положению» и «Грамоте, данной городам» 1801 г.¹⁴ и «Сибирскому учреждению» 1822 г.,¹⁵ не имели ни видовых, ни типовых различий от прописанных в «Сибирском учреждении».

Подводя итоги изложенному выше, можно предположить следующее.

В период с 1822 по 1838 г. в Российской империи отсутствовала оформленная окраинная политика. В отношении управления окраинных территорий самодержавная власть широко практиковала подходы и приемы, наработанные временем.

Законодательная база имперского государства в отношении окраинных территорий империи была типовой и единой; незначительные изменения, в основном формального характера, не меняли содержания нормативных актов, принимаемых имперским центром для обеспечения управления окраин.

Областное административное территориальное устройство, установленное для окраин, явилось удачной формой сочетания двух начал — производственного и административного, причем последнему отдавались предпочтения.

Вообще система местного государственного управления на окраинах Российской империи была продумана и выверена, вводилась постепенно, характеризовалась эффективностью и доказала свою устойчивость. За почти столетний период существования система местного государственного управления Сибири не дала «сбоя», несмотря на русско-японскую войну, Февральскую революцию 1917 г. и первые годы после Октябрьского переворота.

---

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 26. № 19.811.

¹⁵ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ-1. Т. 38. № 29.125.

С. Г. СУЛЯК

**НАСЕЛЕНИЕ БЕССАРАБИИ В XIX в.: ЧИСЛЕННОСТЬ,
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ, РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ**

(По материалам дореволюционных исследований)

Бессарабия вошла в состав Российской империи в 1812 г. Дореволюционные исследователи определяли численность населения Бессарабии в 1812 г. от 275 до 334 тыс. человек.¹ С 1812 по 1828 г. она была областью на особом положении с местными особенностями в управлении. В 1828 г. Бессарабия стала областью на общем основании, в 1873 г. — губернией. С 1823 по 1874 г. Бессарабия находилась под управлением новороссийских генерал-губернаторов (первым был с 1823 по 1844 г. граф М. С. Воронцов). До 1885 г. бессарабский генерал-губернатор продолжал находиться в некотором подчинении временного одесского генерал-губернатора.²

После присоединения Бессарабии к России началось активное изучение истории края и проживающих здесь этносов. Численность, этнический состав, этнокультурные особенности населения нашли отражение во многих трудах исследователей, в том числе в работах А. А. Скальковского «Хронологическое обозрение Новороссийского края» (Одесса, 1836—1838. Ч. 1—2), «Опыт статистического описания Новороссийского края» (Одесса, 1850, 1853. Ч. 1—2), «Болгарские колонии в Новороссийском крае» (Одесса, 1848), «Список населенных мест Российской империи. Бессарабская область» (СПб., 1861), трудах А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра» (СПб., 1863) и А. И. Зашука «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального штаба капитан А. Зашук» (СПб., 1862), «Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Составил Генерального штаба капитан Зашук» (СПб., 1863), «Этнография Бессарабской области» (Записки

¹ *Куницкий П.* Краткое статистическое описание Заднепровской области. СПб., 1813. С. 13; *Зашук А.* Этнография Бессарабской области // Зап. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 493; *Скальковский А. А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. 1. С. 348.

² Адрес-календарь Бессарабской губернии на 1912 г. Кишинев, 1911. С. 256.

Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V.) и т. д. Данные о численности населения, этническом составе, религиозной принадлежности жителей Бессарабии полно отражены в «Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905» и ряде работ, основанных на ее данных: *Бутович В. Н.* «Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии» (Киев, 1916); *Берг Л. С.* «Население Бессарабии. Этнографический состав и численность» (Пг., 1923) и др.

При назначении М. Воронцова генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабии в области проживало 550 тыс. человек. В 1828 г. население уменьшилось до 409 110 человек. Причиной такого уменьшения была эпидемия чумы в 1825 г. и последствия предыдущей эпидемии в 1819 г.³ С 1829 по 1830 г., несмотря на русско-турецкую войну, население Бессарабии увеличилось на 57 354 человек. В частности, в край переселилось свыше 1000 некрасовцев, поселенных в Измаильском градоначальстве, и до 3000 семейств болгар. С 1830 по 1837 г. население увеличилось всего на 83 677 человек (т. е. в год прибавлялось по 11 954 человека). В это время происходило переселение болгар из-за Дуная. В 1843 г., несмотря на то что из области в это время было выслано до 35 000 бродяг, население составило 719 120 человек. Прирост населения произошел благодаря введению князем М. Воронцовым льгот для заселения края, организации поселений «вольных матросов» и «благоразумному, попечительному и заботливому управлению областью» губернатора П. И. Федорова. В 1845 г. число жителей составило 785 175 человек, в 1849 г. — 860 299 человек. В 1856 г. население Бессарабии составило 990 274 человека. С 1812 по 1857 г. население края увеличилось в 3.5 раза.⁴

В 1861 г. в Бессарабии (без учета численности населения Измаильского уезда⁵) проживало 988 430 человек (512 310 мужчин и 476 120 женщин). Бессарабия заняла 35 место по численности населения среди губерний Российской империи.⁶

Национальный состав населения Бессарабии, согласно сведениям А. Защук, выглядел следующим образом: «...молдаване (румыны), русины или племя южнорусское, болгары, армяне, греки, немецкие колонисты, швейцарцы, всюду расселенные евреи и цыгане, ко всему этому можно добавить выходцев из разных мест, одновременно причисленных к городам и селениям преимущественно средней и южной части Бессарабии, великороссиян и малороссиян, а также в Хотинском уезде поляков».⁷

Северная и средняя части Бессарабии были населены преимущественно молдаванами, а северо-западная часть Хотинского уезда и берега Днестра — руснаками (русинами). Южная часть состояла из новых переселенцев: великороссов,

³ *Защук А.* Этнография Бессарабской области. С. 495.

⁴ Там же. С. 496—498.

⁵ В результате Восточной (Крымской) войны (1853—1856 гг.) на мирном Парижском конгрессе в феврале 1856 г. южная часть Бессарабии (Измаильский уезд) была отторгнута от России и передана находящемуся под владычеством Турции Молдавскому княжеству. По Берлинскому трактату 1878 г. (принятому на Берлинском Международном конгрессе (1(13) июня—1(13) июля) 1878 г., созванном для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 гг.), Южная Бессарабия без дельты Дуная была возвращена России.

⁶ Материалы по военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Составил Генерального штаба капитан *Защук*. СПб., 1863. С. 97.

⁷ *Защук А.* Этнография Бессарабской области. С. 498.

казаков, некрасовцев, болгар, молдаван, волохов, сербов, армян, швейцарцев, немцев и проч. Города и местечки в обеих частях Бессарабии были заселены преимущественно евреями.⁸

Молдаване «составляли главную часть населения, почти $\frac{3}{4}$. Они населяли уезды Кишиневский, Яский, Сорокский, в Хотинском уезде были перемешаны с русскими (русинами, «первобытными жителями Северной Бессарабии»)⁹. Численность молдаван в 1863 г. А. Защук определял до 600 000 человек. По его мнению, «молдаване народ кроткий и ленивый, но не лишенный способностей; ума замысловатого и хитрого более, нежели смышленного; характера более спокойного, нежели предприимчивого, страстей более сильных и быстрых, нежели глубоких и продолжительных... Черты лица большей частью красивые и правильные; они имеют довольно резкий отличительный тип, напоминающий южные физиономии».¹⁰ А. С. Афанасьев-Чужбинский указывал, что молдаване, живущие в Бессарабии, «по наружности ничем не отличаются от малорусов и даже сохраняют медленную и вялую походку, свойственную последним». Молдаванин, по его свидетельству, «вообще сухощав и черноволос, и черты его дышат простотой так, что трудно предположить в нем запасную мысль, и действительно, он более чистосердечен». «Но на господских крестьянах, так называемых царанах, лежит отпечаток какой-то забитости, между тем как государственный крестьянин имеет вид более благороднее, если так можно выразиться». «В домашней жизни молдаванин не такой деспот, какие вообще встречаются между нашими простолюдинами, и женщина пользуется значительной степенью свободы».¹¹

«Второе по многочисленности своей племя, из населяющих Бессарабию, — по данным А. Защука, — это русины или русняки (руснаки. — С. С.), говорящие на языке южнорусском, немного отличном от малороссийского», «племя, населявшее Червонную Русь и Галицкое княжество». «Верховья Бессарабии, вдающиеся в Подольскую губернию и касающиеся Галиции, преимущественно заселены этим племенем». Почти все селения Хотинского уезда и некоторые припрутские селения Яского уезда, преимущественно северной части, населены русинами, количество которых составляет до 120 000 человек, т. е. $\frac{1}{8}$ часть населения Бессарабии. Исследователь указал, что часть русинов — коренные жители края, «ибо молдавское предание говорит, что первый их князь Драгош застал русинов в стране, где основал княжество».¹² А. С. Афанасьев-Чужбинский тоже считал, что «бессарабские руснаки одного происхождения с галицкими и жили здесь исконно». Он правильно предположил, что руснаки ранее занимали и среднюю часть Бессарабии, о чем свидетельствуют названия населенных пунктов. По мнению исследователя, скорее всего, «руснаки омолодавились». Исследователь отметил, что русины как характером, так и образом жизни немногим отличались от молдаван. Он считал, что язык руснаков — «особая отрасль малоросского наречия», говором «весьма древний, не поддавшийся последующим переменам». Несмотря на трудолюбие, богатых среди русинов было немного, «вследствие особенных условий тамошнего крестьянского быта». Приднестровские руснаки правого берега трудолюбивы, добродушны и робки, последнее качество

⁸ Материалы по военной географии и военной статистики России... С. 102.

⁹ Защук А. Этнография Бессарабской области. С. 498—499.

¹⁰ Материалы по военной географии и военной статистики России... С. 102—103.

¹¹ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. СПб., 1863 г. С. 266—267.

¹² Защук А. Этнография Бессарабской области. С. 504.

заимствовано от молдаван. Но обитатели Русской Буковины (Хотинский уезд) в приграничных селениях «развиты и с успехом занимаются контрабандой».¹³

Великороссы «поселились в разные времена и в разных обстоятельствах». Незначительная часть — потомки беглых стрельцов, другие — раскольники, ушедшие из России во время исправления церковных книг. В Молдавии их называли липованами. Третьи — потомки убежавших донских казаков под предводительством полковника Игната Некрасова (отчего молдаване называли их «некрасовцами», а турки — «игнат-казак»). К 1847 г. их в области почти не осталось. Главные их поселения по Дунаю отошли от России. Большая часть великороссов — ушедшие из разных российских губерний от рекрутства или помещиков. Многие из них, чтобы избежать преследования полиции, шли в молдавские семейства, принимая имя умершего члена семейства.

Поэтому трудно, как отмечал А. Защук, определить точную численность великороссов. В казенных селениях их всего 6359 человек. Вместе с городами и помещичьими имениями их будет не менее 20 тыс. душ (1/45 часть населения области). По присоединению к России в Бессарабию перешло более 2000 бродяг. Во время управления губернатора П. Федорова в течение 20 лет было выслано 48 тыс. бродяг. Однако неизвестно, сколько бродяг смогло укрыться. В 60-е гг. XIX в. были высланы 1047 бродяг.¹⁴

Малороссиян в южной части Бессарабии, в посадах Аккермана, в соседних селениях и помещичьих землях Буджака было более 6000 человек.¹⁵

Как отмечалось выше, точную численность русского населения губернии (к которому в то время причислялись русины, великороссы, малороссы и белорусы) определить сложно. Часть великороссов и малороссов (беглых крепостных) записывалась молдаванами. Также к молдаванам могли приписывать часть русинского населения. Подобное происходило в соседней оккупированной австрийцами части Буковины.¹⁶ О том, что в начале австрийского правления «молдаванами» в Черновцах записывали русинов, указывал австрийский этнограф Р. Ф. Кайндль.¹⁷ Учитывая многовековое совместное проживание двух этносов в составе Молдавского княжества, вполне можно предположить аналогичное явление и в Бессарабии.

Сопоставление приведенных А. Защуком данных с другими источниками дает возможность утверждать, что численность русского населения, к которому в то время причисляли великороссов, малороссов, русинов и белорусов, была не менее 300 тыс. человек.¹⁸

Исследователи также отмечали процесс ассимиляции местного русского населения. Там, где руснаки соприкасаются с молдаванами, отмечал Л. С. Берг, основываясь на исследованиях конца XIX—начала XX в., они усваивают молдавский язык, затем забывают родной и целыми селами переходят к молдавской этнической самоидентификации. Как нельзя лучше суть этого явления передает

¹³ *Афанасьев-Чужбинский А. С.* Поездка в Южную Россию... С. 4—5, 8, 11.

¹⁴ *Защук А.* Этнография Бессарабской области. С. 505.

¹⁵ Там же. С. 505—506.

¹⁶ *Чучко М. К.* «И взъят бога на помощь»: Соціально-релігійний чинник в житі православного населення північних волостей Молдавського воєводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці: Книги XXI, 2008. С. 43.

¹⁷ *Кайндль Р. Ф.* Історія Чернівців. Чернівці, 2005. С. 234.

¹⁸ *Гросул Я. С., Будак И. Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861). Кишинев, 1967. С. 63.

молдавская пословица: «Татул рус, мама рус, нумай Иван — молдован» (отец — русский, мать — русская, а Иван — молдаванин). Омолдаванивание захватывает не только язык, но и быт. В селениях с этнически смешанным населением бывает, что все русины говорят и на молдавском языке. Сплошь и рядом попадаются семьи, где старшее поколение свободно говорит на родном языке, а младшее даже его не понимает. Такая активность молдавского элемента и пассивность славянского тем более удивительна, что молдавское население по культуре не выше русинов.¹⁹ Реальность этого этнокультурного процесса описывали А. А. Кочубинский, В. Н. Бутович, П. А. Несторовский.²⁰

Характерно, что ассимиляции были сильнее подвержены более поздние переселенцы из земель, принадлежавших Польше, в основном из Подолии, которые перешли в Бессарабию из-за религиозных преследований. Им оказалось сложнее сохранить свой язык и культуру, чем автохтонному русинскому населению.²¹ Об этом упоминал Дмитрий Кантемир в 1716 г.: «Те, кто был переселен из Польши в центральную часть Молдавии, проживая там долгое время, забывали родной язык и усваивали молдавский».²²

В 40-х гг. XIX в. в Бессарабию стали переселяться бедные польские шляхтичи из Подольской губернии. Поляки жили преимущественно в Хотинском уезде, где их насчитывалось до 800 человек.²³ Всего в губернии в 1863 г. поляков было 5000 человек.²⁴

Греки жили большей частью в портовых городах Рени и Измаиле и селениях нижней части Прута и южной части Бессарабии.²⁵ Их было в рассматриваемый период 2000 человек.²⁶

Армяне числились 2725 человек. Большинство проживали в Кишиневском (1082 человек) и Аккерманском уездах (915 человек). Армяне делились на григориан (при присоединении Бессарабии к России их насчитывалось до 400 семейств) и католиков (жили преимущественно в Хотинском уезде — 107 человек), пришедших из Польши в начале XIX в.

Евреи в большинстве своем переселились из Польши и Германии. Всего евреев в области, по данным на 1863 г., было 78 751 человек.

Цыган в области в 1858 г. проживало: крепостных — 11 491 человек, в ведомстве государственных имуществ — 92, среди новороссийских казаков — 2316 человек.²⁷

Южные уезды, преимущественно Аккерманский и часть Бендерского, были заселены колонистами — немцами и болгарами. Немцы переселились из Виртембергского королевства и бывшего герцогства Варшавского. Переселение

---

¹⁹ Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923. С. 16.

²⁰ Кочубинский А. А. Частные молдавские издания для русской школы. (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХVII. 1903. Июнь. С. 394—398; Бутович В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. С. 9—15; Несторовский П. А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. С. 1—2.

²¹ Несторовский П. А. Бессарабские русины. С. 39—40.

²² Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 150.

²³ Защук А. Этнография Бессарабской области. С. 506.

²⁴ Материалы по военной географии и военной статистики России... С. 102.

²⁵ Защук А. Этнография Бессарабской области. С. 507.

²⁶ Материалы по военной географии и военной статистики России... С. 102.

²⁷ Защук А. Этнография Бессарабской области. С. 523, 525, 528, 532.

немецких колонистов началось в 1814 г. Тогда переселилось 1743 человека, почти все лютеранского вероисповедания, только 121 семейство относилось к католикам. Немецкие колонисты отличаются особым трудолюбием, терпением, честностью и аккуратностью, отмечал А. Защук, но вместе с тем робки и медлительны, имеют тихий, но упрямый характер, помнящий обиды. Согласно наблюдениям исследователя, немецкие колонисты «вообще не сближаются с русскими», а сами немецкие колонии составляют «на русской земле что-то чуждое России». «Трудолюбивые работники, прекрасные агрономы, они вызваны и милостиво наделены самою лучшею в Бессарабии землею для заселения ее и обработки, а главное, для указания и прививки своего умения и трудолюбия туземному населению. Но колонисты никогда не выполняют последнего своего и важнейшего назначения, пока будут удалены и отчуждены от всего русского особым управлением и языком», — отметил А. Защук. В то же время «давнее переселение их в степи Буджака никак не изменило их патриархальных германских привычек прошлого столетия». Немцев в 1863 г. насчитывалось 24 159 человек, поселенных в 24 колонии, разделенные на три округа: Клястицкий (10 колоний), Малоярославский (11), Саратовский (3).²⁸

Швейцарцы появились во время генерал-губернаторства М. Воронцова, между 1824 и 1828 гг. В 1824 г. переселилось только 5 семейств, в 1830 г. — 17 человек, 10 из них умерли в карантине. Колонистам были отведены плодородные земли в Буджаке, в 5 верстах от Аккермана, в урочище Шабо. В колонии Шабо и в соседнем помещичьем урочище Шабалат в 1863 г. проживало 538 человек швейцарцев.²⁹

Болгары, как и немцы, составляли в Бессарабии особые общины. После завоевания Болгарии турками болгары переселялись в Молдавское княжество. Во время русско-турецких войн они переходили на земли «вслед за российскими победоносными знаменами, надеясь под их сенью найти сперва защиту, а после приют, хлеб и благоденствие». Два болгарских переселения в Бессарабию произошли вследствие войн 1787—1791, 1806 и 1812 гг. В конце XVIII в. они перебрались в Бессарабию, надеясь, что эта территория отойдет к России. Тогда их ожидания были обмануты, и они пребывали в Бессарабии как иностранные «бежанари», занимались земледелием и скотоводством в селениях, основанных на Ногайских землях или кишлах, близ городов Измаил, Килия, Рени, Аккерман, Кишинев. Другая часть болгар перешла между 1806—1812 гг., тоже во время войны с Турцией. Между собой эти поселенцы назывались «старыми» и «новыми» болгарями. Число последних пришельцев было вдвое больше первых, так как они надеялись, что Бессарабия отойдет к России. Когда, согласно Бухарестскому трактату, всем турецким подданным было позволено удалиться из России в Турцию, этим воспользовались переведенные в крымские степи буджакские ногайцы. 300 болгарских семейств, хотя и не имели земли, остались в крае. Они поселились в крепостях Измаил, Килия, Аккерман, Бендеры, где еще не был наведен гражданский порядок. Другие селились в Кишиневе и Рени. Третьи оставались в Буджаке в бывших ногайских селениях. По приблизительным данным, там в 1812 г. было не менее 2800 семейств «старых» и «новых» болгар. В 1819 г. болгар насчитывалось 6532 семейства (2294 «старых» и 4238 «новых»), т. е. не менее 24 000 человек.

²⁸ Там же. С. 507—508.

²⁹ Там же. С. 511.

После посещения Александром I в 1818 г. Новороссийского края был издан указ, в котором болгарам были дарованы личные права, льготы и обширные земли в Буджаке. С 1830 по 1834 г. в Россию перешли 7000 болгарских семей, 3900 поселились в колониях. В 1835 г. в 5 болгарских округах Бессарабии было 38 колоний, где проживала 9641 семья (56 630 человек). В 1861 г. в 43 болгарских колониях, разделенных на 3 округа, проживали 48 216 человек (24 883 мужчины и 23 333 женщины).

«Болгары отличные земледельцы и усердны в работе, — указывал А. Защук. — Они трезвы и послушны, но характера пылкого, мстительного и терпеть не могут над собою начальства. Это народ статный, красивый, большей частью белокурый». Он же указал, что у болгарских колонистов «в употреблении два различных языка и три различные письмена». Одни говорят по-болгарски и называются черными болгарами. Это выходцы из Македонии, которые прибыли в 1807 и 1812 гг. и пишут славянскими буквами, а выходцы из Румилии, переселившиеся в 1830 г., пишут греческими буквами. Болгары, говорящие между собой по-турецки, известны под названием «камермериев», или «деревенцев». Они выходцы из Добруджи, прибывшие в 1807 и 1812 гг., пользуются волошскими письменами.

Кроме того, в некоторых колониях близ р. Ялпуха жили «так называемые гагауцы (гагаузы. — С.С.), которые наружностью, характером и образом жизни резко отличаются от прочих болгар. По местному сказанию, это незаконные дети турок от болгар». Между болгарами также находится небольшое количество арнаутов, переселившихся сюда в 1809 и 1810 гг.³⁰

«Болгары же преимущественно занимаются земледелием и скотоводством, и между ними я видел мало бедняков, что, конечно, неудивительно в быту колонистов, пользующихся значительными льготами», — писал А. Афанасьев-Чужбинский. «Тип колонистов почти славянский, разумеется, южнославянский, но в обычаях или, лучше сказать, в приемах есть что-то азиатское, как бы наследие, перенесенное из-под турецкого ига». «Женщины, хотя и не ведут затворнической жизни, пользуются совершенной свободой, однако избегают всяких разговоров с посторонними мужчинами, не говоря о приезжих, но и с туземцами. Чистота нравов должна быть у них в высшей степени строгая».³¹

По вероисповеданию жители Бессарабии в 1862 г. разделялись на православных — 865 583 человека, раскольников разных сект — 9537, армяно-григорианского вероисповедания — 2254, римско-католического — 5009, протестантского — 25 152, иудейского — 81 172, мусульманского — 24 человека.³²

В 1897 г. в Бессарабии согласно результатам переписи проживали 1 935 412 человек.³³ Среди них молдаван было 920 919 человек (47.58%), русских — 537 943 человека. Они распределялись по родному языку следующим образом: великорусский — 135 774 человека (8.05%), малорусский (к носителям малорусского языка приписали и русинов, которых в то время в Бессарабии было не менее 250 тыс. человек) — 378 698 (19.62%), белорусский — 2471 человек (0.13%).

³⁰ Там же. С. 512—521.

³¹ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию... С. 497—498.

³² Памятная книга Бессарабской области на 1862 г. Кишинев, 1862. С. 47.

³³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. XIII.

Поляков в губернии насчитывалось 11 696 человек (0.6%), болгар — 103 225 (5.33%), немцев — 60 206 (3.11%), цыган — 8636 (0.45%), евреев — 228 168 (11.79%), турок — 55 790 (2.88%), греков — 2737, армян — 2080 человек.³⁴

По вероисповеданию население Бессарабии в 1897 г. распределялось так: православных был 1 600 999 человек, старообрядцев — 28 532, армян-григориан — 2265, армян-католиков — 246, римско-католического вероисповедания — 19 825, протестантского — 54 258, иудейского — 228 528, мусульманского (в переписи — магометанского) — 617 человек. Православные составляли 82.72% всего населения губернии.³⁵

Долгое совместное проживание различных этносов не только способствовало взаимообогащению культур, но и привело к формированию особой полиэтничной общности — бессарабцы, отличавшейся высокой пассионарностью и особым «имперским» сознанием и менталитетом, отличным от румын, которые близки к молдаванам в этнокультурном плане. Эта общность ярко проявила себя в первой половине XX в.: в годы революции, гражданской войны и румынской оккупации. Во время гражданской войны немало бессарабцев воевало в рядах Красной армии (в частности, в 45-й дивизии, в составе которой была бригада Г. И. Котовского) и Белой армии (в том числе и в одном из лучших ее соединений — Дроздовской дивизии, ее последний командир — А. В. Туркул, уроженец Тирасполя). В годы румынской оккупации население Бессарабии оказывало сопротивление, в том числе и вооруженное (Бендерское, Хотинское, 1919 г., Татарбунарское, 1924 г., восстания), оккупантам. В 1933 г. румынская политическая полиция — сигуранца была вынуждена констатировать: «Румынизация Бессарабии, особенно городов и местечек, задерживается... Бессарабская душа, которая все еще живет видением старой России, не может быть достаточно близкой национальным устремлениям объединенной Румынии».³⁶

---

³⁴ Там же. С. XXI, 70—72.

³⁵ Там же. С. XXII.

³⁶ *Добржанський О., Макар Ю., Масан О.* Хотинщина. Чернівці, 2002. С. 209.

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. ТУНКИНА

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ¹

*Памяти Г. М. Бонгард-Левина (1933—2008),
Ю. Н. Литвиненко (1957—2009)
и А. А. Формозова (1928—2009)*

Важной чертой становления самосознания отечественной археологии новейшего времени стало внимание к своему прошлому, историческая саморефлексия, осуществляемая силами как историков, с одной стороны, так и археологов — с другой (см. известные работы А. А. Формозова, А. А. Генинга, А. Д. Пряхина, Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева и др.). Несколько десятилетий с 1960-х гг. это направление исследований развивалось главным образом на основе опубликованной литературы исключительно трудами А. А. Формозова,² который сумел

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00103 и РГНФ, проект № 08-01-91113а/У, программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Доклад заслушан на заседании Объединенного научного совета 25 января 2010 г.

² *Формозов А. А.* 1) Очерки по истории русской археологии. М., 1961; 2) Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979; переизд.: М., 2000; 3) Начало изучения каменного века в России. М., 1983; 4) Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984; переизд.: М., 2001; 5) Страницы истории русской археологии. М., 1986; 6) Следопыты земли Московской. М., 1988; 2-е перераб. изд.: Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007; 7) Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; 8) Русские археологи до и после революции. М., 1995; 9) Историография русской археологии на рубеже XX—XXI веков (обзор книг, вышедших в 1997—2003 гг.). Курск, 2004; 10) Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004; 2-е изд. М., 2006; 11) Рассказы об ученых. Курск, 2004; 12) Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005; 13) Статьи разных лет. Курск, 2008. — Критику последних книг А. А. Формозова (1995—2005 гг.) см.: РА. 2006. № 3. С. 165—181 (рецензии Я. А. Шера, Д. Г. Савинова, В. И. Молодина, М. М. Герасимовой, Е. Н. Черных). Некролог об ученом см.: *Андреева М. В., Гайдуков П. Г., Кузьминых С. В., Сорокин А. Н., Коренько В. А.* Александр Александрович Формозов (1928—2009) // РА. 2009. № 3. С. 183—186.

убедительно доказать, как «многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской археологической науки».³ С эпохи «перестройки» история археологии превратилась в самостоятельную субдисциплину археологии⁴ — так называемую *рефлексирующую археологию*,⁵ главной источниковой базой которой стала не только и не столько предшествующая историография, сколько архивные материалы по истории науки. В последние годы резко возрос интерес к истории различных разделов археологии и к ее выдающимся представителям XIX—начала XX в. Изданы коллективная монография по истории центрального государственного органа дореволюционной России в области археологии — Императорской Археологической комиссии⁶ и книга Е. Ю. Басаргиной об истории единственного гуманитарного учреждения той эпохи за рубежом — Русского археологического института в Константинополе,⁷ появились обзоры истории отечественной археологии в национальном масштабе,⁸ и исследования истории ее направлений,⁹ отдельных дискуссий,¹⁰ научных школ,¹¹ традиций

³ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 126.

⁴ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002. С. 7.

⁵ *Лебедев Г. С.* Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы докл. конф. 11—13 декабря 1990 г. / СПбГУ. СПб., 1993. С. 4.

⁶ Императорская Археологическая комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009.

⁷ *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.

⁸ См., например: *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии, 1700—1917. СПб., 1992; *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993; *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Беларуси, XVI в.—30-е годы XX в. М., 1996; *Сорокина И. А.* Полевые археологические исследования в России в 1946—2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.

⁹ *Лукин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. Ташкент, 1979; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002; *Оконникова Т. И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в.—40-е гг. XX в.). Ижевск, 2002 (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 5); *Соловьев В. С.* У истоков археологии Таджикистана (1813—1917 гг.). Елец, 2005.

¹⁰ *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; *Клейн Л. С.* Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

¹¹ *Мельникова О. М.* 1) Пермская научная школа О. Н. Бадера (1946—1955 гг.). Ижевск, 2003 (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 7); 2) Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960—1974 гг.). Ижевск, 2003 (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 9); 3) Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск, 2006 (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской археол. экспедиции. Т. 15); *Платонова Н. И.* Научные школы и направления в российской археологии 1880—1930-х гг. // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Материалы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 441—443; *Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918—1937 гг.:* Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3—6 мая 2009 г. / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск, 2009.

преподавания,¹² реставрации,¹³ музейного дела,¹⁴ истории изучения конкретных регионов¹⁵ и памятников,¹⁶ а также феномене кладоскательства.¹⁷ Исследования, как правило, охватывают несколько десятилетий или даже столетий.

Отрадно, что большинство историко-научных исследований сегодня базируется на углубленном изучении архивных материалов, что характеризует новый этап развития рефлексивной археологии — на наших глазах происходит отказ специалистов от безликих историографических обзоров и переход к публикации архивных первоисточников по истории археологии и смежных научных дисциплин. Всесторонне разрабатывается творческое наследие ученых: переиздаются их наиболее значительные работы, извлекаются из архивов и публикуются труды, по условиям «внешнего порядка» не опубликованные при их жизни,¹⁸ полевые

---

¹² Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.

¹³ Вздорнов Г. И. 1) История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986; 2) Реставрация и наука: Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006; Кызласова И. Л. Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М., 1999; Мусин А. Е. Вопиющие камни: Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006. — Сводку основных документов см. в кн.: Охрана памятников истории и культуры в России, XVIII—начало XX в.: Сб. док.-тов. М., 1978.

¹⁴ Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907—1936 годы. М., 2001.

¹⁵ Значительное число исследований последних 15—20 лет посвящено истории изучения Сибири: Мартынов А. И. Историография археологии Сибири. Кемерово, 1983; Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований, XVIII—первая треть XX в. Новосибирск, 1986; Ковешникова Е. А. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX—начале XX века. Красноярск, 1992; Матющенко В. И. 1) История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992; 2) Археология Сибири 1960—начала 1990-х гг.: Процессы развития. Омск, 1995; 3) Археология Сибири 1960—начала 1990-х гг.: Проблематика. Омск, 1995; 4) Триста лет истории сибирской археологии. Омск, 2001. Т. 1; Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII—IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.). СПб., 1996; Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII—начало XX в.). М., 1996; Балакин Ю. В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998; Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. Новосибирск, 2005; Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920—1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007. — Истории изучения археологических памятников центральных областей России посвящены единичные работы, см., например: Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии. М., 2009.

¹⁶ Бойко А. Л. В поисках древнего Танаиса. (Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период). Ростов-н/Д, 2002; Медведев Н. А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М. И. Артамонова. Воронеж, 2006; Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914—2005 гг.). Симферополь, 2009 (Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 6).

¹⁷ Цыбин В. Заговоренные клады и кладоискатели: Предания старины и новины. М., 1994; Низовский А. Ю. Зачарованные клады России. М., 2001; Бердинских В. А. История кладоискательства в России. М., 2005.

¹⁸ См., например: Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подгот. текста, публ. и коммент. И. В. Тункиной // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5: СКΥΘΙΚΑ: Избранные работы академика М. И. Ростовцева. С. 25—38; Жебелёв С. А. Археология и общая история искусства / Публ. и коммент. И. В. Тункиной // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический

дневники,¹⁹ а также богатейшее эпистолярное наследие и мемуары²⁰ виднейших деятелей отечественной науки. Предпринимаются попытки воссоздать творческий путь археологов, издаются посвященные им биографические очерки²¹

сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928—2004). СПб., 2007. С. 146—176; *Худяков М. Г.* История Камско-Вятского края: Избранные труды / Науч. ред., составл. М. В. Гришкиной, С. В. Кузьминых; коммент. М. В. Гришкиной, С. В. Кузьминых, В. К. Семибратова, В. С. Чуракова. Ижевск, 2008; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Сост. Э. Л. Дубман, В. Н. Зудина; науч. ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара, 2008; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений: в 2 т. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010 (в печати).

¹⁹ *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923—1926 / Ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев; отв. ред. А. В. Постников. СПб., 2003 (Научное наследство. Т. 30); *Адрианов А. В.* Дневник археологических исследований 1915—1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Подгот. к публ. О. Б. Беликовой; отв. ред. В. И. Молодин. Томск, 2008; *Китарисова Н. П.* Дневник работ по раскопкам Чебаркульской неолитической стоянки на берегу оз. Елового / Вступ. ст. В. С. Мосина // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск, 2009. С. 121—157.

²⁰ *Иностранцев А. А.* Воспоминания (Автобиография) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Прозоровского и И. Л. Тихонова. СПб., 1998; *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки: мемуары / Ред. Н. П. Либкова; авт. предисл. Н. А. Каргаполова. М., 2001; *Пиотровский Б. Б.* 1) Страницы моей жизни. СПб., 1995. 2-е изд. СПб., 2009; 2) Путевые заметки / Публ. Р. М. Джанполадян-Пиотровской. СПб., 1997; *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / Публ. И. В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. 4. С. 72—152; *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы / Сост., подгот. текста и примеч. И. Л. Кызласовой. М., 2002; *Уварова П. С.* Былое: Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. текста и писем, коммент. Н. Б. Стрижовой. М., 2005 (Тр. ГИМ. Вып. 144); *Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.

²¹ Не называя многочисленных биографических статей, некрологов, материалов конференций памяти ряда ученых, отмечу лишь отдельные монографии, часть которых включает публикации документов: *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; *Чистотинова С. Л.* Федор Иванович Шмит. М., 1994 (Забывтые страницы культуры. Вып. 1); *Щавелев С. П.* 1) Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения Южнорусского края. Курск, 1997. Вып. 1: Предпосылки и становление региональной историографии; вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1960—1910-е гг.; 2002. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920—1950-е гг.); 2) Историк русской земли: Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998; *Бердинских В. А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003; *Фролов А. И.* Алексей и Прасковья Уваровы — хранители московской старины. М., 2003; *Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Андрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004; *Лазаревич О. В., Молодин В. И., Лабецкий П. П., Н. К. Рерих* — археолог / Отв. ред., авт. предисл. В. Е. Ларичев. Новосибирск, 2002; Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2004; *Жук А. В.* Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, 2005; *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006; *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 2004; 1-е изд. Киев, 2000; *Непомнящий А. А.* 1) Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005 (Биобиблиография крымоведения. Вып. 3); 2) Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. Т. 1 (Биобиблиография крымоведения. Вып. 7); 3) Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008 (Биобиблиография крымоведения. Вып. 12); *Кызласова И. Л.* Николай Петрович Сычев (1883—1964). М., 2006 (Отечественная реставрация: Personalia); *Гаврилов А. К.* Петербург

(правда, нередко носящие не научный, а скорее беллетристический характер²²), библиографии²³ и сборники документов.²⁴ Отрадно отметить, что во многих работах портреты археологов прошлого подкреплены анализом их научного творчества; в них не только подчеркивается историографическая значимость их трудов, но и дается перспектива намеченных ими путей исследования в актуальном контексте современной российской науки. Появились издания экспедиционного фольклора и воспоминания участников ряда экспедиций,²⁵ являющиеся ценным источником для изучения археологической субкультуры новейшего времени. Таким образом, в центр историко-научных исследований в последние годы вернулся сам творец науки — конкретный ученый. Это не только представители академической и вузовской науки, но и музейеведы, краеведы, коллекционеры древностей и археологи-дилетанты.

Появление серии историко-научных публикаций, базирующихся на анализе архивных документов, стало отправной точкой для качественного сдвига в отношении к дореволюционной историографии археологии и к осознанию того, что «золотой век» русской гуманитарной науки падает на предреволюционные годы. К этому времени в России была создана собственная, одна из виднейших в мире, историко-филологическая школа, давшая толчок развитию древневосточной, классической, скифо-сарматской, кочевнической, церковной, византийской, славяно-русской, сибирской и среднеазиатской археологии. Именно тогда в трудах А. А. Спицына и В. А. Городцова были окончательно сформированы отправные теоретико-методологические представления отечественной археологической науки, впервые на археологическом материале была представлена единая картина

в судьбе Генриха Шлимана. СПб., 2006; *Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А.* Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара, 2007.

²² *Константинов М. В.* 1) Исследователи древнего Забайкалья. Чита, 1992; 2) Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Чита, 1997; *Конопацкий А. К.* Прошлого великий следопыт (академик А. П. Окладников: Страницы биографии). Новосибирск, 2001; *Сагалаев А. М., Крюков В. М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004; *Черняков И. Т.* Вікентій Хвойка (1850—1914). Київ, 2006; *Деревянко Е. И., Закстельский А. Б.* Тропой далеких тысячелетий: Страницы жизни археолога и путешественника. Новосибирск, 2008 (об акад. А. П. Окладникове).

²³ *Кузьминых С. В., Старостин П. Н., Хузин Ф. Ш.* Альфред Хасанович Халиков: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1999; Академик Анатолий Пантелеевич Деревянко: Библиография / Отв. ред. В. В. Молодин; сост. Н. М. Шахматова. Новосибирск, 2002.

²⁴ См., например: На пользу и развитие русской науки / Ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов; отв. ред. А. Д. Столяр, Ю. В. Иванова. Новосибирск, 2005; Археология, история и архивное дело в переписке Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Сост., вступ. ст. и коммент. С. П. Щавелёва. Курск, 2007; Борис Борисович Пиотровский: Материалы к биографии / Гос. Эрмитаж; сост. Ю. Ю. Пиотровский, Е. Ю. Соломаха, Е. М. Яковлева. СПб., 2008 (хранитель); Во главе Императорской Академии художеств: Граф И. И. Толстой и его корреспонденты, 1889—1898 / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. М., 2009.

²⁵ Пыль золотая: Стихи и авторская песня / Сост. С. Б. Буйских. Николаев, 1994; Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать / Сост. Е. Антипанова, Н. Кунина, В. Хохреков. СПб., 1999; Песенный фольклор археологических экспедиций / Сост. С. В. Белецкий. СПб., 2000 (Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6); Археология и не только: К 30-летию Сибирской археологической экспедиции Ленинградского дворца пионеров / Сост. С. Г. Васильев, А. В. Виноградов, А. А. Иконников-Галицкий; науч. ред. Г. С. Лебедев. СПб., 2002; см. также: Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А. А. Сванидзе. М., 2003.

исторического развития российских территорий Евразии. Показательно, что к началу первой мировой войны произошла синхронизация темпов и форм развития русской и западноевропейской археологии. По убеждению Г. С. Лебедева, глубину этого качественного сдвига в русской культуре, отразившегося на всех дисциплинах историко-филологического цикла (в том числе в археологии), потюмки «не в состоянии оценить до сих пор».²⁶

На возобновленных Всероссийских археологических съездах — I (XVII) в Новосибирске (2006 г.) и II (XVIII) в Суздале (2008 г.) — доклады по истории науки заняли достойное место. Если на новосибирском съезде историко-научная тематика была объединена в одной секции с теоретико-методическими вопросами археологии, то на суздальском ей была посвящена отдельная секция — «Историография отечественной археологии».²⁷ Почти в 140-летней истории Всероссийских археологических съездов она стала первой специальной секцией, посвященной истории отечественной науки. Этот факт — показатель определенного уровня российской археологии как научной дисциплины, ее зрелости, развитости и многогранности.

Секция предложила оргкомитету следующего съезда, который должен собраться в Новгороде Великом, изменить ее название на более широкое — «История археологической науки» — и констатировала, что в настоящее время ощущается дефицит справочных работ по истории науки, которые бы содержали достоверную и полную информацию о значимых фактах истории становления и организации научного знания. Насущной необходимостью были признаны разработка словника, принципов подготовки и написание текстов для биографического словаря отечественных археологов,²⁸ подготовка монографий и справочных изданий по истории науки, в частности по истории Императорской Археологической комиссии,²⁹ историко-археологических обществ и Всероссийских археологических съездов, а также издание библиографии по истории археологии.

---

²⁶ Лебедев Г. С. «Скифский роман» и его герой: М. И. Ростовцев и его место в отечественной исторической науке // ВДИ. 2003. № 2. С. 176, 178; ср.: Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700—1917. СПб., 1992. С. 444.

²⁷ К сожалению, работа секции не нашла должного отражения в хронике съезда. См.: Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Носов Е. Н., Шуньков М. В. II (XVIII) Всероссийский археологический съезд в Суздале // РА. 2009. № 3. С. 176.

²⁸ С моей точки зрения, образцом для создания биографического словаря археологов должно стать издание: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А—Г; 1992. Т. 2: Г—К; 1994. Т. 3: К—М; 1999. Т. 4: М—П; 2007. Т. 5: П—С. Ряд биографических справочников об археологах содержит зачастую неполную и непроверенную информацию. См., например: Мезенцева Г. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. Чернігів, 1997; Мельникова О. М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX—начало XX в.): Библиографический словарь-справочник. Ижевск, 2007; Рудий В. А. Видатні та маловідомі археологи України (Біографічні нариси). Львів, 2007.

²⁹ Коллективная монография по истории Императорской Археологической комиссии вышла в конце 2009 г., к 150-летию со дня ее основания. См.: Императорская Археологическая комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009 (к сожалению, в книге отсутствует именной указатель).

«В поисках человека» сегодня находятся различные научные дисциплины историко-филологического цикла³⁰ — антиковедение,³¹ медиевистика и византистика,³² востоковедение,³³ славяноведение,³⁴ этнография,³⁵ фольклористика³⁶ и пр., а также все направления археологии. Рост объема фактических историко-научных данных заставляет поставить вопрос о *принципах и задачах ретроспекции*.³⁷ Выработка определенных методик синтеза и осмысления разнообразных источников для построения исторических реконструкций с целью *объективации исторического знания* представляет собой актуальную проблему современной истории археологии. Большинство историков науки следуют традиционным историческим приемам анализа и критики историографии, документальных и мемуарных источников, но некоторые специалисты стараются выйти за рамки общепринятой методологии и пытаются обогатить их достижениями многочисленных смежных дисциплин, в частности науковедения, социологии и

³⁰ *Архитов И.* История в поисках человека. (О новых тенденциях в изучении российской истории) // Звезда. 2002. № 3. С. 206—217; *Мамонтова М. А.* Антропологические поиски современной отечественной историографии // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 6—21.

³¹ Скифский роман / Под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; Парфянский выстрел / Под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006; *Лурье Я. С.* История одной жизни. СПб., 2004; История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. — Реакцию на эти книги см.: *Fichman I. F.* La science Russe de l'antiquité. Études historiographiques // *Minima Epigraphica et Papyrologia*. 2006. Ann. IX. Fasc. 11. P. 415—418.

³² Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-кор. РАН И. П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-кор. РАН И. П. Медведева. СПб., 2004; Никодим Павлович Кондаков: Личность, научное наследие, архив. СПб., 2000; Мир Кондакова. Публикации, статьи, каталог выставки. М., 2004; *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006.

³³ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997; *Куликова А. М.* Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб., 2001; Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917—1991 / Сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003; Памятники и люди / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2003; Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь / Автор-составитель М. К. Басханов. М., 2005; *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга: Избранные статьи: В 2 кн. М., 2006; *Вигасин А. А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008; *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX—начало XXI в.: Библиографический словарь: в 2 кн. М., 2008. Кн. 1: А—М; кн. 2: Н—Я. Дополнения и указатель. М., 2009.

³⁴ *Ашин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов» в 30-е годы. М., 1994; *Смирнов С. В.* Отечественные филологи-слависты середины XVIII—начала XX в.: Справочное пособие / Под общ. ред. О. Н. Трубочева. М., 2001; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917—начало 1930-х годов). М., 2004; *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

³⁵ Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин: В 2 вып. М., 1999—2003; *Соловей Т. Д.* Власть и наука в России: Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX—начало XXI в.). М., 2004.

³⁶ *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009.

³⁷ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях... С. 8.

социальной психологии, помогающих уяснить характер и механизмы влияния различных внешних и внутренних факторов на эволюцию научного знания. Внутреннее единство развития научного знания очевидно — есть некий набор понятий, методов и концепций, являющихся общим достоянием науки, но при этом в определенных странах могут получить преимущественное развитие одни его части, в других странах и в другое время — другие. Для России крайне важно изучение взаимоотношений археологической науки и власти — очевидно определяющее влияние российских государственных и общественных приоритетов, в том числе геополитических целей правящей элиты, практических потребностей государства как на развитие науки в целом, так и на историю отдельных научных дисциплин и судьбы отдельных исследователей. Влияние государства в полной мере отразилось не только на истории «первенствующего» ученого сословия России — Императорской Санкт-Петербургской (Всесоюзной) Российской академии наук, но и на институциональной истории всей русской науки XVIII—XXI вв.³⁸ Не менее интересна тема возникновения патронажа науки, появления в XIX в. и расцвета в начале XX в. института меценатства и т. п.

Науковедческие концепции используются для радикальной переоценки явлений и процессов, происходивших в отечественной археологической науке начиная с XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня. Один из таких новых методов — *историко-антропологический подход* — включает изучение «повседневного быта и нравов, краеведческо-фольклорную тематику, историю ментальностей» с целью «разглядеть сквозь время человеческое лицо науки».³⁹ Историческая антропология науки затрагивает важнейшие аспекты историко-научных исследований и изучает исторический контекст развития научного знания — как жили и как живут ученые, каково значение того, что они делают, в той культуре, к которой они принадлежат, каким образом их повседневная деятельность связана с их взглядами. Таким образом, предмет историко-антропологического направления в истории науки — изучение науки как совокупности форм повседневной жизни людей, именующих себя учеными.⁴⁰ Историк археологии должен осознавать, что жизненный мир исследователей, живших в прошлых столетиях, коренным образом отличается от жизненного мира ученого XXI в., ему необходимо понимание других культур и других форм жизни, *отказ от позиции разоблачителя науки прошлого*⁴¹ и безоглядной критики явлений, происходивших как в дореволюционной, так и в советской археологии 1920—1990-х гг., в частности навязчивого подчеркивания несовершенства методики раскопок предшественников. Очевидно, что научные практики (и полевые, и кабинетные) совершенствуются постоянно.

Историки науки исследуют «жизненный мир» деятелей различных областей знания, и не только менталитет ученых, но и социальные практики, поддерживающие определенное мировоззрение, повседневные отношения научного

---

³⁸ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003; Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков: Очерки истории. М., 2008.

³⁹ Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—22; История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков / Под общ. ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб., 2006 (Современные направления в исторической науке: Серия переводов. Т. 3).

⁴⁰ Александров Д. А. Историческая антропология науки в России... С. 3—5.

⁴¹ Там же. С. 21.

учреждения, патронаж науки, разнообразные формы быта и научной жизни, изучают феномен «незримых колледжей»⁴² и научных школ.⁴³ Типичное для России противопоставление официальной, казенной, «ненастоящей» и неофициальной «настоящей науки», восходящей еще к «кружковой» организации повседневности XIX в., особенно расцвело в советскую эпоху. Оно создавало и воспроизводило стереотипы поведения, которым до сих пор следуют русские ученые, так как наука в России в отличие от других стран Европы всегда являлась предметом не только публичного (в пределах пространства научных учреждений), но и частного дискурса: научные, философские и политические споры «за чаем» (и не только) — чисто русское явление.⁴⁴ Неформальные семинары таких «незримых колледжей» (например, журфиксы «Свободной Академии» на квартире академика Н. П. Кондакова в Петербурге) всегда проводили границу между приглашенными и неприглашенными и по своей природе неизбежно основывались на исключении «посторонних» коллег, являясь недолговечной и замкнутой формой научного быта.

Как и культуру в целом, научную преемственность (и прямую, и прерывавшуюся, т. е. «отложенную») можно представить как некий объем информации, передающийся из поколения в поколение, как систему коммуникаций, растянутую не только во времени, но и в пространстве. Изменения в науке являются в значительной мере результатом нарушений в системе коммуникации, объясняющихся давлением различных социально-экономических, политических и культурных факторов — сменой политических режимов, войнами, революциями и т. п. Внутренние и внешние причины и следствия таких изменений пытаются проанализировать историки археологии, в частности выявить корни деформации принципов дореволюционного археологического знания, количественные и качественные изменения в науке в советское время, которые повлекли за собой ее самоизоляция и потерю теснейших взаимосвязей с мировой наукой.⁴⁵

Внимание ряда специалистов сфокусировано на социально-психологических портретах ученых и краеведов — внутреннем мире человека, его эмоцио-

---

⁴² «Незримые колледжи» в области классической археологии, сложившиеся в Новороссийском крае в первой трети XIX в., рассмотрены в монографии: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях...

⁴³ Для истории отечественного языкознания, востоковедения и археологии важна монография: *Алтаев В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; см. также ряд монографий, изучающих феномен научных школ в исторической науке: *Мягков Г. П.* 1) «Русская историческая школа»: Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; 2) Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997; *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М.; Брянск, 1997; *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Омск; Екатеринбург, 2000; *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001; *Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX—начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; *Ростовцев Е. А. А. С.* Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Бон Т. М.* Русская историческая наука (1880—1905): П. Н. Милюков и московская школа / Пер. с нем. СПб., 2005.

⁴⁴ *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России... С. 7.

⁴⁵ *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России (последняя треть XIX—первая треть XX в.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2008.

нальной жизни, исканиях ума, взаимоотношениях с коллегами. Богатейшую информацию об этом дают эпистолярное наследие и мемуары предшественников. Но практически неизученными остаются вопросы повседневных отношений археологов, живущих в одной стране в одно и то же время, в частности интеллектуальных связей в традиционной оппозиции — *провинция/центр*, научного соперничества, власти и подчинения в науке, дружбы, ученичества, различий «жизненных миров» — формы и образа жизни, определявших научные воззрения ученых.

Апологет историко-антропологического подхода петербургский науковед Д. А. Александров при изучении научных школ проводит прямую структурную аналогию между *нормальной* наукой Томаса Куна⁴⁶ и организованной преступностью — научные школы и мафии рассматриваются им как сообщества, основанные на доверии. Структурно они действительно близки: неизбежен лидер, обязателен «первый ученик» и «ученик-диссидент» (триада «школа» — «ученичество» — «эпигонство»); «жизненные ряды» и научных школ, и мафий поражают если не единообразием, то подобием.⁴⁷ Экспансия исторической антропологии в историю науки — процесс неоднозначный, противоречивый, сопровождающийся зачастую спорными и парадоксальными выводами.

Антропологический подход, продемонстрированный еще в книгах рубежа 1920—1930-х гг. акад. В. П. Бузескула,⁴⁸ сознательно критиковался советской историографией как неприемлемый для марксизма, но сегодня он отвечает новейшим стандартам истории науки, и не случайно в последние годы именно он вызвал к жизни целую серию биографических книг и справочников об историках различных специальностей и археологах.⁴⁹

Таким образом, саморефлексия культурных систем современного человеческого общества в целом и исторической науки в частности переживает *антропологический поворот*. На мой взгляд, в истории классической археологии и антиковедения начало ему положил подвижнический труд академика Г. М. Бонгард-Левина и его младших коллег по поиску в различных странах и комплексному изучению архивных материалов об академике М. И. Ростовцеве (1870—1952), вылившийся в издание двух фундаментальных трудов — «Скифского романа» (1997)

⁴⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975; 2-е изд. М., 1977; переизд.: М., 2001; М., 2003. — Критику концепции Т. Куна см.: *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008; см. также: Наука и научность в исторической перспективе / Под общ. ред. Д. А. Александрова, М. Хагнера. СПб., 2007 (Современные направления в исторической науке: Серия переводов. Т. 4).

⁴⁷ Александров Д. А. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга: К 275-летию Академии наук. СПб., 1998. С. 11—18.

⁴⁸ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX—начале XX в. Части 1—3 / Общ. ред., сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. и биогр. словарь-указатель И. В. Тункиной. М., 2008; *Тункина И. В.* О судьбе книги академика В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX—начале XX в.» (к 150-летию со дня рождения) // ВДИ. 2008. № 4. С. 213—224.

⁴⁹ Портреты историков: Время и судьбы. В 4 т. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1—2; М., 2004. Т. 3—4; т. 1: Отечественная история / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, Л. Т. Мильская; т. 2: Всеобщая история / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская; т. 3: Древний мир и средние века / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская; т. 4: Новая и новейшая история / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов; Историки России: Биографии / Отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001; *Чернобаев А. А.* Историки России XX века: Библиографический словарь. В 2 т. Саратов, 2005. Т. 1: А—Л; т. 2: М—Я; т. 3: А—Я (доп.). СПб., 2009.

и «Парфянского выстрела» (2003). «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье...». Эта крылатая фраза С. Есенина в полной мере применима к истории отечественной науки. По моему убеждению, должно пройти определенное время, чтобы осознать место самого Г. М. Бонгард-Левина в русской гуманистике рубежа XX—XXI вв. Один из рецензентов «Скифского романа» мой учитель Г. С. Лебедев (1943—2003) писал, что «соотношение внутринаучной рефлексии с конкретно-историческим постижением реальной истории, оценки и самооценки исследователя как субъекта исторического процесса... — новая, весьма масштабная методологическая проблема, боюсь, выходящая за пределы имеющейся научной парадигмы».⁵⁰ Действительно, формирующаяся на наших глазах рефлексивная археология, рассматриваемая специалистами как одно из проявлений самопознания и самоосознания науки, возможно, в ближайшем будущем станет существенной составляющей археологии в целом. Превратится ли она в «коперниканский переворот»⁵¹ в истории археологии, покажет время.

---

⁵⁰ Лебедев Г. С. «Скифский роман» и его герой... С. 183.

⁵¹ Тронн Е. Э., Тронн Э. А. Антропологический поворот // Философский век. Альманах. Вып. 21: Науки о человеке в современном мире. СПб., 2002. Ч. 1. С. 123—128.

Е. В. ГОЛОВКО

РУССКИЙ ЯЗЫК НА АЛЯСКЕ

(По материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.)¹

Настоящая статья основана на материалах полевых исследований, проведенных автором летом 2008 и 2009 гг., в рамках международного проекта «Документирование языков коренного населения Аляски и прилегающих территорий», финансируемого Национальным фондом научных исследований США (руководитель проекта — доктор Майкл Краусс). Русский язык, о котором идет речь в статье, строго говоря, не попадает ни в одну из двух категорий, заявленных в названии проекта. С одной стороны, он не является языком коренного аляскинского населения, с другой стороны, тот вариант русского языка, который записывался в ходе экспедиционного исследования, распространен не на «прилегающей территории» — на нем говорит небольшая часть постоянного населения Аляски.

По утверждению Майкла Краусса,² сегодня на Аляске есть по крайней мере три группы постоянного населения, говорящего по-русски.

1. *Недавние эмигранты из России в США.* Они приехали в США в 1990-е гг. и поселились преимущественно в двух крупнейших городах штата — Анкоридже и Фербенксе. Вновь прибывшие расселены дисперсно и, как правило, не поддерживают связей друг с другом. Есть одно исключение — населенный пункт Делта Джанкшн (Delta Junction) недалеко от Фербенкса. После распада Советского Союза многие эмигранты покинули свои только что получившие независимость страны (в основном Россию, Украину и Белоруссию) и обосновались в этом небольшом поселке. Главная причина переезда — стремление обрести экономическую стабильность, однако среди «бывших русских» в Делта Джанкшн есть и те, кого прежде всего привлекла возможность свободного вероисповедания. Эта группа, пожалуй, наименее интересна с точки зрения языка. Русский язык, на котором говорят жители Делта Джанкшн, — это вариант современного русского языка. Интерес могли бы вызвать особенности взаимодействия между русским языком и американским вариантом английского языка (переключение кодов,

---

¹ Доклад заслушан на заседании Объединенного научного совета 23 ноября 2009 г.

² Устное сообщение, 2006 г.

заимствования из английского), однако характер взаимодействия такого рода достаточно хорошо изучен.³

2. *Старообрядцы*. Живущие сегодня на Аляске старообрядцы ведут происхождение от забайкальских старообрядцев, значительной части которых пришлось на рубеже XIX—XX вв. из-за начала строительства Китайско-Восточной железной дороги переехать на территорию Маньчжурии. После русской революции 1917 г. к ним присоединились многие другие старообрядцы, до того времени остававшиеся в России. Коммунистическая революция, однако, настигла их и в Китае — речь идет о китайской революции 1949 г. К 1950 г. старообрядцы смогли при посредстве Красного Креста и других международных общественных организаций покинуть Китай (через Гонконг) и выбрать себе новую страну проживания. Самые большие группы отправились в Бразилию и Австралию. Эмиграция старообрядцев в Северную Америку началась в середине 1960-х гг., когда часть бразильской диаспоры переехала в Орегон. Некоторое время спустя наиболее радикально настроенная часть этой группы, опасаясь слишком тесного контакта с американской культурой и как следствие ассимиляции, переместилась в более удаленное место — на Аляску. Несмотря на значительную разрозненность, сегодня все группы благодаря набирающей силу глобализации находятся в постоянном контакте: в этом им помогают как современные средства связи (сотовые телефоны, Скайп, электронная почта), так и предприимчивость, свойственная всем без исключения группам старообрядцев — многие из них летом отправляются из Южной Америки на Аляску на сезонные работы (прежде всего это занятия промышленным рыболовством).

Есть несколько работ, посвященных описанию и анализу этнографических и языковых особенностей старообрядцев, в том числе живущих на Аляске;⁴ недавно завершен коллективный проект (выполнен группой петербургских исследователей), в ходе которого проводилось комплексное изучение старообрядцев Южной Америки.⁵

3. *Потомки русских, живших на Аляске до продажи ее США в 1867 г.* Несмотря на то что на Аляске никогда не было большого числа русских (не более одной тысячи человек), российское присутствие там в течение более ста лет (с середины XVIII в. до 1867 г.) оставило заметный след в языках и культуре коренного аляскинского населения. В связи с темой, которой посвящена настоящая статья, важно отметить, что так называемая Русская Америка отличалась от всех остальных территорий, когда-либо принадлежавших России, по своему социальному устройству. Фактически Аляска и прилегающие острова управлялись негосударственной структурой, Российско-Американской компанией (РАК), которая на подконтрольной ей территории разделила все население на три социальные

---

³ Сошлемся только на одну из последних, по-настоящему основательных работ, снабженную богатой библиографией: *Liesio L. Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian*. Tampere: University of Tampere Press, 2001.

⁴ *Dolitsky A. B., Kuz'mina L. Cultural Change vs, Persistence: A Case from Old Believers Settlements // Arctic*. 1986. Vol. 39. No. 3. P. 223—231; *Dolitsky A. B. Old Russian in Modern America: A Case from Russian Old Believers in Alaska*. Juneau, AK, 1998; см. также: *Красильникова Е. В. Русский язык зарубежья*. 2-е изд. М.: УРСС, 2010.

⁵ См.: *Гонобоблева С. Л. Трансграничная диаспора русских староверов в Южной Америке: история, язык и культура (стендовый доклад) // Русское зарубежье в мировом культурном пространстве. Международная научная конференция. Санкт-Петербург. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 20—22 сентября 2010 г.*

категории: промышленники, креолы, алеуты.⁶ Это деление имело не столько этнический характер, сколько сословный. Все они по существу были рабочими РАК разных «разрядов». Экономическое положение промышленников было несколько лучше, чем креолов, креолы же имели определенные льготы, которых не имели алеуты. В определенных случаях конкретный человек в качестве поощрения мог переводиться из одного сословия в другое. Для темы настоящей статьи важно то, что отслужив в РАК полагающееся количество лет, все эти «работники РАК» имели право выйти на пенсию. Тех, кто предпочел остаться на Аляске, РАК поселяла (с предоставлением жилья) в одном из двух специально созданных поселков — в Нинильчике на Кенайском полуострове и в Афогнаке на небольшом одноименном острове Кадьякского архипелага.

После продажи Аляски и Алеутских островов США в 1867 г. знание русского языка наряду со знанием «этнического языка» стало важной составной частью новой идентичности коренного населения. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что русский был языком принятого значительной частью коренного населения православия. Известно, например, что «образованные алеуты пользовались русским языком до второй мировой войны», об этом упоминает Хадсон в книге 2007 г. По свидетельству норвежского лингвиста К. Бергсланда, во время его первой поездки на Алеутские острова в 1950 г. люди старшего поколения еще помнили русский язык. Однако уже в 60-е гг. XX в. среди коренного населения (в первую очередь речь здесь может идти об алеутах, живущих на Алеутских островах, и о тихоокеанских эскимосах алютик/сюхпиак, занимающих о. Кадьяк и прилегающие острова) почти не осталось людей, помнящих русский язык. Единственные населенные пункты, в которых русский язык являлся живым языком общения, оставались Нинильчик и Афогнак. К сожалению, население Афогнака было вынуждено в 1964 г. покинуть поселок из-за последствий землетрясения и цунами. К счастью, природная катастрофа не привела к человеческим жертвам и значительным разрушениям, однако остаться на старом месте было невозможно из-за проблем с источниками пресной воды. Большая часть населения Афогнака переселилась в специально построенный поселок Порт-Лайонз, а также в город Кадьяк и в деревню Узинки (искаженное русское «Узенькое»). Второй поселок для пенсионеров РАК, Нинильчик, к счастью, избежал природных катаклизмов и существует до сих пор на том же месте с момента постройки в 1840-х гг.

Русский язык в том виде, в каком он сохранился на Аляске с XIX в., почти не привлекал внимания лингвистов. Именно поэтому он и был выбран в качестве объекта исследования в рамках упомянутого в начале статьи проекта. В 1980-е гг. К. Дейли, студент-славист Калифорнийского университета в Беркли, записывал полевой материал по русскому языку деревни Нинильчик. К сожалению, позже он отказался от карьеры лингвиста, а две статьи, написанные им по результатам поездки, остались неопубликованными.⁷ В них содержатся ценные наблюдения

---

⁶ Об этом довольно много писалось, см. последнюю публикацию на эту тему: *Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008*; см. также рецензию на нее: *Головки Е. В. Рец. на кн.: Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008. 204 p. // Антропологический форум. 2009. №10. С. 349—356.*

⁷ *Daly C. 1) Russian language death in an Alaskan village / Paper presented at the University of California Berkeley linguistics colloquium. Ms. 10 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks); 2) 'Evonaj mat' ves' noch' television*

над структурными особенностями нинильчикского говора, однако почти нет сведений о лексическом составе. Этот пробел был отчасти восполнен московскими лингвистами А. А. Кибриком⁸ и М. Б. Бергельсон, которые в 1998 г. провели в Нинильчике две недели. За этот короткий срок им удалось собрать материал об именных частях речи. Позже при содействии У. Лемана, уроженца Нинильчика (хотя и не владеющего русским языком), этот материал был значительно расширен, и на его базе составлен пробный вариант словаря нинильчикского диалекта русского языка.⁹ До поездки автора доклада на Кадьяк в 2008 г. ни лингвистической, ни этнографической работы с бывшими жителями Афогнака не проводилось. В архиве языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фербенксе хранится двухстраничная записка К. Дейли с указанием имен носителей русского языка на Кадьяке. В середине 1980-х гг. К. Дейли, поработав в Нинильчике, на короткое время заехал и на Кадьяк, для того чтобы собрать имена потенциальных информантов, с которыми он планировал поработать в будущем. Эта записка послужила автору настоящей статьи хорошим ориентиром для полевой работы летом 2008 г.

Русский язык и следы русского культурного влияния на Аляске

Носители «старорусского» (как его часто называют сами информанты) языка помимо деревни Нинильчик на Кенайском полуострове живут, как уже отмечалось выше, в городе Кадьяк и в деревне Узинки на Кадьякском архипелаге, а также в городе Кенай (Кенайский полуостров) и в самом крупном городе Аляски — Анкоридже. Несколько человек, помнящих русский язык, обитают в других штатах США.

Язык и самоидентификация. Большинство наших информантов в беседах на английском языке предпочитают называть язык, на котором они говорят, старорусским (Old Russian) или славянским (Slavonic) — последний термин явно ассоциируется с церковнославянским. Никто из них никогда не называет язык русским — так обозначается только язык «настоящих русских», то есть людей из России. Также никто из наших информантов не называет себя русским («русаками» в терминологии наших информантов). На вопрос об этничности, как правило, следует ответ: «мы — аляскинцы», с комментарием, объясняющим, что все население Аляски представляет собой довольно причудливую смесь (что несомненно отражает реальное положение вещей). По убеждению наших информантов, главные компоненты этой «смеси» — алеуты (так называют здесь эскимосов алютик) и скандинавы (это также соответствует историческим фактам: на рубеже XIX—XX веков из-за экономического спада наблюдалась мощная волна переселений на Аляску из Скандинавских стран). При этом многие местные

---

karaulil': His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian. Ms. 31 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

⁸ Кибрик А. А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинильчик (Аляска) // Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь А. И. Коваль / Под ред. В. Ф. Выдрины и А. А. Кибрика. СПб.; М.: Европейский дом, 1998. С. 36—52.

⁹ Бергельсон М. Б., Кибрик А. А., Леман У. Словарь нинильчикского говора русского языка. 2008. Рукопись.

жители допускают, что в их роду были и «русаки». На уточняющий вопрос, откуда происходили их российские предки, информанты, как правило, указывают на «Сибирь», некоторые способны даже назвать конкретный город. Слово «креол», активно использовавшееся во времена Российско-Американской компании, сегодня никому неизвестно — его не применяют ни в рассказах о собственном происхождении, ни для характеристики языка.

По-русски могут говорить только люди старшего поколения: самым молодым носителям русского языка, способным если не свободно говорить, то бегло объясняться, около 70 лет; двум самым старшим было 94 и 98 лет, и они говорили совершенно свободно. Интересно, что помимо русского все из них говорят на английском (который, естественно, доминирует в социальном отношении), а некоторые и на языке аляутик, что отсылает нас к тому периоду, когда трехязычие (русский—алютик—английский, именно в таком порядке) было вполне распространенным и естественным.

Чрезвычайно важным обстоятельством является то, что сегодняшние потомки пенсионеров РАК никогда не были в контакте с «настоящим» русским языком. До 1991 г. суда из СССР совсем не заходили на Кадьяк, и в постсоветский период таких визитов было очень немного. Три-четыре русские девушки, вышедшие замуж и осевшие в г. Кадьяке в 1990-е гг., также не могли оказать серьезного влияния на русский язык коренных жителей (в поселке Порт-Лайонз, деревнях Узинки и Нинильчике никаких контактов с русскими из России не было совсем). Во время случайных эпизодических контактов наши информанты, по их словам, с трудом и далеко не полностью понимали современный русский. Это вполне естественная ситуация, если принять в расчет длительную изоляцию аляскинского идиома: пониманию мешает огромное число новых слов в современном русском, несколько отличающееся произношение, более быстрый темп речи. Вообще информанты относятся к своему идиому как к «неправильному языку», «диалекту», современный же русский считают образцовым. Это обстоятельство приходилось учитывать в полевой работе: большая часть интервью велась на английском, во-первых, чтобы не оказывать «возмущающего» воздействия на речь информантов, а во-вторых, чтобы не вызывать у них психологического дискомфорта.

В той среде, о которой идет речь, русский язык перестал быть средством коммуникации уже очень давно. В то время, когда наши сегодняшние информанты были детьми, их родители говорили дома в основном по-русски; в отдельных семьях матери не знали никакого другого языка, даже английского (что объясняется, конечно, их низкой социальной мобильностью). Сегодня русский язык в семьях не применяется совершенно. Использование русского языка едва ли является частью речевого поведения наших информантов. Они могут после воскресной службы в церкви или во время случайной встречи на улице обменяться несколькими фразами на русском, назвать друг друга известным с детства прозвищем или по имени-отчеству, этим, пожалуй, и ограничивается набор возможных ситуаций, предполагающих использование русского языка.

Очевидно, аляскинский идиом русского находится в завершающей фазе языкового сдвига. Важно отметить, что в ситуациях, наподобие описанной выше, у языка уже нет привычного набора функций. Прежде всего он перестает быть средством коммуникации.¹⁰ Реальное ежедневное общение происходит

---

¹⁰ Об этом применительно к другой этнической группе см.: *Вахтин Н. Б.* «Языковая смерть» в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского го-

на другом языке — на том, который выгоднее использовать по многим «практическим» причинам (в данном случае на английском). Русский язык выполняет только символическую функцию. Как было показано в некоторых других публикациях и на другом материале,¹¹ для использования языка в этой функции не требуется глубокого и полного постижения его структуры, лексического богатства и т. д. — можно ограничиться некоторыми языковыми стереотипами. Это может быть использование в русской речи отдельных слов, приведенная к месту поговорка, исполнение к случаю одной из двух-трех оставшихся песен на алеутском языке, т. е. реализуется модель поведения: «мы в таких случаях говорим так-то».

Аляскинский идиом русского языка служит важным маркером самоидентификации и отражается в целом ряде культурных практик: посещение церкви, кухня (пирог, балык, соленья и др.), игры (лапта), в том числе карточные («дуррак» и др.), песни и ритуалы (свадебные, похоронные). В тех местах, где живут потомки пенсионеров РАК, некоторые русские слова известны всем, включая эскимосов аляутик и «белых американцев»: *баня, чай, пирог, быллык, солёна* (соленая рыба), *спасибо, горько* (слово 'горько', которое гости кричат на свадьбе) и даже *нужник* и *жсопа*. Для тех потомков пенсионеров РАК, которые считают русскую составляющую важной частью своей идентичности (этот круг, конечно, шире, чем просто группа хорошо знающих язык), существует набор фраз, употребляемых «к случаю», т. е. выполняющих идентифицирующую функцию: *проходи садись; увидимся* (формула прощания); *здравствуй, товарищ; как поживаешь; как себя чувствуешь; как здоровье; пускай/пуцай; кушать надо; мамаи* (т. е. моллюсков) *копать надо; худой погода; хороший погода; пора ставать; лайда* (берег моря); *лавка* (магазин); *замолчи; дожик сегодня; помойник вытащи; спасибо — не стоит* и др. В дружеском общении часто используются диминутивные формы имен: *Ивашка, Марфуша, Степка* и др.

Имена собственные выполняют важную идентифицирующую функцию, при этом не столько фамилии, которые пишутся во всех документах и выглядят для американцев вполне привычными (хотя характерное окончание —ов — очень заметный признак «русскости»: Чиченов, Комаров и т. д.). Более важной оказывается роль имен. В каждой семье во всех поколениях люди имеют два имени — одно дается при крещении, второе имя — американское, оно фигурирует во всех документах и, как правило, созвучно русскому имени: Илларион — Larry, Федор — Fred, Захар — Zack, Alexei — Sonny, Петр — Peter, Иван — John, Павел — Paul, Глафира — Gladys, Елена — Helen, Степан — Steven и т. д. Некоторые информанты, в основном самого старшего поколения, помнят о практике употребления отчеств. При встрече они могут (как правило, в шутку) обратиться друг к другу по отчеству: Иван Петрович, Федор Александрович, Глафира Павловна и т. д. Почти у всех представителей этого поколения начальная буква отчества служит «инициалом» в американском имени: Иван Петрович Пестриков — John P. Pestrikoff.

Следует заметить, что для всех без исключения сегодняшних потомков пенсионеров РАК их язык — это язык без письменности: ни один из них не знает русского алфавита. При этом умение читать и писать, которым несомненно владе-

---

вора // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Под ред. А. К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2001. С. 272—291.

¹¹ См.: Там же.

ли их предки, вызывает гордость: никто не упускал случая упомянуть тех своих родственников, которые в старые времена были *саломчиками* (псаломщиками); все, с кем довелось беседовать, также трепетно относятся к старым, написанным по-русски документам, хранящимся в семьях.

Русский язык и язык алютик. По утверждению наших информантов, владение двумя языками, русским и алютик, было весьма распространенным явлением в поселках на Кадьяке.¹² Несмотря на двуязычие, деление на «алеутов» и «руссаков» было заметно даже в Узинках, не говоря уже об Афогнаке, где между двумя частями поселка, Aleut Town и Russian Town (другое название — Деревня¹³), существовала природная граница. Между жителями этих двух частей наблюдалось постоянное соперничество, иногда выливавшееся в массовые драки между молодыми мужчинами. Впрочем, никакого серьезного противостояния все-таки не было: постепенно население обеих частей перемешалось, в том числе благодаря переездам из одной части в другую. Можно обнаружить довольно многочисленные свидетельства того, что многие слова, существующие и поныне в кадьякском идиоме русского языка, попали в него в качестве заимствованных русских слов, которые сначала были освоены языком алютик. Так, русский губно-зубной /v/ всегда реализуется как губно-губной /w/. Это объясняется отсутствием в языке алютик соответствующего губно-зубного, ср. русские заимствования в алютик: *witruuq* ‘ведро’, *wiilkaa* ‘вилка’ и др. Еще одно доказательство такого влияния — отсутствие в заимствованных русских словах палатализации после /t/: трапка ‘тряпка’, праник ‘пряник’ и др. Именно так звучат соответствующие слова в языке алютик. В некоторых идиолектах инициальный /b/ заменяется на /p/, что также можно трактовать как след влияния алютик, ср. русское заимствование в алютик: *pasmakiik* ‘башмаки’ (дв. ч.). Тесное взаимодействие в прошлом русского языка и языка алютик привело к своеобразной лексической диффузии, что проявляется на уровне индивидуального восприятия носителей. Нередко им оказывается трудно провести границу между двумя языками.¹⁴ Большинство информантов уверены, что слова *piwa* ‘пиво’ (ср. в языке алютик *piiwaq*), *chuffli* ‘домашние тапки’ (ср. в языке алютик *cuuflik*), *tachka* ‘тачка’ (ср. в языке алютик *taackaa*), *lapta* ‘лапта’ (ср. в языке алютик *laptuq*), *aladiks* ‘олады’ и многие другие принадлежат языку алютик.

Происхождение аляскинского идиома русского языка. Он представляет собой диалектную разновидность русского языка, в которой сохранилось множество архаичных слов и коллоквиализмов: *тамака*, *тудака*, *дождидай сперва*, *шибко*, *калидор*, *кавалер*, *варнак* ‘вор’, *сяфка* ‘кит-косатка’, *мезгирь* ‘паук’, *строп* ‘ремень’, *тятя* ‘отец’, *дохтур* ‘доктор’, *пилюли*, *дровяник*, *вчерасть*, *забраться на низ* и многие другие, некоторые специфические слова обнаруживаются также в русских диалектах старожилов Сибири: *пучки* ‘дикая петрушка’, *евражка* ‘вид суслика, хомяка’, *косогор* ‘холм’, ‘пригорок’ и др.

До тех пор пока аляскинский идиом выполнял помимо символической и коммуникативную функцию, ему было свойственно внутрисистемное разви-

¹² Этого, конечно, не было в Нинильчике, см: *Кибрик А. А.* Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинильчик (Аляска). С. 36—52.

¹³ *Harvey L. Derevnia's Daughters: Saga of an Alaskan Village.* Yuma, Manhattan, Kansas, 1991.

¹⁴ См. об этом, например: *Le Page R. B.* ‘You can never tell where a word comes from’: language contact in a diffuse setting // *Jahr E. H.* (ed.). *Language Contact: Theoretical and Empirical Studies.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.

тие, в частности через адаптацию английских слов: *кара* ‘машина’ (из англ. car), *чай-пот* ‘чайник’ (из англ. tea-pot), *стампа* ‘марка’ (из англ. stamp), *рабабутсы* ‘резиновые сапоги’ (из англ. rubber boots) и др.

Соотношение кадькского и нинильчикского идиомов. Очевидно, оба несколько различающихся сегодня между собой идиома происходят из одного источника. Когда-то это был один идиом, сначала подвергшийся сильному влиянию языка алютик, а затем, гораздо позже, — влиянию английского языка. Когда на этом идиоме стали говорить в двух различных, далеко расположенных друг от друга местах, Нинильчике и Афогнаке, в каждом языковом сообществе появились свои отличия, которые обнаруживаются не в грамматике, а в лексике. Эти отличия объясняются прежде всего различиями в природных условиях между островом Кадьяком и Кенайским полуостровом. Так, зафиксированные Дейли и Кибриком слова *красная брюшка* ‘краснобрюшка’ (птица), *морской чайка* ‘электрический скат (?)’, *берлога*, *олень*, *казна* ‘рысь’, *кролик* ‘заяц’, *сахат* ‘лось’ неизвестны носителям кадькского идиома.

Что представляет собой аляскинский идиом русского языка? Как справедливо отмечают К. Дейли и А. А. Кибрик, часто оказывается трудно отделить внутрисистемные изменения, произошедшие в идиоме, от процесса языковой аттриции, то есть постепенного разрушения системы. Аляскинский идиом демонстрирует значительную степень вариативности на всех уровнях языка, причем иногда эта вариативность наблюдается на уровне конкретных идиолектов. Тем не менее обнаруживаются и общие черты — как на уровне территориальных разновидностей, так и на уровне идиолектов. В первую очередь это касается фонологической системы. В грамматике дело обстоит не так просто: даже самое заметное языковое изменение, утрата согласования по роду (*морской чайка*), отмеченное сначала К. Дейли и позже подтвержденное А. А. Кибриком, оставляет место для сомнений. В ходе нашей полевой работы с самыми пожилыми информантами этот принцип (утрата согласования) время от времени ими нарушался. Это, казалось бы, говорит в пользу того, что речь может идти скорее о языковой аттриции, чем о внутрисистемном языковом изменении. С другой стороны, вполне естественно допустить, что ряд индивидуальных изменений в процессе языковой аттриции может в конечном счете привести к внутрисистемному изменению, особенно если речь идет о языковом коллективе небольшой численности. Прояснить это вопрос может только внимательный анализ всех имеющихся материалов (к сожалению, объем их невелик), относящихся к разным периодам времени.

Материал аляскинского идиома русского языка делает гораздо более полным наше представление о том, как выглядела в прошлом и как выглядит теперь языковая карта Аляски.

Еще более важным кажется то, что мы имеем дело с тем редчайшим случаем, когда русский язык оказывался в положении языка меньшинства. Тщательный анализ структурных изменений (который еще только предстоит сделать) может показать, в чем состоит специфика взаимодействия русской грамматической системы с грамматикой других языков (сначала она подверглась мощному влиянию языка алютик, а затем английского).

Предварительные результаты исследования структуры аляскинского идиома также проливают свет на происхождение известных на сегодняшний день разновидностей русского языка контактного происхождения. Очевидно, что аля-

скинский идиом не имеет ничего общего ни с пиджинами на русской основе,¹⁵ ни со смешанным медновским языком, возникшем на Командорских островах в результате взаимодействия алеутского и русского языков.¹⁶

---

¹⁵ *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008.

¹⁶ *Головко Е. В.* Медновских алеутов язык // Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А. П. Володина. М.: Индрик, 1996. С. 117—125; *Golovko E.* The Making of Identity, the Making of a Language: On Some Linguistic Consequences of the Russian Colonization in Siberia // *Creating Outsiders: Endangered Languages, Migration and Marginalisation. Proceedings of the Ninth Foundation for Endangered Languages Conference* / Ed. by N. Crawford and N. Ostler. Stellenbosch, South Africa, 18—20 November, 2005. P. 31—36.

М. Э. ЕМЕЛЬЯНОВА

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. В. СВИРИДОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МУЗЫКОЗНАНИИ

Сведения о Г. В. Свиридове и его сочинениях стали появляться в печати с конца 1930-х гг. Это были в основном информационные обзоры декад советской музыки, концертов Союза советских композиторов и студентов класса Шостаковича, смотров творчества ленинградских композиторов, обзоры изданий Музгиза; заметки в биографических справочниках; аннотации и рецензии в газетах и журналах, посвященные исполнению конкретных произведений Г. В. Свиридова: трио, концерту для фортепиано с оркестром, симфонии, симфонии для струнного оркестра, квинтету, первому квартету, шести пьесам для фортепиано, партитам, а также песням на слова А. А. Прокофьева, романсам на слова М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина.

В периодической печати этих лет содержатся разные точки зрения и неоднозначные оценки творчества композитора. Но все-таки большей частью новые произведения Свиридова освещались широко и сочувственно. В частности, такими являются заметки Д. Житомирского¹ и Ю. Вайнкопа,² отзывы В. Щербачева и Ю. Кочурова,³ обзорно-биографическая статья М. Чулаки⁴ в связи с присуждением Г. Свиридову Сталинской премии и две заметки Д. Шостаковича.⁵

В заметках В. Мурадели,⁶ Л. Баренбойма⁷ и В. Богданова-Березовского⁸ содержатся критические отзывы о творчестве Свиридова. Обвинение композитора в формалистических увлечениях находим в статьях М. Глуха и Л. Энтелиса.⁹

¹ *Житомирский Д.* Новинки камерной музыки // Советское искусство. 1946. 15 февраля. С. 3.

² *Вайнкоп Ю.* Яркое дарование // Вечерний Ленинград. 1946. 27 июня. С. 2.

³ Фортепианный квинтет Ю. Свиридова // Ленинградская правда. 1946. 28 марта. С. 1.

⁴ *Чулаки М.* Талантливый композитор // Ленинградская правда. 1946. 9 июля. С. 3.

⁵ *Шостакович Д.* 1) Талантливый композитор // Музыкальные кадры. 1940. 4 ноября. № 20—21. С. 2; 2) Снова в Ленинграде // Ленинград. 1945. № 21—22. 30 декабря. С. 20.

⁶ *Мурадели В.* Новое в советской музыке // Советское искусство. 1940. 9 января. С. 3.

⁷ *Баренбойм Л.* Заметки о ленинградских концертах // Советская музыка. 1947. № 3. С. 101—102.

⁸ *Богданов-Березовский В.* 1) Декада советской музыки // Искусство и жизнь. 1938. № 1. С. 46—48; 2) О советском романсе // Искусство и жизнь. 1940. № 3. С. 27—28.

⁹ *Глух М., Энтелис Л.* Смотр творчества композиторов Ленинграда // Советская музыка. 1949. № 7. С. 14—18.

В истории советского музыкознания годы, в которые творчество Свиридова вышло на музыкальную арену (1932—1941 гг.), проходили под знаком борьбы против односторонности установок рапповского музыковедения. И в эти же годы мысль о советской музыке столкнулась с предвзятым, субъективистским пониманием формализма, выраженным в опубликованных в «Правде» в 1936 г. двух статьях о творчестве Шостаковича — «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь».

Важной и весьма характерной для 30-х гг. формой критического обсуждения и теоретического осмысления этих вопросов советского музыкального творчества стали дискуссии — устные и печатные. Большею частью они проводились Союзом советских композиторов и его органом — журналом «Советская музыка».

Из стенографических отчетов пленумов Ленинградского союза композиторов и 1-го съезда Союза композиторов в 1948 г. видно, что горячему обсуждению было подвергнуто творчество Свиридова, которое «стало развиваться в формалистическом направлении».¹⁰ Под критическим обстрелом оказались его симфония, две партиты, квинтет и третий квартет. Полемика, развернувшаяся на съездах, явно свидетельствует, что творчество Свиридова не вписывалось в эстетические установки 1948 г.

В целом же публикации о творчестве Свиридова в периодической печати конца 1930—1950-х гг. носили справочный или обзорно-информационный характер и принадлежали к информационно-популяризаторским, а не научным работам. Среди авторов статей было мало музыковедов, преобладали критики и популяризаторы, размещавшие свои заметки на страницах таких «популярных» газет и журналов, как «Известия», «Ленинградская правда», «Ленинград», «Вечерний Ленинград», «Искусство и жизнь», «Советское искусство», «Литература и искусство».

К более основательным работам можно отнести статьи Ю. Вайнкопа «Две симфонии»¹¹ и «Камерная музыка Ю. Свиридова».¹² Они были опубликованы в специальном периодическом издании — журнале «Советская музыка» и содержали краткий структурно-стилистический анализ инструментальных сочинений композитора.

Новый этап изучения творчества Свиридова, собственно научное его исследование, начинается с середины 1950-х гг., когда композитор достигает определенной ступени зрелости и обретает известность.

Середина 1950-х гг. (1956 г.) — это начало нового этапа и в истории советского музыкознания. Последовал пересмотр установившихся ранее взглядов на оперу «Леди Макбет Мценского уезда», на многие другие осужденные прежде произведения Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и других композиторов. Между тем исходные положения марксистско-ленинской эстетики, принципы партийности советского искусства, критерии социалистического реализма продолжали сохранять ведущие позиции в культурной политике. Музыка считалась частью идеологии советского государства.

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Стенограмма общего собрания членов Ленинградского союза советских композиторов в связи с постановлением ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. Ф. 2077. Оп. 1. Д. 241. С. 214.

¹¹ Вайнкоп Ю. Две симфонии // Советская музыка. 1941. № 5. С. 19—25.

¹² Вайнкоп Ю. Камерная музыка Ю. Свиридова // Советская музыка. 1947. № 4. С. 23—28.

Изучение творчества Свиридова в советское время имело свои особенности. Во-первых, Свиридов представлял собой явление живое, развивающееся — поэтому работы о нем менее всего могли носить итоговый, обобщающий характер. Проследить историю стиля художника, находящегося в непрерывном движении, когда каждое новое сочинение, каждая новая ступень творческой биографии обнаруживает какие-то ранее незамечавшиеся грани, представлялось задачей очень сложной. Поэтому творчество композитора было объектом не столько науки, сколько текущей критики, которая внимательно следила за его развитием. И именно критика — как «наука в становлении» — накопила многие фактические материалы, на базе которых стали появляться первые научные работы.

С другой стороны, в этот период еще не было объемного представления о творчестве Свиридова, не было общей сводной биографии и нотографии, в тени оставались очень многие произведения, не укладывающиеся в рамки партийных догм. В идейно-образном плане практически все работы о творчестве Свиридова были регламентированы официальной марксистско-ленинской эстетикой социалистического реализма. Исследователям приходилось прибегать к обязательным идеологическим клише, что нередко приводило к односторонней и предвзятой трактовке, в то время как творчество Свиридова не могло ограничиваться тесными догматическими предпочтениями.

И между тем уже в рамках советской методики музыкознания были раскрыты некоторые важные моменты свиридовского творчества, сохраняющие значение до наших дней. В центре внимания, как правило, были такие отвечающие духу времени произведения, как «Патетическая оратория» и «Поэма памяти Сергея Есенина».

Обращаясь к творчеству Свиридова, исследователи подчеркивали прежде всего народность его музыки, говорили о Свиридове, как о художнике, «порожденном великой любовью к русской земле и русскому народу».¹³ Особо отмечалось, что главные образы его творчества — образы Отечества, родной земли, образ народа в поворотные моменты истории, образ человека с его богатством, сложным духовным миром, чистотой нравственных идеалов, неизбывной любовью к Родине. Наиболее чуткие музыковеды приходили к выводу, что в свиридовской музыке живет большая мысль о жизни, что в ней всегда за малым, конкретным угадывается великое и вечное.

Показательна в этом отношении монография о Г. В. Свиридове, принадлежащая крупнейшему знатоку его творчества, первому биографу композитора А. Н. Сохору¹⁴ (две редакции этой книги увидели свет в 1964 и 1972 гг.).

Монография представляет собой исследование, скорее, обобщающего типа, которое содержит обзор и осмысление творчества композитора, но в ней нет специального анализа его стиля. Главное внимание в монографии Сохора уделено жизненному и творческому пути композитора, а в анализах произведений — их идейно-образному содержанию. Основное место отведено творчеству 1950—1960-х гг. Из ранних произведений особо выделены вокальные, сыгравшие в становлении композиторской индивидуальности наиболее значимую роль.

Сохором было положено начало систематической работы по составлению свиридовской нотографии. В его монографии впервые были описаны произ-

---

¹³ Сохор А. Георгий Свиридов. М.: Советский композитор, 1972. С. 57.

¹⁴ Там же.

ведения Свиридова начиная с первых сочинительских опытов 1932—1933 гг. и вплоть до начала 1970-х гг. — времени, когда шла подготовка к печати второго дополненного издания монографии. Последующие работы лишь дополняли имеющиеся данные теми сочинениями, которые были созданы после 1970 г. К списку сочинений добавлялись сведения по дискографии, библиографии и другой справочный материал.

Но главная заслуга А. Сохора состоит в том, что он сумел, виртуозно пользуясь терминологией и понятиями официальной эстетики соцреализма, в то же время сформулировать многие сущностные характеристики творчества Свиридова, которые, надо отдать справедливость, оказались глубоко верными. Автор монографии указал на такие важные составляющие содержания музыки Свиридова, как гражданственность, народность и духовная возвышенность. В монографии названы основные принципы свиридовского стиля: самобытность на народно-песенной основе, слияние музыки с поэтическим словом и естественная простота. В непосредственном и широком, всестороннем возрождении традиций русской классики в условиях современности Сохор видит основу оригинальности Свиридова. Именно он первым ясно и определенно сказал в своей монографии о древнерусском начале в творчестве композитора: «Движение в творчестве вперед для Свиридова — это одновременно и все более глубокое проникновение в корневые пласты национальной культуры, приближение к ее истокам — древнерусскому искусству».¹⁵ Отличительным качеством композитора, по мнению исследователя, является устремленность к положительным ценностям, к провозглашению и воплощению идеала. Монография А. Сохора явилась одним из нескольких этапных трудов о Свиридове, которые рождались на очередном витке биографии композитора.

Первым опытом систематизированного собрания статей о творчестве Свиридова стали два сборника с одинаковым названием «Георгий Свиридов». Первый вышел под общей редакцией Д. Фришмана¹⁶ в 1971 г., второй — под редакцией Р. Леденева¹⁷ в 1979 г. Оба сборника посвящены вопросам творческого метода и стиля композитора. Преимущественное внимание в них уделено проблемно-обобщающим аспектам свиридовского творчества — эстетического и особенно теоретико-стилистического характера. Статьи содержат как анализ общих проблем музыки и стиля Свиридова, так и рассмотрение отдельных его произведений. Авторам представлялось необходимым прежде всего дать материалы по ряду недостаточно разработанных принципиальных проблем. Внимание всех исследователей было сосредоточено в основном на доминирующих в музыке Свиридова вокальных жанрах.

Статьи о композиторе и отдельных его произведениях, обзоры жанрового состава музыки Свиридова содержатся также в сборниках «Советская музыка. Статьи и материалы», «История и современность. Статьи о музыке», «Творчество ленинградских композиторов», «Вопросы теории и эстетики музыки», «Музыка и современность». В них можно найти интересные частные наблюдения и свежие мысли.

Из статей, посвященных отдельным произведениям, наиболее глубокими, исследовательскими являются статьи М. Друскина о вокальных циклах на сти-

---

¹⁵ Там же. С. 297.

¹⁶ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971.

¹⁷ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леднев. М.: Музыка, 1979.

хи А. Исаакяна и Р. Бернса,¹⁸ В. Бобровского¹⁹ о «Курских песнях», К. Саквы²⁰ и Л. Поляковой²¹ о цикле «Петербургские песни».

«Патетической оратории» посвящено огромное количество публикаций, но практически все они являются краткими обзорами и откликами на триумфальное шествие оратории по десяткам городов Советского Союза, где каждый раз ее исполнение становилось не только большим художественным, но и общественным событием. И лишь несколько статей можно отнести к числу научных. Это статьи Ю. Евдокимовой²² и С. Савенко.²³ То же можно сказать и об изучении «Поэмы памяти Сергея Есенина». Укажем лишь на статьи М. Элик²⁴ и Л. Поляковой²⁵ как наиболее значимые в научном отношении.

Структурно-стилистический и идейно-образный анализ кантаты «Деревянная Русь» содержится в статье Д. Фришмана.²⁶ В. Рубин анализирует внутреннюю структуру и сущность маленьких кантат Г. Свиридова — «Деревянная Русь», «Снег идет», «Весенняя кантата».²⁷ Т. Курьшева рассматривает драматургию поэмы «Страна отцов» и на ее же материале довольно бегло касается стилистических черт — ладоинтонационной сферы, гармонии и метrorитмической стороны цикла.²⁸ Хорам из музыки к драме А. Толстого «Царь Федор Иоаннович» посвящена статья Р. Леденева.²⁹

Обращают на себя внимание обобщающие аналитические статьи Л. Поляковой,³⁰ В. Цендровского,³¹ Н. Юденич,³² посвященные изучению отдельных сторон свиридовского стиля. Интересную проблему ставит А. Измайлова, трактующая особенности инструментальной музыки Свиридова в сопоставлении с вокальными произведениями его творчества.³³ Вопросы динамизации строфической формы в вокальной музыке Свиридова рассматривает в своей статье

---

¹⁸ Друскин М. Вокальные циклы Г. Свиридова (на слова А. Исаакяна и Р. Бернса) // Советская музыка. Статьи и материалы. Вып. 1. М.: Советский композитор, 1956. С. 151—161.

¹⁹ Бобровский В. Драгоценная простота // Советская музыка. 1965. № 12. С. 29—33.

²⁰ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леденев. М.: Музыка, 1979.

²¹ Полякова Л. Петербургские песни Г. Свиридова // Советская музыка. 1970. № 5. С. 43—51.

²² Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леденев. М.: Музыка, 1979.

²³ Там же.

²⁴ Элик М. «Поэма памяти Сергея Есенина» Георгия Свиридова. М.: Советский композитор, 1971.

²⁵ Полякова Л. Образ и судьба поэта. (Поэма Г. Свиридова «Памяти С. Есенина») // Советская музыка. 1956. № 8. С. 3—11.

²⁶ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971.

²⁷ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леденев. М.: Музыка, 1979.

²⁸ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971.

²⁹ Леденев Р. Музыка Свиридова в Малом театре // Советская музыка. 1974. № 9. С. 83—86.

³⁰ Полякова Л. Некоторые вопросы творческого стиля Г. Свиридова // Музыка и современность. М.: Музгиз, 1962. Вып. 1.

³¹ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971; Цендровский В. 1) О гармонии Свиридова // Музыка и современность. М.: Музыка, 1967. Вып. 5. С. 118—158; 2) Сонатная форма в инструментальных произведениях Свиридова // Вопросы музыкальной формы. М.: Музыка, 1977. Вып. 3. С. 107—122.

³² Юденич Н. О натурально-ладовой гармонии. Минск: Высшая школа, 1966.

³³ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леденев. М.: Музыка, 1979.

И. Левина.³⁴ Народно-песенные истоки музыкального языка Свиридова освещает И. Земцовский.³⁵

Подробный обзор малоизученных фортепианных произведений Свиридова осуществлен в статье Д. Благого.³⁶ В этой статье автор стремится познакомить нас с некоторыми специфическими особенностями свиридовского фортепианного письма.

В области изучения хоровой музыки обращает на себя внимание статья Ю. Паисова.³⁷ Анализируя хоры *a'capella* 1958—1978 гг., автор статьи предпринял попытку последовательно и подробно проследить этапы творческой эволюции Свиридова в рамках данного жанра. Ценной в научном осмыслении хорового наследия композитора представляется и статья В. Живова,³⁸ дающего последовательный идейно-образный анализ *a'capella*-ных хоров Свиридова с попыткой предварительного обобщения их стилевых черт.

Основные поэтические темы в творчестве Свиридова прослеживаются в статьях Г. Орджоникидзе³⁹ и М. Элик.⁴⁰ В последней статье также подробно рассмотрены особенности музыкально-поэтического синтеза в произведениях Свиридова.

Новые черты в свиридовской музыке 1960-х гг. характеризует в своей статье Л. Полякова.⁴¹ Серьезно осмыслены основные особенности новаторского стиля композитора в статье А. Сохора «Традиции и новаторство в творчестве Свиридова».⁴²

Попыткой живо, достоверно и психологически глубоко, хотя и не всеобъемлюще, представить облик композитора стал сборник «Книга о Свиридове», вышедший в 1983 г.⁴³ Помимо раздела, где изложены суждения о композиторе и его творчестве известных художественных деятелей, во втором, научном, разделе книги помещены развернутые статьи общестетического проблемного характера, принадлежащие музыковедам старшего и молодого поколения. Основное содержание статей — кантатно-ораториальный жанр в творчестве композитора, эстетические принципы художественного мышления Свиридова. Важным представляется раздел «Заметки о новых сочинениях», где в хронологическом порядке помещены отклики музыкальных критиков на произведения Свиридова, созданные и исполненные уже во время работы над сборником. Среди этих сочинений концерт для хора «Пушкинский венок», кантата «Ночные облака», хоры из цикла «Песни безвременья» и хоровая поэма «Ладога». Последний раздел книги содержит статьи и заметки самого Свиридова, посвященные классическому наследию и проблемам современного музыкального творчества.

Кроме вышеуказанных исследований в 1980-е гг. по-прежнему продолжали публиковаться многочисленные статьи, рецензии и аннотации об отдельных

---

³⁴ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Р. Леденев. М.: Музыка, 1979.

³⁸ Георгий Свиридов. Сб. ст. / Сост. Д. Фришман. М.: Музыка, 1971.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Сохор А. Традиции и новаторство в творчестве Свиридова // Вопросы теории и эстетики музыки. Л.: Музыка, 1971. Вып. 10. С. 60—100.

⁴³ Книга о Свиридове. М.: Советский композитор, 1983.

произведениях Свиридова. Написанные в жанре критико-популяризаторских статей, обращенных к слушателю и подготавливающих его к восприятию новых музыкальных произведений, часто превосходящих по объему газетную или журнальную рецензию, они позволяли набросать творческий портрет композитора и дать эскизный анализ его музыки. Заметки о творчестве Свиридова можно было встретить и в ряде брошюр под общим грифом «Молодые композиторы Советского Союза», которые издавал «Советский композитор», в сериях путеводителей, справочников и пояснений. Но все они носят популяризаторский, «ознакомительный» характер, и в лучшем случае только некоторые из них можно отнести к разряду научно-популярных работ, включающих элементы серьезного исследования.

Особого упоминания заслуживает серия популярных монографий, начатая в Ленинграде отделением Музгиза и посвященная почти целиком музыкальным деятелям этого города. В нее вошла вышедшая в 1956 г. брошюра А. Сохора «Г. В. Свиридов».⁴⁴

Началом следующего нового этапа освоения свиридовского творчества стал сборник статей «Музыкальный мир Георгия Свиридова», вышедший в свет в 1990 г.⁴⁵ В нем впервые анализируются произведения, написанные на рубеже 70—80-х гг. и открывающие новую страницу творчества Г. Свиридова, а также произведения малоизученные — поэма «Отчалившая Русь», кантаты «Гимны Родине», «Светлый гость», «Ночные облака», «Песни безвременья» и ряд других. Главная особенность сборника — новый, свободный от прежних идеологических установок, взгляд на эволюционные процессы, которые наблюдались в позднем творчестве композитора. Исследователи фиксируют существенные перемены строя художественного мышления композитора, отмечают, что на первый план выдвигаются духовные «реалии». Все явственнее, по их мнению, проявляется в творчестве Свиридова «второе видение», желание постигнуть насыщенные, «последние» вопросы национального бытия. Отсюда происходит тяготение Свиридова к символу, прорыв в «мифологическое»; с этим связаны особенности его музыкального времени и пространства: темпов, ритмов, интонационного языка, новая организация циклической формы. Значительное место в сборнике уделено эстетике, стилю композитора, специфике его художественного мира, гармонии, оркестровому стилю.

Подводя итоги советского этапа в изучении творчества Свиридова, отметим, что еще при жизни композитора исследователи его творчества отмечали одно противоречие: внешне впечатляющему числу научных опусов о Свиридове и его творчестве, а также обширности высказанных в них идей не соответствовала мера обобщающего научно-эстетического анализа его вклада в отечественную музыкальную культуру. Литература о Свиридове, несмотря на обилие названий, оставалась более направленной «вширь», чем «вглубь». Обстоятельная описательность преобладала над последовательным научно-эстетическим анализом его творчества. Авторы статей не давали специального теоретического анализа, а шли по пути исследования идейно-образного содержания конкретных музыкальных произведений и последовательного хронологического обзора творчества композитора.

---

⁴⁴ Сохор А. Георгий Свиридов. Л.: Музгиз, 1956.

⁴⁵ Музыкальный мир Георгия Свиридова. Сб. ст. М.: Музыка, 1990.

Специальных работ о музыкальном языке Свиридова, о выразительных функциях его самобытно-новаторских средств и приемов, обобщающих трудов о его стиле, как мы видим, насчитывалось не так много.

Коренным образом ситуация изменилась после того, как завершился жизненный и творческий путь композитора. Стал доступен для изучения личный архив композитора, семейный архив Свиридовых в Петербурге, рукописи, хранящиеся в библиотеках и архивах Москвы и Петербурга. Перед исследователями открылись сочинения, в большинстве своем неизвестные не только широкому кругу слушателей, но и тем музыкантам, кто был дружен с композитором. Оказалось, что даже знатокам известна совсем малая часть музыки Свиридова, что творчество его остается в немалой степени загадкой, так как многое из его наследия по разным обстоятельствам при жизни не было опубликовано и исполнено.

Серьезная работа по изучению наследия Свиридова сейчас только началась. Впереди — подробное, тщательное исследование и научное описание всего личного архива, изучение эпистолярного наследия, звукового архива Свиридова, в котором также содержится очень важный материал: Георгий Васильевич записал на аудиокассеты ряд произведений, не зафиксированных на бумаге. Помимо музыки сохранились многочасовые записи бесед, интервью, размышлений вслух Г. В. Свиридова. Предстоит скрупулезный анализ его нотных рукописей, нотных тетрадей. Ведь изрядная часть свиридовской музыки осталась незаконченной. Со смертью автора остались загадкой многие его творческие замыслы и намерения. Некоторые, порой крупные, сочинения представлены в разных вариантах во множестве рукописей. Иногда они записаны частями, фрагментами в разных рукописях, и их еще предстоит собирать воедино. Многие сочинения, которые мы считаем новыми, были написаны композитором давно. Он откладывал их на время, в ряде случаев довольно длительное.

И тем не менее уже за последнее десятилетие многое удалось сделать. Ярким и мощным событием в литературно-художественной жизни стало появление книги «Музыка как судьба»,⁴⁶ содержащей многочисленные записи мыслей композитора, которые велись им постоянно, примерно с середины 1960-х гг. и до конца жизни. Мысли эти не только отражают сложные и напряженные внутренние искания автора, в них также глубоко представлена духовная жизнь эпохи. Главное в книге — взгляды на жизнь, на судьбы Отечества, размышления композитора о назначении искусства, о современном художественном процессе, оценки творчества разных композиторов. Сквозь призму этих взглядов становится понятнее само творчество Свиридова, его художественная позиция. В книге мы можем познакомиться с творческими планами и идеями композитора, в ней показаны разные этапы его жизненного пути. Наконец, это драгоценный документ XX в., одно из редких правдивых свидетельств очевидца эпохи грандиозных катаклизмов и перемен в исторической судьбе России.

В 2006 г. вышла книга «Георгий Свиридов в воспоминаниях современников».⁴⁷ Фактически это первая немусыковедческая книга, рисующая живой облик композитора; биография, составленная теми, кому посчастливилось лично знать Свиридова и творчески работать с ним. Многие факты и события жизни Свиридова раскрываются здесь впервые. Ценность этих воспоминаний еще и в том, что авторы почти дословно воспроизводят интересные высказывания

---

⁴⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002.

⁴⁷ Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. М.: Молодая гвардия, 2006.

и суждения самого Г. В. Свиридова, которые они в свое время записали либо воспроизводят по памяти. Впервые публикуются письма композитора к первой жене и сыну, предоставленные А. Л. Свиридовой.

В 2001 г. вышел и первый нотографический справочник,⁴⁸ охватывающий полный круг сочинений композитора. Цель составителя справочника А. С. Белоненко — дать наиболее достоверное представление о композиторском наследии Свиридова и его творческом пути. В том же году А. С. Белоненко было положено начало изданию «Первого полного собрания сочинений» Г. В. Свиридова в тридцати томах,⁴⁹ которое должно вместить в себя практически все из наиболее ценного, что было создано композитором и зафиксировано им на бумаге или в аудиозаписях. Данное собрание сочинений представляет огромную ценность для практиков и теоретиков русской музыки, поскольку помимо неоднократно издававшихся произведений, получивших широчайшее распространение и всеобщее признание, в него намечено включить большое число сочинений композитора, ранее никогда не издававшихся. Эти сочинения должны составить едва ли не половину всего издания — около 14 томов. Каждый том будет сопровождаться обстоятельной исследовательской статьей редактора тома или исследователя-публикатора, источниковедческими, музыкально-текстологическими комментариями и исполнительскими примечаниями.

В 2005 г. по случаю юбилейной даты — 90-летия со дня рождения композитора — в России и за рубежом прошли концерты, научные конференции, были опубликованы книги и статьи, сняты телефильмы и телепередачи.

Центральным событием юбилейного года стал музыкальный фестиваль «Всероссийские хоровые ассамблеи», посвященный главным образом хоровому творчеству Г. В. Свиридова и проходивший в 13 областях России в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2001—2005 гг.».⁵⁰ В рамках фестиваля прошло шесть научно-практических конференций, посвященных разным сторонам творчества, музыкального и литературного наследия композитора. К участию в конференциях были привлечены музыковеды, историки, философы, литературоведы и эстетики, руководители и ведущие специалисты литературных и музыкальных музеев, деятели хоровой культуры. Состоялись круглые столы, посвященные духовному началу в хоровых произведениях Г. В. Свиридова и наследию Свиридова в контексте современной мировой музыкальной культуры, а также круглый стол по вопросам хорового исполнительства. 90-летию со дня рождения композитора была посвящена научная конференция «Георгий Свиридов и русская художественная культура XX века», материалы которой вошли в опубликованный сборник статей.⁵¹ Личность и творчество Свиридова представлены в нем в междисциплинарном поле. Многогранность деятельности композитора, публичной и внутренней, раскрывшейся со страниц свиридовских дневников, определила разноплановые интересы ученых к жизненному и творческому наследию композитора.

⁴⁸ Георгий Свиридов. Полный список произведений: Нотографический справочник. М.; СПб.: Национальный Свиридовский фонд, 2001.

⁴⁹ *Георгий Свиридов. Полное собрание сочинений. Т. 21: Песнопения и молитвы /* Общая науч. ред. А. С. Белоненко. М.; СПб.: Национальный Свиридовский фонд, 2001.

⁵⁰ Всероссийские хоровые ассамблеи: К 90-летию со дня рождения Г. В. Свиридова. Буклет. СПб.: Свиридовский институт, 2005.

⁵¹ Георгий Свиридов и русская художественная культура XX века. Свиридовские чтения: Сб. научных материалов. Петрозаводск, 2006.

В диапазон исследований включены аспекты, связанные не только с музыкальной поэтикой, но и с философскими взглядами Свиридова, его отношением к основам национального менталитета и корням отечественной культуры, к поиску духовно близких ему мыслителей, художников, исполнителей. В центре интересов современных ученых — изучение творчества Свиридова как музыкального и культурного феномена современной России. В сборник вошли статьи авторитетных отечественных исследователей, в том числе лично знавших Г. В. Свиридова, а также молодых талантливых ученых. В этих статьях Свиридов предстает «причастным к судьбам многих своих гениальных соплеменников, мудрым хранителем, реставратором и продолжателем традиций, в первую очередь — русской культуры».⁵²

Очень важно, чтобы к творчеству Свиридова сейчас приходили молодые исследователи со своим современным слуховым опытом, знанием жизни, с новыми наблюдениями и идеями. С 1998 г. эту задачу стал решать Курский музыкальный колледж им. Г. В. Свиридова, ставший инициатором проведения «Свиридовских чтений» (научно-практических конференций). В конференциях принимают участие студенты музыкальных колледжей и училищ, а также студенты, аспиранты и преподаватели вузов России и ближнего зарубежья. Перечислим лишь некоторые предложенные на обсуждение темы: «Музыка Свиридова в контексте эстетических и духовных традиций русской культуры»; «Эстетические взгляды Свиридова в свете русской духовной мысли»; «Православие и духовность в творчестве Г. Свиридова»; «Г. Свиридов и В. Гаврилин»; «Г. Свиридов и С. Есенин»; «Г. Свиридов и А. Блок»; «Фольклорные истоки и особенности претворения фольклора в музыке Г. Свиридова»; «Особенности музыкального языка Г. Свиридова»; «Проблемы исполнительской интерпретации музыки Г. Свиридова»; «Портреты курских деятелей культуры XX века (Г. Свиридов, К. Воробьев, Е. Носов, А. Дейнека)».

Осознанию значимости последнего сочинения Г. В. Свиридова — «Песнопения и молитвы» — была посвящена открытая Всероссийская научная конференция «„Песнопения и молитвы“ Георгия Свиридова в контексте современной духовной культуры России», проходившая в Курске в 2003 г.⁵³ «Песнопения и молитвы» — последнее сочинение композитора, сочинение-завещание, высвечивающее главное в его наследии. Это произведение еще не имеет устоявшейся оценки, неоднозначно воспринимается как современными СМИ, так и богословами, философами, музыковедами. Ученые из Москвы, Санкт-Петербурга и Курска приняли участие в обсуждении наиболее острых проблемных вопросов, связанных с духовностью России и сочинением Свиридова, с судьбой и будущим России. Материалы конференции содержат многоаспектный анализ духовного наследия композитора, кульминацией которого является его итоговое произведение. Доклады были представлены в рамках обсуждения проблем современного бытования духовной музыки и исполнения композиторских произведений в православном церковном обиходе. Остро был поставлен вопрос о дальнейшей жизни творческого наследия Г. В. Свиридова.

---

⁵² Там же. С. 6.

⁵³ Музыка во времени и пространстве: памяти Г. В. Свиридова. «Песнопения и молитвы» Георгия Свиридова в контексте современной духовной культуры России: Материалы открытой Всероссийской научной конференции. Курск, 2007.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что появившиеся новые биографические факты и фотодаточеские данные, книги «Музыка как судьба» и «Георгий Свиридов в воспоминаниях современников», раскрывшие творчество и личность композитора в более широких измерениях, а также состоявшиеся в последнее время премьеры некоторых произведений композитора и посвященные его музыкальному наследию научные конференции позволяют представить истинный масштаб его личности и творчества, глубже понять их многогранность, увидеть новые связи и закономерности, более точно и объективно судить о его вкладе не только в русскую, но и мировую культуру. Поэтому первостепенной задачей для современных исследователей является определение значения творчества Г. Свиридова в общемировом художественно-музыкальном процессе. На очереди и ряд других важнейших и насущных вопросов.

Предстоящий исследовательский труд необозрим, как необозримо творческое, духовное наследие композитора, ставшее национальным достоянием России и вошедшее в сокровищницу общечеловеческой культуры.

IV. К 300-ЛЕТИЮ М. В. ЛОМОНОСОВА

Н. Н. КАЗАНСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА. О ХОДЕ РАБОТЫ

Словарь языка М. В. Ломоносова выходит в год 300-летнего юбилея этого замечательно разностороннего ученого и человека, поразительно много сделавшего для развития русской культуры. Многогранность личности Ломоносова как теоретика и экспериментатора в области точных наук, одного из крупнейших русских поэтов и талантливого художника требует от составителей словаря определенной осведомленности в бесконечном разнообразии предметных сфер, от космогонии, физики, химии, геологии до грамматики и риторики. При этом Ломоносов чрезвычайно много сделал для русской культуры и как общественный деятель. По его инициативе и при его активном участии был основан Московский университет. Его вклад в деятельность Петербургской Академии наук до сих пор оценен далеко не в полной мере. Между тем переход к глубинному усвоению западноевропейской культуры и научной мысли во многом произошел благодаря Ломоносову, который получил блестящее традиционное образование в Славяно-греко-латинской академии в Москве и расширил его во время длительной командировки в Германию, где у Ломоносова была возможность слушать лекции в лучших университетах и получить практические навыки во многих областях знаний.

Как это было принято в Германии XVIII в., лекции читались на немецком языке и по-латыни. Ломоносов владел латинским языком замечательно тонко. Правильный, изящный, риторически взвешенный, без излишних украшений и всегда предельно точный, его латинский язык совмещал в себе лучшие традиции торжественного красноречия и образцов научной прозы, с которыми он не только познакомился, но и был приобщен к деятельному развитию этого жанра во время своего пребывания в Германии. Немецкий для Ломоносова был языком и научного, и бытового общения (совершенно очевидно, что с немецкими мастерами на серебряных рудниках Ломоносов обсуждал детали производства не по-латыни).

Перед составителями Словаря, охватывающего все особенности языка Ломоносова и учитывающего все дошедшие до нас тексты, стояла непростая задача выбора. Изданное к 250-летию юбилею полное собрание сочинений не включало целый ряд переводов, выполненных Ломоносовым (но они есть в собрании сочинений, подготовленном М. И. Сухомлиновым). Сохранившиеся черновые бумаги Ломоносова показывают, что при осмыслении предмета Ломоносов

переходил иногда с языка на язык. Именно в связи с этим было решено словарь Ломоносова делать трехязычным.

Решение Президиума РАН 2003 г. о создании группы по изучению языка М. В. Ломоносова (руководитель канд. филол. наук С. Св. Волков) позволило развернуть исследование в данном направлении, поместить все изданные к настоящему времени подлинные тексты Ломоносова в единый корпус и создать на его основе лемматизированный конкорданс, послуживший основой для словника словаря. Такая работа стала возможной благодаря активному участию молодых исследователей из СПбГУ и МГУ: студенты кафедры классической филологии МГУ активно подключились под руководством д-ра филол. наук А. И. Солопова к работе над латинскими текстами. Одновременно с этим шла работа по выработке новой по содержанию словарной статьи, которая должна включать русское заголовочное слово, частотность его употребления в текстах Ломоносова, перечень грамматических форм, а также полное семантическое описание не только русского текста, но и немецкого, и латинского. Информация, связанная с русским языком Ломоносова, должна включать по возможности место ударения, а также элементы фразовой интонации, восстанавливаемой на основании метрических особенностей текста.

Эти задачи были успешно выполнены благодаря публикации в серии «Материалы к словарю Ломоносова» двух выпусков, посвященных метрико-строфическому анализу текстов Ломоносова (д-р филол. наук Е. В. Хворостьянова, канд. филол. наук О. С. Лалетина), а также словаря рифм (д-р филол. наук Е. В. Хворостьянова, канд. филол. наук Е. М. Матвеев). Следует специально подчеркнуть, что это первый словарь рифм для поэзии XVIII в.

В настоящее время подготовлен также выпуск материалов к словарю Ломоносова, посвященный минералогии, и отдельный том, представляющий собой словарь немецкого языка Ломоносова (д-р филол. наук К. А. Филиппов, канд. филол. наук К. В. Манерова). Выпуск минералогического тома позволил на практике осуществить совмещение в пределах одной словарной статьи нескольких языковых примеров. При этом выяснилось, что классификации, которым следовал Ломоносов, не соответствуют принятым в современной минералогии. Оказалось, что словарную статью необходимо расширить еще одним толкованием, напрямую не связанным с текстом Ломоносова, но показывающим современное положение дел.

Проведенные подготовительные исследования позволили приступить к составлению словаря, первый том которого планируется выпустить в сентябре 2011 г. В работе над словарем приняли участие ученые из следующих учреждений:

Институт лингвистических исследований РАН.
Кафедра классической филологии филологического факультета МГУ.
Кафедра русской литературы филологического факультета СПбГУ.
Кафедра немецкой филологии филологического факультета СПбГУ.
Кафедра минералогии геологического факультета СПбГУ.
Музей минералогии им. А. Е. Ферсмана РАН.
Отдел редкой книги Библиотеки Академии наук.

Дальнейшие работы по изучению отдельных произведений Ломоносова (грамматика, риторика, химия, физика и др.), а также работа над следующими томами словаря потребуют привлечения широкого круга специалистов и увеличения числа участников проекта.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
(проект)

Словарь языка Ломоносова.
О ходе работы

Заслушав и обсудив доклад главного редактора трехязычного «Словаря языка М. В. Ломоносова» директора Института лингвистических исследований РАН академика Н. Н. Казанского о ходе работы над словарем, Бюро Отделения историко-филологических наук РАН отмечает своевременность реализации проекта к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН отмечает высокое научное качество готовящегося издания, а также важность объединения в работе над проектом научных учреждений РАН и подразделений вузов. Особую важность приобретает подготовка молодых специалистов в рамках указанной широкой проблематики. Особого внимания заслуживает продолжение работ над отдельными аспектами языка Ломоносова, в частности публикация материалов по минералогии, стиховедению, грамматике и др.

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН постановляет:

1. Одобрить и высоко оценить работу временного творческого коллектива (на правах отдела) ИЛИ РАН «Словарь языка Ломоносова» (руководитель С. Св. Волков).
2. Ускорить публикацию очередных томов «Материалов к словарю Ломоносова».
3. Учитывая важность исследования языка и текстов М. В. Ломоносова, рекомендовать коллективу ИЛИ РАН ознакомить с результатами этой работы широкую общественность путем публикаций в СМИ и организации презентаций отдельных выпусков для школьных учителей.
4. Принимая во внимание большой объем предстоящих исследований, просить Президиум РАН о выделении дополнительных 5 ставок для молодых исследователей.

Н. И. НИКОЛАЕВ

НАУКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Совершенно очевидно, что пietet в отношении знания, науки и просвещения формировался в русском культурном пространстве задолго до М. В. Ломоносова. В некотором смысле Ломоносов и есть результат (продукт) этих общенациональных процессов, устремлений. И поэтому бытующие утверждения о его абсолютном первенстве в истории отечественной науки — не более как один из многочисленных мифов, связанных с именем великого русского ученого.¹ Хотя, как и всякий миф, он несет в себе вполне правомерные представления о какой-то высшей реальности, не укладываемой однозначно в поверхностный фактологический ряд.

Почти за два десятилетия до ломоносовской оды 1747 г. «На день восшествия Елизаветы Петровны...», так уверенно и блестяще утвердившей тему науки в русской литературе, вопрос о «пользе наук» прозвучал в знаменитой сатире первой А. Д. Кантемира «На хулящих учение. К уму своему». Ее завершающие строки, обращенные «к уму своему», звучат так:

...Молчи уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук...²

И этот призыв к «тайному веселению» себя дарами «милости всеблагой» помимо очевидного упрека современности, неспособной его разделить, несет в себе действительное переживание, потаенное знание о радости, которую дают науки безотносительно к их практической пользе. Польза от наук не прямолинейно практическая, и поэтому о ней можно «рассуждать в себе».

---

¹ См. подробнее о «Ломоносовских мифах»: *Николаев Н. И.* Мифы о М. В. Ломоносове и мотивы его поступка (к вопросу о построении биографии русского ученого) // М. В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 31—34.

² Русская поэзия XVIII века. М., 1972. С. 69.

Несколько выше, осуждая господствующее в современности невежество, А. Д. Кантемир с горечью произнесет:

Мало любят, чуть не все, истину украсу.³

Комментарии, которые автор представит к этой строке, удивительным образом уточняют ее содержание: «Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно. Невежество голо и срамно».⁴ От практической нацеленности науки в мир в такой ее интерпретации не остается ровным счетом ничего, напротив, невежество «голо и срамно» именно потому, что в нем очевидна неприкрытая прагматика, желание достижения успеха в мире любой ценой. Наука в этом смысле целомудренна, в ней эти сугубо прагматические примитивные устремления не обнажены.

Не случайно «хулители наук» в сатире А. Д. Кантемира выдвигают преимущественно аргументы, подтверждающие их практическую беспомощность, ненацеленность на повседневную жизнь, отвлеченность. А автор, защищающий науку, даже не пытается кого бы то ни было в этом разубедить. Его наука исключительно книжная, из нее невозможно извлечь немедленного экономического эффекта, удовлетворить практические сиюминутные нужды. Ее должно любить, и истинные умы к ней притягивает ее красота («истинна украса»).

Такое отношение к науке как источнику уединенного наслаждения подчеркивает ее функциональность, превращает, скорее, в средство достижения эстетического удовольствия. А ученые — это каста людей, подготовленных к такому уединенному наслаждению в пределах своего частного бытия, вне публичного пространства и примитивных ценностных установок публичного мира.

Подобного рода отношение к просвещению и научному знанию могло родиться в эпоху обозначившейся дифференциации (разделения) частного и публичного пространства. В русском историческом процессе — это несомненно время петровских преобразований,⁵ время, когда жизненный успех, исключительная составляющая публичного мира, обретает в среде реформаторов и их сторонников статус высшей ценности человеческого бытия.

А. Д. Кантемир формировался в атмосфере ценностных установок позднего периода эпохи петровских преобразований. К ранней ее фазе принадлежит, например, Стефан Яворский, который в форме элегии прощается перед смертью со своей библиотекой:

Книги, мною многажды носимы, грядите,
свет очию моею, от мене идите!
.....
Паче меда и сота вы мне сладши бесте,
с вами жить сладко беше, горе, яко несте.
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
вы рай, любви радость и сладость колика.⁶

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ См. об этом в кн.: *Николаев Н. И.* Русский литературный герой в контексте этических исканий XVIII—XIX веков. Ч. I : Архитектоника мира поступка русского литературного героя первой трети XVIII века. Архангельск: Солти, 2009.

⁶ Цит. по изд.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 171.

Это одно из наиболее ранних в русской поэзии выражений того интеллектуального наслаждения, которое приносит общение с книгой, знание, «наука». Зримый образ питающего (пользующего) и тем самым услаждающего знания («паче меда и сота») у Стефана Яворского очевидно расходится с представлением о какой-либо практической пользе.

Есть еще одна особенность, характеризующая знание, приверженцем которого является Стефан Яворский и его интеллектуальное окружение. Оно по природе своей *не публично*, предполагает уединенную беседу с книгой, нацелено на формирование «внутреннего человека». Для Кариона Истомина, так же как «внешний человек пищамя питающся в совершение и меры возраст успеваеи и от силы в силу приходит, тако и внутренний человек словесы веры и... учений пиществуя...».⁷ Из этого вовсе не следует, что плоды наук никак не сказываются в публичном пространстве, не влияют на публичный статус ученого человека. Как раз последнее весьма актуально для поборников такой науки. У Стефана Яворского в уже цитируемой элегии читаем:

Вы мене прославили, вы мене просветили,
вы мне у лиц высоких милость приобрели.⁸

Однако непосредственным, публично значимым «продуктом» науки в этой версии является сам ученый, носитель истины. Процесс познания, процесс его становления протекает в кабинетной тиши, во «внутренней клетке».⁹

Впрочем, в Петровскую эпоху рождается и иное представление о науке, тоже определенное процессом дифференциации частного и публичного пространства. В этой версии наука превращалась в инструмент достижения жизненного успеха и становилась исключительно атрибутом публичного пространства. Доказательством тому служит одно из первых учрежденных Петром Великим в России структурных подразделений будущей Академии наук — Кунсткамера. Концептуальная особенность музейного собрания Кунсткамеры — все редкое, неожиданное, выпадающее из ряда привычного и нормального.

Одна из несомненных публичных функций Кунсткамеры — преодоление страха перед непредсказуемостью случайного, объясняемого ранее как продукт дьявольского действия. Именно в силу этих причин «Петр отверг предложение генерал-прокурора Сената С. П. Ягужинского, который советовал назначить плату за посещение Кунсткамеры. Петр не только сделал музей бесплатным, но и выделил деньги для угощения тех, кто сумеет преодолеть страх перед „страшилищами“. Шумахеру отпускалось на это четыреста рублей в год. Угощение посетителей Кунсткамеры продолжалось и в царствование Екатерины I и Анны Иоанновны. Так реформатор приучал традиционную аудиторию к новизне, к ритетам, к небывалым вещам».¹⁰

---

⁷ Цит. по: *Браиловский С. Н.* Один из пестрых XVII столетия: Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902. С. 470. (Зап. Имп. Академии наук. Т. 5).

⁸ Цит. по: *Панченко А. М.* Русская культура... С. 171.

⁹ Формула, предложенная современником петровских преобразований Димитрием Ростовским в его богословских трудах. «Внутренняя клетка», по Димитрию Ростовскому, — «духовная же клетка — сердце, или ум, или мысль тайная» (Сочинения Святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1827. Т. 1. С. 149).

¹⁰ *Панченко А. М.* Русская культура... С. 190—191.

В концепции мира, утверждающей приоритет случайного, случая, нет места закономерности, нет сколь-нибудь очевидных мотивов для ее поиска. В этих условиях познание как процесс становится простым наращиванием фактического материала, лишь формально упорядоченного, систематизированного по отраслям, рубрикам. Любая коллекция, музейное собрание (в том числе и Кунсткамера) в этом контексте становились не только демонстрацией такого знания, но и его в полной мере исчерпывающей моделью.

Одной из задач первого путешествия по Европе Петра I и было расширение представлений о мире, сопровождающееся составлением важной для практической жизни России «коллекции» (в широком смысле слова включая представителей небывалых для нее редких профессий). «...Члены Великого посольства из всех сил разыскивали и нанимали для службы в России специалистов по флоту, производству вооружений, медицине и др. Всего удалось набрать более 800 человек — голландских, английских, немецких, венецианских, греческих офицеров, матросов, инженеров, врачей и пр. В Россию отправили несколько десятков тысяч ружей новых марок, всякие военные материалы, морские приспособления».¹¹ Заметим, что именно с этого времени и одновременно с этим Петр I начинает собирать редкости будущей коллекции Кунсткамеры. Все это события по сути одного порядка.

Стремительное, агрессивное наращивание практически значимого знания путем его беспрецедентного для русской истории коллекционирования — одна из примет стиля Петровской эпохи.

Представление о науке как об инструменте достижения жизненного успеха характерно для среды приглашенных ученых созданной волей Петра Академии наук. Именно эта среда принесла с собой одические традиции, с которыми несомненно связана знаменитая «елизаветинская» ода М. В. Ломоносова.

Ода 1747 года примыкает, как это убедительно доказал Л. В. Пумпянский,¹² к традиции немецких од (в том числе петербургских академических немцев), для которых был характерен индустриально-экономический пафос («экономические оды» в терминологии Л. В. Пумпянского). Тезис о достаточно больших ресурсах, как природных (традиционный мотив такой оды), так и человеческих (у Ломоносова), логично вписывается в канву этих рассуждений и подтверждает возможность стремительного научно-индустриального роста страны. Ломоносовское ожидание «собственных Платонов и Невтонов» в этом смысле ничем не отличается от «собственного Нила» («Там Лена чистой быстриной, // Как Нил народы напояет...») и собственных «индийских сокровищ» («Тогда сокровища открыл, // Какими хвалится Индия...»). Все вместе в ряду прочего они и составляют условия индустриально-экономического всплеска, цивилизационного прорыва некогда дремлющей страны.

Что же касается «наук», то они тоже в ломоносовской версии являются в Россию извне:

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему Монарху говоря:

¹¹ Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 41.

¹² Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 3—44.

«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в Российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает
Полезны видеть их труды.

(200)

По наблюдениям Л. В. Пумпянского, все это восходит к весьма распространенному в европейской классицистической поэзии мифу о странствующих Музах, «мифу о странствующем едином Разуме».¹³ Он задолго до Ломоносова «прижился» в русском литературном пространстве, и его активно использовали немецкие поэты петербургской академической среды, например Юнкер в своей широко известной среди современников оде 1742 года, переведенной Ломоносовым, или еще ранее в оде 1733 года, обращенной к Кайзерлингу, новому президенту Академии: «Рим стал Римом благодаря искусству, и никогда не стоял так высоко, как когда они бежали от греков и там избрали себе местопребывание. Свершилось, по воле небес, реченное великим Петром — Станет отныне их дальнейшей обителью северное царство Анны».¹⁴

Ломоносовская ода 1747 года по своим смысловым параметрам почти полностью укладывается в концепцию, господствующую в одическом творчестве петербургской академической среды его времени, которую Л. В. Пумпянский точно выразил в названии раздела своей статьи: «Экономизм и приглашенные музы».¹⁵ Пафос возможности индустриально-экономического взлета страны согласно этой концепции оправдывал «приглашение Муз» в Россию, расцвет наук, способных принести неопределимую пользу России.

Однако в ломоносовской оде 1747 года, есть один фрагмент, не укладывающийся однозначно в эту концепцию. Это, пожалуй, самые цитируемые ее строки, обретшие вследствие этого в русском культурном пространстве самостоятельную (отдельную от целого текста оды) жизнь. И может быть, именно поэтому до сих пор не обратившие внимания на их диссонирующие смысловые оттенки на фоне всего текста произведения:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

(206—207)

О какой пользе наук говорит здесь Ломоносов? Очевидно, что это какая-то иная польза, не объяснимая индустриально-экономическим процветанием

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Цит. в переводе В. Л. Пумпянского. См.: *Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума*. С. 34.

¹⁵ Там же.

России. Здесь совершенно иной пафос. Эта польза переживается посреди будничной, повседневной жизни: домашней, городской, уединенной и публичной, в разные возрастные периоды. В ней что-то сакральное, она нисходит как благодать посреди суеты. По своей природе и по своему смысловому наполнению это какая-то совсем другая польза, нежели та, в которой чуть ранее убеждал царствующую императрицу и ее подданных М. В. Ломоносов.

И напрасно Л. В. Пумпянский пытался объяснить появление этих строк исключительно ранним увлечением Ломоносова поэзией Гюнтера (ода «An die Frau von Bresslerin»).¹⁶ Даже если предположить сходство мотивов, остаются необъяснимыми те смысловые оттенки, которые появляются у Ломоносова в контексте его оды в целом. И предысторию этих «смыслов», на наш взгляд, следует искать не только в немецкой поэзии, но и в русской культурной традиции, предшествующей появлению М. В. Ломоносова.

«Гимн науке», помещенный в конце оды 1747 года, науке «питающей, пользующей, улаждающей» человека любого возраста, отстраняющей его от мирской суеты («Среди народов и в пустыне, // В градском шуме и наедине»), не зависящей от обстоятельств переменчивой жизни («счастливой» и «несчастной»), «домашней» и «в дальних странствах»), обнаруживает в нем представления, сложившиеся в русской поэтической среде конца XVII—начала XVIII столетия и вполне естественные для выпускника Славяно-греко-латинской академии, воспитанного на образцах этой поэтической школы. Например, у Кариона Истомина в завершающей строфе его «Домостроя» находим:

Наук изрядством Карион дети все дарит,
в приятность иеромонах и старым говорит...¹⁷

Сопоставим с одой 1747 года:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают...
(206)

Однако в ломоносовской оде этот «гимн науке» встроен в совершенно чуждый ей по меркам духовной силлабической поэзии контекст. Индустриально-экономический пафос, установка на непререкаемый практический результат и публично значимый успех («Дерзайте ныне ободренны // Раченьем вашим *показать...*») совершенно невозможны, недопустимы в среде литераторов-просветителей первой трети XVIII в. от Стефана Яворского до А. Д. Кантемира. Их наука — исключительное достояние уединенной жизни, протекающей «во внутренней клети», ценной самой по себе и без связи с практическими запросами жизни внешней. У А. Д. Кантемира примитивный практицизм — удел «хулителей наук».

Несомненно, в оде 1747 года непринужденное соединение в одном тексте двух концепций пользы, проистекающей от науки (практической, получившей выражение в индустриально-экономическом пафосе, и духовной, эстетической, утверждаемой в тексте оды в предпоследней строфе, в «гимне науке»), обусловле-

¹⁶ Там же. С. 10; см. также: *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 129—130.

¹⁷ Цит. по кн.: Карион Истомин. Книга любви зрак в честен брак. М., 1989. С. 64.

но принципиальной корректировкой картины мира в сознании М. В. Ломоносова на фоне представлений его предшественников в русской культуре.

Для одних из его предшественников наука была инструментом достижения практически значимых результатов, для других она превращалась в средство достижения наслаждения. И только у Ломоносова нет этого функционального подхода к науке. Для него она целый мир, в котором протекает полноценная и многогранная жизнь познающего человека, мир, в котором совершается внутренне выстраданный и публично значимый поступок ученого.

В августе 1750 г. М. В. Ломоносов пишет свое известное поэтическое послание И. И. Шувалову — «Письмо его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову». Вот строки из него, довольно часто мелькающие в исследованиях творчества поэта:

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ищу.

(290)

Стихи эти часто трактуются в плане очень личных переживаний утомленного работой Ломоносова, вынужденного жертвовать радостью непосредственного общения с миром, с природой, замкнутого в стенах лабораторий. Это кажется справедливым, тем более что перед приведенными строками помещено необыкновенно пышное описание красот лета. На самом деле это не совсем точная характеристика ломоносовского замысла. Это стихи не только и не столько о тяготе трудов ученого, томящегося в плену лабораторий, сколько о его совершенно особой, неповторимой позиции в мире. Для Ломоносова его научная работа и кабинетная замкнутость никогда не становились томящим пленом, а истинная радость обреталась именно в этой сфере бытия. Отрешенность от непосредственных радостей мира есть одновременно обретение их, но уже не на случайной и временной основе, а на постоянной и в наивысшей степени. И это отчетливо видно уже в следующих после приведенных нами строках:

Однако лето мне с весною возвратится,
Я оной красотой и в зиму наслажусь...

(290)

Уникальная позиция ученого в мире — одно из несомненных и наиболее значимых открытий Ломоносова в русской культуре эпохи. Через себя и в себе он соединяет случайное и предустановленное, явленное и законоположенное. Эта осознанная им единственность и неповторимость места в мире и определила смысл поступка ученого, помогла найти его этические мотивы, основания.

А. Н. ДАВЫДОВ

**СВЯЩЕННИК о. АРКАДИЙ (ГРАНДИЛЕВСКИЙ) —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОДИНЫ М. В. ЛОМОНОСОВА**

Автору статьи уже приходилось обращаться к творчеству А. Н. Грандилевского. Это было связано с введением в научный оборот части рукописного наследия о. Аркадия.¹ Здесь я остановлюсь подробнее на основных вехах научной биографии о. Аркадия (Грандилевского), священника, представителя сельской интеллигенции, вклад которой в этнографическое изучение Русского Севера в XIX—начале XX в. трудно переоценить.

**Семейная традиция.
Сельский священник: просветитель и исследователь**

Для многих священников выбор профессии определялся семейной традицией. Особое положение в среде духовенства занимали сельские священники, выступавшие проводниками грамотности среди крестьян. В то же время сам образ жизни священника в селе, расположенном на берегу студеного моря или за-

---

¹ *Давыдов А. Н.* Материалы к этнографии русского населения низовьев Северной Двины в одной из ранних рукописей А. Н. Грандилевского // *Археология и археография Беломорья. Сб. научных статей.* Архангельск, 1984. С. 142—161; *Давыдов А. Н., Кошелева Г. М.* Малоизвестная рукопись А. Н. Грандилевского о родине М. В. Ломоносова из Архангельской областной научной библиотеки // *М. В. Ломоносов и Север. Тезисы доклада Всесоюзной конференции.* Архангельск, 1986. С. 185—188; *Давыдов А. Н.* 1) Грандилевский Аркадий Никандрович // *Поморская энциклопедия.* Архангельск, 2001. Т. I. С. 132; 2) Аркадий Никандрович Грандилевский и его рукопись о родине Ломоносова, хранящаяся в собрании Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова // *Грандилевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого.* Архангельск, 2008. С. 5—43; 3) *Исследователь родины Ломоносова А. Н. Грандилевский и его рукописное наследие в собраниях Русского географического общества и Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Сб. статей / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова.* Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 40—60.

терявшемся в океане северной тайги, теснейшим образом связывал его с жизнью и бытом местного населения, определял степень «погруженности» в этнографическую среду. Поэтому не случайно ставшие классикой издания П. С. Ефименко по этнографии русского населения Архангельской губернии были основаны на публикации сообщений корреспондентов, большинство из которых были сельскими священниками. Одним из ярких примеров сельского священника на Севере, не только носителя Слова Божьего, но также просветителя и исследователя — этнографа, историка, филолога, явился и о. Аркадий.

Аркадий Грандилевский родился 26 января (7 февраля по н. с.) 1875 г.² В семье Никандра и Елизаветы Грандилевских ко времени рождения Аркадия было уже двое детей: дочь Клавдия и старший сын Павел. Через три года после рождения Аркадия в семье появился самый младший сын — Александр.³ Отец Аркадия, Никандр Никитович Грандилевский, к тому времени уже 20 лет служил благочинным в Емецком приходе Холмогорского уезда Архангельской губернии, он также состоял наставником и законоучителем Емецкого сельского училища. Был известен и как краевед-исследователь. С 1864 г. Н. Н. Грандилевский — действительный член Архангельского губернского статистического комитета, автор статьи «О движении народонаселения по Емецкому приходу за 10 лет, с 1854—1863 г.»⁴ Рукопись Н. Н. Грандилевского с описанием Емецкого прихода была использована в приходе священником Смирновым в «Кратком описании приходов и церквей Архангельской епархии».⁵

Сразу отметим, что биографии обоих Грандилевских — и отца Никандра Никитовича, и сына Аркадия Никандровича — служат ярким подтверждением слов М. В. Ломоносова: «Святейшего Синода и всего духовенства не одна только должность, чтобы Богу молиться, но и обучать страху Божию и честным нравам словом и примером, а особливо молодых людей».⁶

Место рождения Аркадия Никандровича Грандилевского — село Емецкое Холмогорского уезда Архангельской губернии, самой большой по площади и самой слабозаселенной губернии Европейской России. Каменный двухэтажный Емецкий собор состоял из церкви Богоявления Господня (нижний этаж) и церкви Покрова Божьей Матери (верхний этаж), его постройка была начата в конце XVIII в. Недалеко от собора («в 15 саженьях») была выстроена в 1823 г. трехъярусная колокольня, которую впоследствии соединили переходом с храмом. Это была одна из самых высоких колоколен в епархии (28 саженьей). Среди жителей Архангельской губернии даже было распространено выражение «Посылаю поклон с емецкую колокольню». В состав Емецкого прихода в конце XIX в. входило 25 деревень, это был один из самых больших сельских приходов губернии.⁷

² Все остальные даты в статье указаны по старому стилю.

³ В «Справочном листке о протоиерее Никандре Никитине Грандилевском» за 1900 г. в графе «Семейное положение» указано: «Женат на Елизавете Павловой 62 л. Имеет детей: Павла 37 л., Аркадия 25 л., Александра 22 л., Клавдию 40 л.» (ГААО. Ф. 29. Оп. 34. Д. 114. Л. 1 об.).

⁴ Грандилевский Н. О движении народонаселения по Емецкому приходу за 10 лет, с 1854—1863 г. // Архангельские губернские ведомости. 1866. № 20—24.

⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. С. 335—342.

⁶ Ломоносов М. В. Примечания [об обязанностях духовенства] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 6. С. 405.

⁷ Краткое историческое описание приходов... Вып. 1. С. 335—336.

Емецк (село Емецкое) — одно из самых старых поселений в Архангельской губернии. Первые упоминания о нем относятся еще к XII в. — в грамотах Михайло-Архангельского монастыря и Уставе новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.).⁸ Старина Емецка позволила сохранить богатую фольклорную среду, которая, как и пример отца, не могла не оказать влияния на формирование краеведческих интересов Аркадия Никандровича. К теме сравнения Емецкого (где он родился и провел детство) и Куростровского (где он оформился как исследователь-краевед) селений Грандилевский обратится впоследствии.⁹

Конец XIX в. был связан со значительным экономическим развитием Емецка, исторически занимавшего особое положение в губернии. Этому селу в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии», вышедшем в конце XIX в., дана следующая характеристика: «Приходская церковь находится в селе Емецком, которое благодаря хорошей почве в окрестностях, удобной для посевов и сенокоса, удобному сбыту местных произведений по р. Емце и Двине и центральному положению в пределах Холмогорского уезда издавна было торговым селом, превосходившим в этом отношении даже уездный город Холмогоры, особенно со времени постепенного упадка его в церковно-и гражданско-административном отношении».¹⁰

Аркадий Грандилевский окончил двухклассное училище в Емецке и продолжил свое образование в Архангельской духовной семинарии в 1890 г. В 1891 г. семья Грандилевских переехала в Архангельск. 15 мая 1891 г. Никандр Никитович Грандилевский был возведен в сан протоиерея, с 16 августа 1891 г. он стал ключарем Архангельского кафедрального собора. В 1892 г. параллельно Н. Н. Грандилевский был принят в Архангельскую Мариинскую гимназию законоучителем. С 3 октября 1891 г. (по 1896 г.) он был наблюдателем церковноприходских школ г. Архангельска, в 1894—1897 гг. — членом педагогического и распорядительного собрания правления Архангельской духовной семинарии и представителем Епархиального свечного комитета. С 1897 г. Н. Н. Грандилевский — член Совета Епархиального женского училища, а с 1899 г. еще и председатель Правления эмеритальной кассы.¹¹

Молодой священник на родине М. В. Ломоносова

Итак, по завершении обучения в семинарии Грандилевский просит направить его в Куростровский приход священником в Дмитриевскую церковь, стены которой видел еще молодой Михаил Васильевич Ломоносов.

6 сентября 1895 г. Аркадий Грандилевский женился на Елизавете Павловской, дочери учителя Архангельского мужского духовного училища Михаила Андреевича Павловского. Она была на два года младше мужа (родилась 27 марта 1877 г.).¹² Рукоположение священником с назначением в Куростровский приход,

⁸ *Минина Т. В., Шаров Н. В.* Емчане. Петрозаводск, 2007. С. 21.

⁹ *Грандилевский А. Н.* Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово // *Материалы для изучения великорусских говоров.* СПб., 1903. Вып. 8. С. 336—406.

¹⁰ *Краткое историческое описание приходов...* Вып. 1. С. 336.

¹¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 34. Д. 114. Л. 1 об., 2—4; *Краткое историческое описание приходов...* Вып. 1. С. 342.

¹² ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 368. Л. 5 об.

вместо прежнего священника Александра Ивановича Васильева,¹³ А. Н. Грандилевский получил 10 сентября 1895 г., а 15 сентября того же года он стал по совместительству преподавать Закон Божий в Ломоносовском сельском училище.¹⁴

Упомяну коротко о приходе, в котором пришлось служить молодому священнику, и о Ломоносовском училище, в котором он преподавал Закон Божий. В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» читаем: «Куростровский приход расположен на острове Кур по реке Куростровке (рукав С[еверной] Двины), называемой при истоке ее Ровдогоркою, в соседстве с Ровдогорским и Залывским приходами, находящимися на том же острове, в 73 верст[ах] от Архангельска и в 3 [верстах] от г. Холмогор. В состав прихода входят 26 деревень, в центре которых находится приходская церковь, отстоящая от них не далее двух верст при безпрепятственном сообщении».¹⁵

В писцовой книге Мирона Вельяминова от 1623 г. упоминалось о двух деревянных церквях в Куростровской волости: великомученика Димитрия и великомученицы Екатерины. Обе церкви впоследствии сгорели. Во время закладки новой каменной церкви и колокольни в 1751 г. ее священники ходили за благословением к архиерею, причем «несли поднос пятьдесят карасей живых, ценою по 15 копеек десяток».¹⁶ Пятиглавый Димитриевский храм имел в плане вид креста. Над каменной папертью возвышалась трехъярусная колокольня.

Более подробное описание истории прихода находится в недавно изданной рукописи А. Н. Грандилевского в «Отделе II, бытовом» (Глава V. Церковь на родине Михаила Васильевича Ломоносова, ее историческое прошлое и позднейшее, ее священно- и церковнослужители, благотворители и прихожане).¹⁷

Недалеко от церкви стояло здание училища им. М. В. Ломоносова. В 1885 г. Архангельский губернский статистический комитет открыл в нем «особый класс резьбы по кости с двухгодичным курсом для поддержания этого искусства, начавшего падать среди жителей Холмогорского уезда».¹⁸

В Клировой ведомости за 1903 г. сказано, что училище содержали «на проценты из Ломоносовского капитала, вверенного наблюдению Архангельского губернского статистического комитета». Закону Божию обучал детей местный приходский священник, который получал за это 48 руб. в год. Учительницей была «мещанская девица города Архангельска Валентина Константинова Малетина, окончившая курс Архангельской женской гимназии». Учащихся в 1903 г. было «27 мальчиков, 21 девица, всего 48 человек».¹⁹

О «куростровском» периоде жизни Грандилевского в некрологе, посвященном памяти исследователя, сказано: «Сельский священник самой жизнью среди природы ставится в необходимость в большинстве случаев исполнять сельскохо-

¹³ Там же. Д. 323. Л. 11 об.

¹⁴ Там же. Д. 356. Л. 1 об. — В Послужном списке за 1903 г. указаны те же даты, но (ошибочно) с опозданием на один год: «Окончил семинарию 15 июня 1896 г. Рукоположен 10 сентября 1896 г., утвержден законоучителем 15 сентября 1896 г.»; см.: ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 368. Л. 5 об.

¹⁵ Краткое историческое описание приходов... Вып. 1. С. 54.

¹⁶ Там же. С. 266—270.

¹⁷ Грандилевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. Архангельск, 2008. С. 229—253.

¹⁸ Краткое историческое описание приходов... Вып. 1. С. 270.

¹⁹ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 368. Л. 7.

зяйственные работы: должно заметить, что о. Аркадий и с этой стороны показал себя как образцового священника-работника: ни одна сторона многосложного хозяйства, ни полевые, ни домашние работы не оставались без его собственного участия. Он был весьма искусен и опытен в особенности в плотницком мастерстве и отлично изготовлял разные хозяйственные вещи, причем, ремонтируя старые, справлялся не только с простыми, но и с довольно сложными по своему устройству, как, например, с часами, граммофоном». ²⁰ Глубокое знание биографии А. Н. Грандильевского, упоминаемые детали его жизни и быта наталкивают на мысль о том, что автором некролога был близкий Аркадию Никандровичу человек. Некролог подписан инициалами: «А. Н. Г.». Это позволяет предположить с большой долей уверенности, что писал его младший брат Аркадия — Александр Никандрович Грандильевский.

**«Сделать описание прошлого и настоящего на родине
Михаила Васильевича было заветною мечтою с самого начала
моего служения в Холмогорах».
Первые шаги Грандильевского-исследователя**

В Курострове началась исследовательская деятельность о. Аркадия. Автор некролога Грандильевскому утверждает, что толчком к ее началу послужил случай: «Так трудился о. Аркадий в Куростровском приходе как священник и как домохозяин. Но вот совершенно для него неожиданно здесь же ему пришлось положить начало своему труду и в той области, с которой по окончании среднего образования он, вероятно, уже и не предполагал более никогда иметь дела, именно: в области книжной, научной. Случилось же все это при таких обстоятельствах: в 1900 году село Куростров посетил в целях личного знакомства с родиной М. В. Ломоносова ординарный академик Алексей Александрович Шахматов. Сделав визит о. Аркадию, А. А. Шахматов долго беседовал с ним и пригласил его принять участие в тех научных работах, которые тогда намечала Академия наук к предстоящему в 1911 году 200-летнему юбилею со дня рождения М. В. Ломоносова». ²¹

Есть серьезные основания не согласиться как с тезисом о «случайности» пробуждения научного интереса А. Н. Грандильевского к родине Ломоносова (встреча с А. А. Шахматовым), так и с отнесением начала его исследовательской работы к 1900 г. Безусловно, встреча со знаменитым ученым, А. А. Шахматовым, стимулировала деятельность молодого исследователя из Куростровского прихода, однако сам о. Аркадий писал: «Сделать описание прошлого и настоящего на родине Михаила Васильевича было заветною мечтою с самого начала моего служения в Холмогорах». ²²

Более того. В архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге хранится ранняя рукопись А. Н. Грандильевского «Описание Курострова

---

²⁰ Священник о. Аркадий Никандрович Грандильевский: (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 15 марта. С. 118.

²¹ Там же. С. 119.

²² Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. Архангельск, 2008. С. 49.

Архангельской губернии Холмогорского уезда» (далее — *Рукопись АРГО*).²³ Рукопись объемная — более ста страниц текста. Она датирована 1896 г., т. е. ее создание опередило встречу Грандильевского с Шахматовым на четыре года.

Отдельные страницы из *Рукописи АРГО* были опубликованы мной в 1984 г.²⁴ Это сведения по этнографии русского населения Курострова в конце XIX в. — результаты наблюдений первого года жизни А. Н. Грандильевского в Курострове. Грандильевский собрал интересные материалы о «промысловой специализации» различных деревень Куростровской волости. Среди наиболее распространенных занятий крестьян родины Ломоносова в этот период времени (конец XIX в.) Грандильевским названы рыболовство, торговля лесом и извоз. Неотъемлемую черту быта северной русской деревни в конце XIX—начале XX в. составляло отходничество.

Записи А. Н. Грандильевского показывают нам изменение материальной культуры куростровцев под влиянием города (в жилище, одежде, интерьере, песенном репертуаре и т. д.). Куростровское селение по северным меркам было большим. А. Н. Грандильевский называет количество домов в нем — более 250. Куростров являлся центром волости, здесь находились место волостного схода и волостное правление.

Острая наблюдательность позволила исследователю выделить особенности психического склада куростровцев, дать характеристику системе традиционных морально-этических установлений и ценностей. Описаны традиции гостевания, обряды, связанные с рождением ребенка, похоронами и поминками. Много места уделяется описанию свадебных обрядов. Частично эти материалы были использованы А. Н. Грандильевским позднее в таких трудах, как «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор»²⁵ и «Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Куростровское».²⁶

В результате археографических изысканий Грандильевского в архиве Куростровского прихода им были найдены 42 старинные рукописи («столбцы») — списки Куростровского погоста. Через А. А. Шахматова, чьим постоянным корреспондентом на Севере с момента их встречи становится молодой исследователь, рукописи были переданы в библиотеку Академии наук в Петербурге. Библиотека в письме от 26 марта 1901 г. выразила А. Н. Грандильевскому «искреннюю признательность за столь ценное пожертвование».²⁷

Куростровские «столбцы», найденные А. Н. Грандильевским, ныне хранятся в архиве Института российской истории РАН в Санкт-Петербурге (ф. 177). Впервые четыре документа из этого собрания вышли в свет в монографии П. А. Садкова «Очерки истории опричнины».²⁸ Девять документов из этой же кол-

²³ Грандильевский А. Н. Описание Курострова Архангельской губернии Холмогорского уезда: рукопись, 1896. (Архив Рус. геогр. о-ва РАН, г. Санкт-Петербург. Разряд 1. Оп. 1. № 64).

²⁴ Давыдов А. Н. Материалы к этнографии русского населения низовьев Северной Двины в одной из ранних рукописей А. Н. Грандильевского. С. 142—161.

²⁵ Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор : [словарь]. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1907. 304 с.

²⁶ Грандильевский А. Н. Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово // Материалы для изучения великорусских говоров. СПб., 1903. Вып. 8. С. 336—406.

²⁷ Священник о. Аркадий Никандрович Грандильевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 15 марта. С. 119.

²⁸ Садков П. А. Очерки истории опричнины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

лекции были опубликованы А. А. Морозовым в книге «Юность Ломоносова».²⁹ Еще двадцать пять документов издал А. И. Копанев в «Северном археографическом сборнике».³⁰ Он же в статье «Куростровская волость во второй половине XVI века» произвел анализ этих памятников письменности.³¹ А. И. Копанев указал, что коллекция куростровских столбцов была передана в библиотеку Академии наук А. А. Шахматовым,³² однако есть основания полагать, что Шахматов их получил от Грандильевского.

В том же году Академия наук поручила исследователю-самоучке произвести разыскания письменных памятников, имеющих отношение к личности М. В. Ломоносова и истории его рода. На эту работу было специально выделено 60 руб. О результатах поисков в архиве Товринского волостного правления А. Н. Грандильевский сделал письменный доклад (11 августа 1901 г.) в Академию наук. Работа получила хорошую оценку: Академия наук в письме от 1 октября 1901 г. благодарила автора «за присылку подробного отчета».³³

Радость творчества и жизненные невзгоды

1901—1913 годы оказались самыми плодотворными в творчестве А. Н. Грандильевского, но это время стало для него и временем тяжелых жизненных испытаний.

В 1902—1903 гг. А. Н. Грандильевский создал рукописный труд «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого» общим объемом более 500 стр. Эта рукопись хранится в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова (инв. № 151665) и была опубликована в 2008 г.³⁴

Труд А. Н. Грандильевского состоит из двух больших частей, которые названы «Отдел 1-й» и «Отдел 2-й», а также небольшого эссе «Родные Михаилу Васильевичу Ломоносову дом и деревня в Холмогорах».

«Отдел 1-й» озаглавлен: «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого. (Прошлое и позднейшее в топографическом отношении). Составил священник Куростровской церкви Архангельской губернии Холмогорского уезда Аркадий Грандильевский. В 1902-м году».

В первой («Давно минувшее на родине Ломоносова») и во второй («Родина Михаила Васильевича Ломоносова») главах «Отдела 1-го» Грандильевский публикует интересные факты дославянской истории края, приводит богатейший топонимический материал и частично анализирует его. Грандильевский делает

²⁹ Морозов А. А. Юность Ломоносова. 2-е изд. Архангельск, 1958. С. 527—531.

³⁰ Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории европейского Севера СССР : Северный археографический сб. Вологда, 1970. Вып. I. С. 398—486.

³¹ Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI века // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 146—156.

³² Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. С. 398.

³³ Священник о. Аркадий Никандрович Грандильевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 апр. С. 124.

³⁴ Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. Архангельск, 2008.

попытку при помощи более чем десятка карт-схем, которые он называет «чертежами», рассмотреть историю формирования топонимической системы родины Ломоносова.³⁵

В третьей главе («Родина Михаила Васильевича Ломоносова, современная его детству») изложены важные факты, имеющие отношение к биографии Ломоносова и его родных и близких.³⁶

В последующих, четвертой и пятой, главах подробно описана история деревень на Курострове, Ухтоострове и в Нальеострове с XVIII до начала XX в.³⁷

Основные выводы А. Н. Грандильевский вынес в заключительную главу «Отдела 1-го» — «Заключение к первому отделу описания родины М. В. Ломоносова».³⁸

В «Дополнении № 1» приведены интересные сведения, сообщенные молодому священнику холмогорским купцом К. И. Куликовым о «романовском доме», якобы воздвигнутом в Курейском селении для Петра Великого во время пребывания того на Севере.³⁹

«Отдел 2-й» рукописи имеет подзаголовок «Прошлое и позднейшее в бытовом отношении» и состоит из девяти глав. В этом отделе своя нумерация страниц.

Первая глава — «Давно минувшее на родине Ломоносова» посвящена дославянскому периоду в истории Холмогорского края. Здесь Грандильевский описывает факты, связанные с *чудью заволоцкой* — племенем (группой племен) финно-угорской языковой семьи, чье присутствие оказало значительное влияние на формирование топонимики края и на появление финского (финно-угорского) субстрата в культуре северных русских.⁴⁰

Вторая глава — «Бытовой очерк родины Михаила Васильевича Ломоносова от начала XVI столетия и по конец XVIII-го»⁴¹ — построена на ряде источников, доступных Грандильевскому. Из них наиболее важное место занимает писцовая книга Мирона Вельяминова.⁴² Автор рукописи называет наиболее известные промыслы куростровских крестьян в это время: гончарство, резьба по кости, шорный, кожевенный, сапожный, малярный, столярный, слесарный, бондарный, кузнечный, плотничий. Особое место отведено в повествовании резчикам по кости. Большие коллекции работ холмогорских мастеров выставлены сейчас в музеях Архангельска и Санкт-Петербурга. Теме холмогорских косторезов в настоящее время посвящено много публикаций.⁴³ Большая коллекция работ холмогорских

³⁵ Там же. С. 61, 76, 89, 97, 99, 109, 115, 118, 126, 141, 146, 151.

³⁶ Там же. С. 91—101.

³⁷ Там же. С. 102—153.

³⁸ Там же. С. 153—159.

³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁰ Там же. С. 162—176.

⁴¹ Там же. С. 177—187.

⁴² Овсянников О. В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории европейского Севера СССР : Северный археографический сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 197—211.

⁴³ Овсянников О. В. Материалы к словарю северных косторезов XVII—XVIII вв. // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск, 1987. С. 36—51; Уханова И. Н. Проблемы развития стиля в косторезном искусстве Холмогор XVIII—XIX вв. // Там же. С. 75—88; Тарановская Н. В. О народной основе современной холмогорской резной кости : (черты фольклорности) // Там же. С. 89—103; Кондратьева О. А. Изделия северных русских косторезных центров в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Там же. С. 139—149.

резчиков по кости собрана в Музее Альтоны в Гамбурге. Эти предметы привозили в XVIII—XIX вв. немецкие купцы и моряки, покупая их в гавани. Поделки из кости получили в Германии название «архангельск-арбайт».⁴⁴

Грандилевский упоминает о *кречатых помытчиках*, «коих в Курострове было много, так что из их семейств издавна существовала Кречетинская деревня». Кречатые помытчики занимались ловлей соколов и кречетов для царской охоты. Ватаги кречатых помытчиков не только вели поиск и отлов птиц для царского двора в ближних лесах, но и уходили на Кольский полуостров, на Канин Нос, на Печору. Птицы, добытые на Севере, ценились при царском дворе, их даже посылали в подарок восточным правителям.

Грандилевский в этой главе обращает внимание читателя и на историю происхождения знаменитой холмогорской породы скота. Развитие скотоводства и суровый климат повлияли на особенности одежды и обуви. В частности, А. Н. Грандилевский делает такое замечание: «Лаптей на родине Ломоносова не носили и не носят, но при легкой верхней одежде сапоги, в зимнее же время, одевая полушубки и шубы, тулупы, ходили в валенках из овечьей шерсти, именуемых катанками».⁴⁵

Центральное место в «Отделе 2-м» занимает глава третья «Детство и отрочество Михаила Васильевича Ломоносова и фамильный список его земляков».⁴⁶ Здесь собраны богатейшие материалы, найденные А. Н. Грандилевским в ходе его археографических изысканий, и записи устной традиции на родине Ломоносова.

Особый интерес вызывают генеалогические изыскания. А. Н. Грандилевский выстроил таблицы, в которых имеются следующие графы: «Алфавитный список крестьянских фамилий, существовавших и существующих в Куростровском селении», «С каких годов по церковным документам стали известны фамилии», «Фамилии крестьян Куростровского селения, несомненно бывшие при Ломоносове, т. е. кровные земляки Михаила Васильевича», «Фамилии не бывших при Ломоносове и сомнительно ему современные», «С каких годов начиналось прекращение пресекшихся фамилий», «Какие фамилии остались от времен Ломоносова, т. е. от начала XVIII столетия, и достигли начала XX века». По этим таблицам Грандилевский составил историю родов и деревень на Курострове.⁴⁷

Отметим, что ряд исследователей ставит под сомнение некоторые выводы А. Н. Грандилевского; в частности, они указывают, что он привел ошибочные сведения о мачехе М. В. Ломоносова и о его сестре Марии Васильевне. По мнению А. А. Морозова, «лихой» мачехой Ломоносова была не первая мачеха (Ф. М. Уская), а вторая (И. С. Корельская), дочерью которой и была Мария Васильевна (родилась около 1730 г., умерла после 1803 года).⁴⁸

Удивляясь отсутствию интереса к Ломоносову среди своих предшественников, Грандилевский восклицает: «Как же церковь Куростровского прихода не имеет сведений о Ломоносове, когда ей это в высшей степени дорого? Да! В Куростровской церкви имеются относительно Михаила Васильевича справки

⁴⁴ *Schwindrasheim H.* Von Scrimshaw und Archangelsk-Arbeit // Schleswig Holstein und der Norden. Neumunster, 1968. S. 138—147.

⁴⁵ Грандилевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. С. 186.

⁴⁶ Там же. С. 187—212.

⁴⁷ Там же. С. 200—204.

⁴⁸ Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. С. 456.

только в виде сжатой схемы для ученического сочинения в старшем отделении одноклассной школы».⁴⁹

Глава четвертая называется: «Бытовой очерк родины Михаила Васильевича Ломоносова в XIX столетии и в первых годах XX века».⁵⁰ К этому времени произошли важные изменения в культурно-хозяйственной жизни Курострова. Развитие Архангельска повлияло на переориентацию обитателей Холмогорской земли. От поморских промыслов население вернулось к земледелию и животноводству, ориентированных на нужды портового города Архангельска.

Грандилевский отмечает важные экологические изменения, которые произошли на родине М. В. Ломоносова: «Широкое лесное дело, проникшее и в дальнейшие места Северодвинских берегов, быстро повлияло на обмеление Двины, которое росло не по дням, а чуть не по часам: в какие-нибудь 25 лет русло Двины стало так маловодным, что уже морские суда перестали достигать Вавчуги, и кораблестроительное дело кончилось».⁵¹

В результате «к началу XIX столетия земляки Ломоносова только вспоминали свое былое господство на берегах Студеного моря, вспоминали также и о бывших приездах к ним московских торговых скупщиков рыбы и всякого сырья, поэтому с исчезновением морского промысла последовало крайнее падение речного и озерного рыболовства, которое стало ограничиваться лишь одними домашними нуждами да спросом холмогорского торгового рынка», — делает вывод А. Н. Грандилевский.⁵²

В то же время Ломоносовская волость наряду с волостями Кушевской и Курейской входила в зону промыслового лова семги.⁵³ Семгу засаливали, укладывали в ледники. Соленую семгу в корзинах отправляли в Архангельск. Для своих нужд на озерах Курострова местные крестьяне ловили щуку, а в Северной Двине — окуня, налима, сига, леща и др. Рыболовные снаряды той поры: *морды* и *мережи* — выставлены сейчас в Ломоносовском музее в селе Ломоносово.

Грандилевский отмечает, что чистопородность холмогорского скота определяется следующими признаками: эти коровы крупнее (выше и длиннее) русских коров, обладают прямым хребтом, имеют крупную шею при сравнительно небольшой голове с небольшими красивыми рогами правильной формы. Холмогорский скот отличает пестрая масть. Главным признаком чистопородности скота для крестьян являлась родословная, восходящая к быкам, завезенным из Голландии по указу Петра I. Скот холмогорской породы занимал исключительное положение не только на Русском Севере, но и вообще в России.

---

⁴⁹ Грандилевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. С. 187—188.

⁵⁰ Там же. С. 213—228.

⁵¹ Там же. С. 213—214.

⁵² Там же. С. 213.

⁵³ Р. П. Яковсон, обследовавший бассейн Северной Двины в отношении рыболовства в 1913—1914 гг., выделил три зоны по преобладанию промыслового лова различных видов рыбы: «1) зона промыслового рыболовства стерляди, занимающая все среднее течение Северной Двины и в низовьях имеющая границу вблизи устья реки Пинеги... 2) зона промыслового лова семги, охватывающая нижнее течение Северной Двины от ее дельты до устья Пинеги... 3) зона промыслового лова большого количества видов рыб: семги, наваги, сельди, сига, камбалы, угря, окуня и др. (пригородные деревни дельты Северной Двины)». См.: Яковсон Р. П. Отчет по обследованию бассейна Северной Двины в 1913—14 гг. // Материалы к познанию русского рыболовства. Пг., 1915. Т. 4. Вып. 8. С. 37.

В заключительной части главы А. Н. Грандильевский подмечает важные моменты в отношении крестьян к труду, к ведению хозяйства: «Первый источник довольства земляков Ломоносова составляет хорошо установленный порядок крестьянского хозяйства, в предмет которого входит земледелие, изобилие сенокосов, луговых выгонов, скотоводство, умение владеть всеми выгодами от земли и от скота. (...) Ленивые натуры среди земляков Ломоносова являются редким исключением, между мужчинами они едва заметны, но среди женщин обнаруживаются скорее, потому что в многосемейных домах, где преобладает женская половина, не все одинаково заняты делом».⁵⁴

Глава пятая названа: «Церковь на родине Михаила Васильевича Ломоносова, ее историческое прошлое и позднейшее, ее священно- и церковнослужители, благотворители и прихожане». В этой главе Грандильевский дает подробное описание истории храмового строительства, клира и причта на Курострове, касается взаимоотношений с раскольниками.

А. Н. Грандильевский задается вопросами: «Кто же крестил Михаила Васильевича Ломоносова? Какой священник и при участии какого церковнослужителя?» Исследователь на этот счет сделал такое предположение: «Самым вероятным является то, что крещение совершил священник Алексей Иванов, упоминавшийся в 1706 г. и переживший удвоение штата священно- и церковнослужителей в Курострове, что относится к промежутку времени между 1710 и 1720 гг. При крещении соответственно сему участвовал тот самый дьячок Сидор Панкратьевич, который затем, спустя шесть лет, стал и учителем Михаила Васильевича».⁵⁵

Грандильевский с уважением вспоминает фамилии благотворителей, внесших свою лепту в украшение Куростровской церкви: род думного дворянина Федора Полиевктовича Нарышкина, фамилии крестьян Рязановых, Дьяконовых, Брехуновых, Тряпицыных, Зиновьевых, Чурнасовых, Дудиных, Тутуровых, Кочериных, Зеленковых, Сидоровых, Верещагиных, Винокуровых, Субботиных, Осотиных, Рычковых, Гурьевых, Ольховых, Бубновых, Трябловых, Некрасовых, Горшковых, Корниловых, Бушковых, Скрыповых, Колотыгиных, Христофоровых, Неумоинных, Ушаковых и др.

Для этнографа представляет большой интерес описание так называемого народного православия, по сути отражающего синкретизм христианских представлений и дохристианских верований у крестьян Русского Севера.

Глава шестая называется: «Крестьянская грамотность на родине Михаила Васильевича Ломоносова: школа в Куростровском селении и характер земляков Михаила Васильевича Ломоносова». А. Н. Грандильевский справедливо замечает, что Михаил Васильевич Ломоносов вышел не из «русской глубинки», «глуши», как порой и сегодня можно прочесть в некоторых популярных изданиях. Он пишет: «...как ни мала являлась в начале XVIII столетия народная грамотность, в Холмогорском крае она была значительно шире, чем в каких-либо иных захолустьях, потому что город Холмогоры был местопребыванием архиерейской кафедры, а при ней и духовной семинарии».⁵⁶

Представляют интерес тонкие замечания А. Н. Грандильевского относительно особенностей характера жителей Курострова: «Земляк Ломоносова осо-

---

⁵⁴ Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. С. 228.

⁵⁵ Там же. С. 244.

⁵⁶ Там же. С. 253.

бенно крепок задним умом: он при первой встрече с неизвестным человеком всегда принимает на себя лукавую личину темного, ничего не понимающего мужика, под эту маску выпытывает все для себя желаемое, а потом начинает так рассуждать, что бывает уму непостижимо, откуда вдруг возникли и познания, и ловкий, меткий, пронизательный взгляд, и способность произвести нередко замечательную критику. Такое двуличие присуще чуть не всем жителям Курострова, поэтому знающие холмогорских крестьян бывают осторожны в разговоре и обращении с ними. Что касается женщин, то на родине Михаила Васильевича они составляют грозную силу, от которой сгибаются в бараний рог многие мужчины. Холмогорские женщины бойки, расторопны и хитры, но зато отличаются и злоязычием, насмешливостью и вызывающею грубостью в отношении к другим. Часто эти женщины фигурируют истцами на судах, нередко и обвиняемыми; чем сварливее женщина, тем она влиятельнее в кругу своих единообщественниц, потому что не имеет в своей грубости излишних соперников. Одною весьма резко бросающеюся в глаза стороною характера холмогорской женщины является злорадство, с которым она никогда почти не расстается, и мстительность, благодаря коей примирение в случае ссор составляет редкость. Вследствие таких своих невзрачных качеств женщины вносят в семейную жизнь очень вредный элемент зла, поэтому подрастающая молодежь, как парни, так и девушки, ярко проявляют характер своих матерей, ибо по большей части растут под их исключительным надзором и влиянием.⁵⁷

Глава седьмая названа «Летопись достопримечательных событий на родине Михаила Васильевича Ломоносова».⁵⁸ Эта глава представляет интерес попыткой включить «местный», локальный пласт истории Курострова в мировую историю и в историю русского народа.

Наряду с глобальными событиями в летописи присутствуют и даты, казалось бы, случайные, но на самом деле имеющие отношение как к Ломоносову, так и к истории края, в котором он родился. Вот, например, сообщение о дате на колоколе: «1638 год — значит на семипудовом вседневном колоколе Куростровской церкви, который был тогда вылит, но неизвестно где. В этот колокол звонил нередко Михаил Васильевич Ломоносов, пока жил на своей родине до бегства в Москву».⁵⁹

А. Н. Грандилевский заканчивает свою летопись 1903 г., современным окончанию рукописи. У провинциальной летописи свой масштаб, «свое» время, свое измерение дат и событий. Летопись Курострова в изложении Грандилевского является замечательным источником для исследования феномена восприятия потока времени глазами русского провинциала.

Главу восьмую — «Главнейшие моменты в жизни крестьян на родине Михаила Васильевича Ломоносова, каковые: крестины, браки, похороны, увеселения, доморощенная медицина»⁶⁰ — можно назвать фольклорно-этнографическим описанием жизненного круга крестьян Курострова. Фольклорные тексты органично вплетены в повествование крестильных, свадебных и похоронных обрядов.

---

⁵⁷ Там же. 261—262.

⁵⁸ Там же. 265—280.

⁵⁹ Там же. С. 267.

⁶⁰ Там же. С. 281—310.

Глава девятая — «В заключение к первому и второму отделам описания родины Ломоносова» — носит характер обобщения, в ней Грандильевский называет основные цели проделанной им работы и свои побудительные мотивы:

1) «ознакомить читателя с далеко небезынтесным прошлым и настоящим родины отца русской литературы»;

2) «выяснить условия, при которых протекло детство и отрочество Михаила Васильевича [Ломоносова]»;

3) «сделав самое тщательное изыскание прошлого и настоящего на родине Ломоносова, дать интересующимся и дорожащим памятью Михаила Васильевича лицам все материалы к полезным суждениям о том, что наилучше всего предпринять для улучшения и возвышения памяти о Ломоносове на его родине»;

4) «осуществить давно уже заботившие автора намерения хоть сколько-нибудь, по мере сил своих, быть благодарным пред заслугами великого ученого и родоначальника изящной словесности, на родине которого автору сего описания выпало счастье священствовать».⁶¹

В заключительной части главы Грандильевский говорит и о своих творческих планах, а именно: приступить к составлению «Отдела 3-го» исследования «под заглавием: „Местный говор на родине Ломоносова“» и «Отдела 4-го» «под названием: „Местный словарь“». Эти исследования были успешно проведены А. Н. Грандильевским и вышли в свет в виде монографии «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор».⁶²

Завершает труд раздел «Родные Михаилу Васильевичу Ломоносову дом и деревня в Холмогорах».⁶³ Это отдельное эссе, в котором сделан «обзор всего, что в Курострове имеет ту или иную связь с воспоминаниями о Ломоносове». Интерес исследователя вызывают поиски места, где стояла усадьба Ломоносовых, он пытается реконструировать дом, в котором провел детство и юность будущий ученый, церковный погост, где похоронена мать Михаила Васильевича.

В 1903 г. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» вышла работа А. Н. Грандильевского с публикацией свадебных и плясовых песен Архангельской губернии.⁶⁴ 1 ноября 1903 г. о. Аркадий Грандильевский получил первую церковную награду — набедренник (Указ Архангельской духовной консистории за № 11872).⁶⁵

Исследование А. Н. Грандильевского «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор» было опубликовано в Санкт-Петербурге в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (т. LXXXIII). Отдельным оттиском эта работа (более 300 стр.) была напечатана в типографии Императорской Академии наук в 1907 г.⁶⁶ За этот труд Грандильевский получил довольно большой по тем временам гонорар —

---

⁶¹ Там же. С. 311—314.

⁶² Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор: [словарь]. СПб., 1907.

⁶³ Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого. С. 316—330.

⁶⁴ Грандильевский А. Н. Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово. С. 86—90.

⁶⁵ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 371. Л. 1 об.

⁶⁶ Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор: [словарь]. СПб., 1907.

285 руб.⁶⁷ К началу XX в. это было третье из наиболее значимых сочинений подобного рода по Северу после публикаций словарей А. И. Шренка 1850 г.⁶⁸ и А. О. Подвысоцкого 1885 г.⁶⁹ В разделе «Общие формы крестьянского выражения мыслей предложениями и периодами» он приводит образцы живой разговорной речи и высказывает ряд соображений об основных тенденциях развития говора жителей родины Ломоносова. Большую часть работы А. Н. Грандильевского «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор» занял словарь холмогорского наречия, состоящий из 5050 словарных статей. Отметим, что некоторые словарные статьи Грандильевского являются полноценными этнографическими исследованиями, например описание свадебного обряда на родине Ломоносова.

Издание трудов о. Аркадия (Грандильевского) Академией наук еще при его жизни свидетельствует о признании, которое получила его деятельность в научном мире.

Как уже упоминалось выше, радость публикаций в академических и местных изданиях шла для Грандильевского рука об руку с семейными трагедиями и служебными неприятностями. У Аркадия Никандровича тяжело заболела жена, один за другим умерли четверо детей.

28 октября 1906 г. о. Аркадий Грандильевский за труды был награжден скуфьею,⁷⁰ а в 1907 г. его неожиданно переводят в Щукозерский приход Холмогорского уезда. О причинах перевода в лесную глушь автор некролога повествует следующее: «В селе Курострове шла постройка здания для Ломоносовского училища, А. Н. Грандильевский был членом строительной комиссии. Как человек честный и прямой, он быстро поссорился с ведущими строительством толстосумами и с церковным начальством. Клевета и доносы вынудили А. Н. Грандильевского покинуть Куростровский приход и уйти в другую».⁷¹ На место Грандильевского в сентябре 1907 г. был поставлен священник Владимир Алексеевич Иванов, вступивший также на пост законоучителя Ломоносовского училища (с ноября 1907 г.).⁷²

Щукозерский приход относился к отдаленным приходам в губернии. Он отстоял от Архангельска в 272 верстах, а от уездного центра (Холмогор) в 200 верстах. Приход был малонаселенным, там было всего «восемь деревень, отстоящих от приходского храма не далее одной версты; притом сообщение с ними не всегда бывало удобно».⁷³ В приходе находились две старые деревянные церкви: Преображенская с приделом во имя Рождества Иоанна Предтечи (1683 г. постройки) и Владимирской иконы Божьей Матери с приделом в честь трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (1795 г.

---

⁶⁷ Священник о. Аркадий Никандрович Грандильевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 апр. С. 125.

⁶⁸ Шренк А. И. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Зап. Император. рус. геогр. о-ва. 1850. Кн. 4. С. 121—167.

⁶⁹ Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом отношении. СПб., 1885.

⁷⁰ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 323. Л. 102 об.

⁷¹ Священник о. Аркадий Никандрович Грандильевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 апр. С. 126—127.

⁷² ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 323. Л. 119 об.; д. 392. Л. 4 об.

⁷³ В приходе числилось на 1 января 1894 г. 214 человек мужского пола и 225 — женского пола (см.: Краткое историческое описание приходов... С. 367—368).

постройки). Приход был бедным. Начиная свою деятельность в Шукозерском приходе, А. Н. Грандилевский вынужден был на благоустройство прихода даже просить деньги у купеческой вдовы Евдокии Ивановны Матвеевой из Вытегры Олонецкой губернии. Та прислала ему 50 руб., на которые и был отремонтирован причтовый дом и построена баня.⁷⁴

13 ноября 1907 г. А. Н. Грандилевский был перемещен в Вознесенский приход. Это был «один из многолюднейших приходов Архангельского уезда», в него входило 28 селений, а всех жителей значилось до 5 тыс. человек.⁷⁵ Центр прихода — Вознесенье — старинное поморское село, впервые упоминающееся в «Двинском летописце» в 1419 г., находится недалеко от Архангельска на одноименном острове в дельте Северной Двины.

Вблизи церкви находилось Вознесенское двухклассное училище Министерства народного просвещения. До появления А. Н. Грандилевского законоучителем здесь был «местный священник Г. Легатов».⁷⁶ А вот Грандилевскому в училище преподавать не дали. Возмутительно, но человека, чьи труды издавала Академия наук, не допустили к должности преподавателя! Другим было отношение крестьян Вознесенья: «Не только словом Божьим, но более советами о том, как лечить недуги, снискал уважение среди крестьян новый священник».⁷⁷

Переживания душевные сопровождалась недугами телесными.⁷⁸ Радость приносила лишь творческая деятельность.

В 1909—1911 гг. в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» была опубликована серия статей А. Н. Грандилевского под общим названием «Родина Ломоносова». В основу этих статей легли материалы его неопубликованных рукописей.⁷⁹

В 1913 г. в третьем выпуске сборника «Материалы для изучения великорусских говоров» появилась обширная статья Грандилевского «Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово».⁸⁰ Это была его последняя большая изданная работа.

Надломленный трудами и домашними бедами, он и сам серьезно заболел, вынужден был перенести операцию на легких. В 1914 г. болезнь снова обострилась: «В конце зимы 1914 года силы исследователя были надорваны — он снова заболевает...»⁸¹ Взяв отпуск, А. Н. Грандилевский уезжает из Вознесенья в Соломбалу, временно поселяется у своего тестя, настоятеля Спасо-Преображенского собора Михаила Андреевича Павловского, «где продолжил лечение болезнью».⁸²

---

⁷⁴ Священник о. Аркадий Никандрович Грандилевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 мая. С. 161.

⁷⁵ Краткое историческое описание приходов... С. 203, 206.

⁷⁶ Там же. С. 206.

⁷⁷ Священник о. Аркадий Никандрович Грандилевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 мая. С. 162.

⁷⁸ Там же. С. 161.

⁷⁹ Грандилевский А. Родина Ломоносова // Известия Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1909. № 12. С. 33—48; 1910. № 2. С. 24—30; № 4. С. 9—13; № 10. С. 27—37; № 11. С. 33—42; № 13. С. 37—48; № 17. С. 16—27; 1911. № 3. С. 170—179.

⁸⁰ Грандилевский А. Н. Архангельской губернии Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово. С. 336—406.

⁸¹ Священник о. Аркадий Никандрович Грандилевский : (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 1 мая. С. 162.

⁸² Там же.

Надежды на лечение не оправдались. 14 ноября 1914 г. А. Н. Грандильевского не стало. Отпевание состоялось в соборе в Соломбале, а похоронен А. Н. Грандильевский в ограде Михайло-Архангельского монастыря в Нячерах, на другом конце города.⁸³ Гроб провожало «человек до десяти священнослужителей», а также родные, близкие и многие из его прихожан и знакомых.⁸⁴

Касаясь церковных знаков отличия Грандильевского, автор некролога печально констатирует: «Покойный о. Аркадий в этом отношении не был баловнем судьбы. За всю свою 19-летнюю службу он имел лишь набедренник и скуфью», т. е. низшие знаки отличия. Камилавку (следующий знак отличия) ему положили уже мертвому в гроб.⁸⁵

Весьма прискорбен и тот факт, что местная власть никак не отметила заслуги исследователя в изучении родины Ломоносова, хотя за сравнительно небольшую статью, посвященную 200-летию Полтавской победы, А. Н. Грандильевскому была пожалована юбилейная «светлобронзовая медаль для ношения на Андреевской ленте».⁸⁶

В прощальной речи, сказанной А. Образцовым над гробом безвременно ушедшего энтузиаста-исследователя родины Ломоносова, прозвучали такие слова: «Ты всегда и всем говорил правду, не заискивая и не унижаясь. Говорил и делал. Жизнь же твоя была не из легких: ты не был баловень судьбы. Испытал ты и семейное горе — смерть детей, тяжкую, опасную для жизни болезнь жены, под конец свою мучительную продолжительную болезнь, которая свела тебя в цвете здоровья в могилу».⁸⁷ Могила А. Н. Грандильевского, как и сам Михайло-Архангельский монастырь, не сохранилась. Современники быстро забыли «нетипичного» священника. Однако работы А. Н. Грандильевского в области археологии, лингвистики, фольклористики и этнографии значимы как памятники науки и сегодня ценны собранным материалом.

В ряду описаний родины Ломоносова от академика Ивана Лепехина в XVIII в. и до современных авторов (А. А. Морозов) работы А. Н. Грандильевского занимают достойное место. Александр Антонович Морозов, известный ломоносовед, автор монографии «Родина Ломоносова», ссылается на труды А. Н. Грандильевского неоднократно.⁸⁸ Можно смело говорить, что низовья реки Северной Двины наиболее хорошо изучены в этнографическом отношении именно в районе Курострова и Холмогор, и в этом немалая заслуга Грандильевского. Его заветная мечта: «Сделать описание прошлого и настоящего на родине Михаила Васильевича» — была осуществлена. А 15 июля 2010 г. благодарные потомки открыли памятную доску на Дмитриевском храме в селе Ломоносово, посвященную первому исследователю родины М. В. Ломоносова — священнику Куростровского прихода Аркадию Никандровичу Грандильевскому.

---

⁸³ Там же. 15 марта. С. 116.

⁸⁴ Там же. 15 мая. С. 186.

⁸⁵ Там же. С. 181.

⁸⁶ Там же. 1 апр. С. 126.

⁸⁷ Там же. 15 мая. С. 186.

⁸⁸ Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 430, 431, 438, 439, 456.

АРКАДИЙ НИКАНДРОВИЧ ГРАНДИЛЕВСКИЙ

Библиографический список

Труды

Рукописное наследие

Описание Курострова Архангельской губернии Холмогорского уезда: рукопись с приложением «Письмо Д. Островского от 21 августа 1896 г. из Архангельска на имя Ф. М. Истомина», 1896. 128 с., 4°, гражданское письмо. (Архив Рус. геогр. о-ва РАН (г. Санкт-Петербург). Разряд I. Оп. 1. № 64).

Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого (прошлое и позднейшее в топографическом отношении): черновая рукопись в 2 отделах с прил. «Родные Михаилу Васильевичу Ломоносову дом и деревня в Холмогорах», 1902—1903. 273 л., 4° (21.5 × 17), гражданское письмо. (Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова. Инв. № 151665).

Публикации

Архангельской губернии, Холмогорского уезда села Емецкое и Курострово // Материалы для изучения великорусских говоров. СПб., 1903. Вып. 8. Извлечения из сообщений... сделанных на I и II программы для собирания особенностей говоров северо- и южновеликорусских наречий... С. 336—406. — Перед текстом на с. 336: «Автор сообщения — настоятель Куростровской церкви».

То же. Вып. 8. Извлечения из сообщений... сделанных на I и II программы для собирания особенностей говоров северно- и южновеликорусских наречий... С. 20—90. — Перед текстом на с. 20: «Автор сообщения — настоятель Куростровской церкви». (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 73. № 5).

Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор: [словарь]. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907. 304 с. (Отд. отт. из сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 83).

Вавчуга, Баженины и память о Петре Великом, связанная с ними // Петр Великий на Севере: Сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. [и с предисл.] А. Ф. Шидловского. Архангельск: Губерн. тип., 1909. С. 100—128.

Родина Ломоносова // Известия Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1909. № 12. С. 33—48; 1910. № 2. С. 24—30; № 4. С. 9—13; № 10. С. 27—37; № 11. С. 33—42; № 13. С. 37—48; № 17. С. 16—27; 1911. № 3. С. 170—179.

То же. Отд. оттиски. Архангельск, 1910—1911.

Что знают и что могут дать о Михаиле Васильевиче Ломоносове родные ему Холмогоры и Денисовка? // Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1911. С. 1—28.

То же. Отд. оттиск. СПб., 1911. 28 с.

Описание Курострова Архангельской губернии Холмогорского уезда: [фрагменты рукописи, хранящейся в архиве Рос. геогр. о-ва] / Публ. подгот. А. Н. Давыдов // Археология и археография Беломорья: Сб. статей Архангельск, 1984. С. 152—161.

Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсот-летнего юбилея со дня рождения сего первого русского ученого / Сост. Е. И. Тропичева, А. Н. Давыдов (вступ. ст.), Ф. С. Агапитов. Архангельск: Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова, 2008. 335 с., илл. — (Сер. «Северная б-ка»). — Библиогр.: с. 333—335 и подстроч. примеч.

То же. [2-е изд.]. Архангельск, 2009.

Публикации об А. Н. Грандильевском

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1897 год / Изд. Арханг. губ. стат. ком. [Архангельск, 1896]. IV, 84 с.

А. Грандильевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 33.

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1899 год / Изд. Арханг. губ. стат. ком. Архангельск, 1898. VI, 125 с.

А. Грандильевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 51.

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1901 год с приложением списка волостей к 1 января 1900 года / Изд. Арханг. губ. стат. ком. Архангельск, 1900. VI, 145, 19 с.

А. Грандильевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 57.

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год со справочными сведениями по торговым и промышленным предприятиям и списком волостей Архангельской губернии / Изд. Арханг. губ. стат. ком. Архангельск, 1903. VI, 136, 19 с.

А. Грандильевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 94; законоучитель Ломоносовского сельского училища. С. 82.

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1904 год / Изд. Арханг. губ. стат. ком. Архангельск, 1904. IV, 145 с.

А. Грандильевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 55.

Справочная книжка о личном составе казенных, общественных и благотворительных учреждений Архангельской губернии, 1905 год / Изд. Арханг. губ. правления. Архангельск, 1905. IV, 36 с.

А. Грандилевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). С. 72.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1911. 4, 41, 30, 80, 165, III с.

А. Грандилевский — приходской священник Куростровского прихода (1-е благочиние, Холмогорский уезд). Отд. 2. С. 76.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1908 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1908. 6, 200 с.

А. Грандилевский — преподаватель Епархиального женского училища. С. 137; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 145.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1909. V, 199 с.

А. Грандилевский — преподаватель Епархиального женского училища. С. 143; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 152.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1910 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1910. VI, 284, 14 с.

А. Грандилевский — преподаватель Епархиального женского училища. С. 216; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 226.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1911 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1911. 165, V с.

А. Грандилевский — преподаватель Епархиального женского училища. С. 102; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 115.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1912. 302 с.

А. Грандилевский — преподаватель Епархиального женского училища. С. 159; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 174.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 год / Изд. Арханг. губ. правления; под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1913. 236, VIII с.

А. Грандилевский — законоучитель Воскресенской низшей ремесленной школы (Архангельский уезд). С. 160—161; приходской священник Вознесенского прихода (Архангельский уезд, 3-е благочиние). С. 161.

Священник о. Аркадий Никандрович Грандилевский: (некролог) // Арханг. епарх. ведомости. 1915. 15 марта. С. 116—119; 1 апр. С. 124—127; 1 мая. С. 160—163; 15 мая. С. 180—186. — Автор указан: *А. Н. Г.*

Морозов А. А. Юность Ломоносова / 2-е изд., доп. Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1958. 544 с., илл.

Имеются ссылки на рукопись и печатные труды А. Грандилевского.

Кошелева Г. М. По местным преданиям: (о рукописи А. Н. Грандилевского из фондов Арханг. обл. науч. б-ки) // Правда Севера. 1971. 20 нояб. С. 4.

Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 477, [2] с., илл., [1] л. портр.

Имеются ссылки на рукопись и печатные труды А. Грандильевского.

Давыдов А. Н. Материалы к этнографии русского населения низовьев Северной Двины в одной из ранних рукописей А. Н. Грандильевского // Археология и археография Беломорья: Сб. научных статей. Архангельск, 1984. С. 142—161.

Давыдов А. Н., Кошелева Г. М. Малоизвестная рукопись А. Н. Грандильевского о родине М. В. Ломоносова из Архангельской областной научной библиотеки // М. В. Ломоносов и Север: Тезисы докладов Всесоюз. конф. Архангельск, 1986. С. 185—188.

Куратов А. А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: Учеб. пособие к спецкурсу. Архангельск: Изд-во Помор. гос. пед. ун-та, 1992. 129 с.

О рукописях А. Н. Грандильевского из архива Географического общества РАН. С. 54.

Куратов А. А. История и историки Архангельского Севера: Вопросы источниковедения и историографии. Архангельск : Изд-во Помор. гос. пед. ун-та, 1999. С. 225.

Краткие сведения о А. Н. Грандильевском. С. 225.

Румянцева В. Н. Заветная стезя отца Аркадия // Правда Севера. 2001. 1 нояб. С. 10.

Давыдов А. Н. Грандильевский Аркадий Никандрович // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 132.

Орешина М. А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона = The Russian North at the Beginning of the XX Century and Scientific Organizations for Regional Studies. М.: Рос. о-во историков-архивистов, 2003. 359 с., имен. указ.: с. 341—355.

Куратов А. А. Православные святые и святыни в истории Архангельского Севера: Учеб. кн. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004. 226, [1] с., илл.; библиогр.: с. 212—221.

Из содерж.: Приходской иерей Аркадий Грандильевский. С. 79.

Щуров Г. С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988—1917 / Вступ. ст. Ю. Ф. Лукина. Архангельск, 2004. 551 с., [20] л. цв. илл.

Давыдов А. Н. Исследователь родины Ломоносова А. Н. Грандильевский и его рукописное наследие в собраниях Русского географического общества и Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Сб. научных статей. Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 40—60.

Шумилов Н. А. Архангельский родословец. (Генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): Генеалогический справочник. Архангельск: Изд. Гос. архива Арханг. обл., 2009. 1087 с., илл., библиогр.: с. 1068—1074.

Из содерж.: Грандильевские. С. 475—476.

Логинова М. Его заветной мечтой было написать книгу о Ломоносове... // Северный комсомолец. 2009. 20 нояб.

Е. И. Тропичева (составитель)

Т. Ф. МЕЛЬНИК

КОСТОРЕЗЫ ИЗ РОДА БОБРЕЦОВЫХ

Холмогорская земля, известная как родина ученого Михаила Ломоносова и скульптора Федота Шубина, славится также мастерами художественной обработки кости. Родная сестра Ломоносова Мария Васильевна была замужем за матигорским косторезом Евсеем Федоровичем Головиным (1724—1794), их дочь Матрена Евсеевна вышла замуж за куростровского костореза Федора Яковлевича Лопаткина (1746—1828). Сын Матрены Евсеевны (внучатый племянник Ломоносова) Иван Федорович Лопаткин (1775—1830) за успехи в резьбе по кости награжден серебряной медалью «За полезное» на аннинской ленте. Внук Матрены Евсеевны (сын Ивана Федоровича) Илья Иванович Лопаткин (1816—1848) за работу из кости награжден золотыми часами и перстнем, в его собственной артели на дому работало семнадцать резчиков. Косторезом был родной брат Федота Шубина Яков Иванович Шубный. В одном ряду с этими мастерами имена матигорских косторезов Бобрецовых: Михайла Никитина и пяти его сыновей.

Косторезное ремесло было развито на Руси еще в древности, и в Холмогоры его принесли, очевидно, первопроходцы Великого Новгорода. Для процветания ремесла северные условия оказались благоприятными: сырье для резчиков добывали поморы, и они же сбывали готовую продукцию. Торговля на внутреннем и внешнем рынках была особенно активной с середины XVI в., когда Холмогоры, а за ними и Архангельск стали главными морскими воротами России. Резчики выработывали для продажи всевозможные изделия: гребни, посохи, узорчатые пластинки на шкатулки, ларцы, черенки для ножей, коробочки для «маточек» (компасов), пасхальные яйца, шахматы, образки, панагии и др. Резьба по кости была популярной от Холмогор до Великого Устюга, но первенство в ремесле приобрели холмогорские косторезы. Именно им удалось развить лучшие традиции древнерусского косторезного творчества и найти в резьбе свои оригинальные черты. Они перенимали, осваивали и перерабатывали многие художественные мотивы, прежде чем появились аллегорические фигуры и эмблемы, парящие амурсы, кентавры, пылающие сердца и пышные орнаменты барокко слились со старинными русскими узорами. Холмогорские мастера умело приспосабливались к требованиям покупателя. Так, в петровское время они изготавливали такие модные предметы, как миниатюрные игральные карты, игольницы, туалеты

с зеркальцами, коробочки для мушек, лодочки, резные туфельки, декоративные кубки, шкатулки, бирюльки и др. Период наивысшего расцвета холмогорского косторезного промысла — середина XVIII в. Спрос на резную кость и экспорт ее через порты Архангельск и Санкт-Петербург способствовали успешному развитию дела. Но с бурным развитием Северной Пальмиры Холмогоры (вслед за Архангельском) утратили свою былую роль крупного торгово-ремесленного центра. Изделия из кости оказались вне конкуренции, так как на рынке с ростом фабричного производства появилась масса дешевых безделушек. Положение холмогорских резчиков оказалось критическим: одни «збрели безвестно», другие скитались по дворам за «старостию и бедностию». Например, резчик Шешенин «взят к Москве», резчик Харитонов работал в Санкт-Петербурге, куда отпущены и резчики Дудины, отец с сыном, с «пашпортами для прокормления».¹ Со второй половины XIX в. костяное производство «перетекло» из Холмогор в окрестные волости (Верхние Матигоры, Ровдино, Куростров, Ухтоостров), но мастеров по-прежнему именовали холмогорскими (по названию уезда). В свободное от сельских работ время, в основном зимой, они занимались резьбой по кости ради небольшого приработка. Несмотря на это, их творческое наследие оказалось богатым, хотя и анонимным, ведь подписывать свои работы было не принято. Чтобы определять авторство, искусствоведы по штрихам и деталям датируют работы, разгадывают монограммы, по крохам собирают данные о мастерах. Недостаточно сведений о том, каков был творческий путь костореза, каковы были его связи с Петербургом и Москвой, как в целом создавалась и складывалась холмогорская косторезная школа. Выявление и уточнение имен, автобиографических подробностей важно не только для воссоздания более полной картины развития косторезного мастерства, но и для изучения в целом истории русского декоративно-прикладного искусства. Примером преданной любви к художественной резьбе по кости были Бобрецовы из Верхних Матигор. По архивным документам установлено, что их род — это ветвь мощного дерева от Бобра, и корни его в Холмогорской земле. Но предки Бобрецовых, будучи еще бесфамильными, в начале XVII в. по невыясненным обстоятельствам оставили свое родовое гнездо. Лишь через двести лет один из потомков вернулся на свою историческую родину. Вернулся, чтобы навсегда вписать свою фамилию в историю.

Самый ранний переписной документ с именами «детей» Боброва — это писцовая книга Мирона Вельяминова за 1622—1624 гг., где они упомянуты дважды в Курцевом посаде в Холмогорах: 1) во дворе «Титко Степанов, у него живут Карпунька да Якушка Сидоровы дети Боброва, молотчие»; 2) «На Курцеве же на посаде... двор пуст, Карпунька да Якушка Никифоровых дети Боброва сошли безвестно во 130 году»² (в 1622-м). Здесь в двух записях отразилось трехчленное именование: родные братья Карп и Яков по отцу — Сидоровы дети, а по деду — Никифоровых Боброва. «Никифоровых» — здесь не фамилия, а скользящее дедичество, то есть второе отчество братьев по имени деда, причем окончание -ых указывает на часть обособленного гнезда фамилии или на принадлежность

---

¹ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 120—122.

² Холмогорский «город» и посад по писцовой книге Мирона Андреевича Вельяминова и подьячих Божена Степанова и Онтоня Подольского. 1622—1624 // Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: Проблемы и источники. СПб., 1998. Т. 2. С. 317—318.

не только главе, но всей семье в целом,³ а «Боброва» — это еще одно дедичество, уже по прозвищу деда. Таким образом, дед Карпуньки и Якуньки — это глава рода Бобрецовых Никифор Бобр,⁴ который родился во второй половине XVI в. Для эпохи Ивана Грозного одновременное сочетание церковного имени «Никифор» и нецерковного имени (прозвища) «Бобр» вполне характерно. С этим же прозвищем на Кольском полуострове в Варзужской волости жил, например, «Бобр Никитин сын»,⁵ что известно из актов Соловецкого монастыря за 1578 г.

Никифор Бобр и его сын Сидор избежали переписи Мирона Вельяминова, то есть до 1622 г. они или умерли, или ушли из Холмогор. Возможно, что именно с «уходом» старшего поколения потомки «запустили» свой двор. Семья Никифора Бобра могла также пострадать в Смутное время от разбоев интервентов (и не оправиться за прошедшее десятилетие). Известно, что изгнанный из Москвы отряд Барышпольца и Сидорки в две тысячи человек подошел к Холмогорскому острогу 6 декабря 1613 г.⁶ Враги не смогли взять острог, за стенами которого укрылись местные жители, но посады, растянутые на пять километров вдоль реки, сильно пострадали от пожаров и разорения мародеров, а в округе они многих «мучаху, побиваху и животы их грабляху». В книге Мирона Вельяминова отмечено, что в «литовский приход в 122 году (1614-м) двory многие были сожжены», кроме того, на Курцевом посаде по причине наводнения «пять мест дворовых да пятнадцать дворов отняло водой».⁷ В 1622 г. писчик застал братьев во дворе у Титко Степанова, где они явно готовились к дальнейшему походу, причем свой маршрут не разглашали, «сошли безвестно». Возраст братьев и состав их семей не указан, а ведь это могла быть целая группа родственников. И они уходили, когда перепись завершалась, но писчик успел это зафиксировать в 130-м (1622-м) г. Братья были «молотчими», то есть малоимущими. Они безусловно искали лучшей доли и шли на новые необжитые земли. Первопроходцы преодолевали трудности, о которых северяне помнят до сих пор по пословице: «Позади горе, спереди море, справа и слева мох да ох, одна надежда бог». В те годы осваивались земли по берегам среднего течения реки Мезень (ныне территория Лешуконского района Архангельской области). Путешественник Генрих Гунн отмечал, что на мезенских берегах не колосились золотистые нивы, природа там сурова, земля скудна, борьба человека с природой была нелегкой: повсеместно растущий лес выжигали под поля, кустарник вырубали под луга, но людям часто не хватало хлеба, а скоту — корма.⁸ Сведения о первых лешуконских деревнях отражены в переписи 1623 г., и среди первопоселенцев — «дети» Бобровы.

Так, в деревне Засулье всего семь дворов, и в одном дворе «Левка да Парфенко да Ортюшко Бобровы», у них «три полуосмины»,⁹ то есть три брата (несомненно с семьями) жили одним двором, разработали участок земли и вели

³ Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-пресс, 1993. С. 52.

⁴ Не исключено, что Бобр — это отец (или даже дед) Никифора.

⁵ Договорная («запись») крестьян Варзужской волости с Соловецким монастырем о передаче волостных угодий на реке Кичи на десять лет монастырю за долг. 1578 г. сентября 1 // Акты Соловецкого монастыря. 1572—1584 / Сост. И. З. Либензон. Л., 1990. С. 116.

⁶ Нецветаев В. Г. Польско-шведская интервенция на Русском Севере в начале XVII в. // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. I. С. 314.

⁷ Холмогорский «город»... С. 319.

⁸ Гунн Г. П. Две реки — два рассказа. М.: Мысль, 1976. С. 146.

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 185. «Писцовая книга Мезенской волости... 1623 г.». Л. 325.

одно хозяйство. Но их родственные отношения с Карпунькой и Якунькой выяснить не удалось за недостатком данных, ведь в переписи 1623 г. зафиксированы лишь имена женатых мужчин и их сыновей без указания возраста. Более того, в документах 1646 г. Левка Бобров записан как Денисов сын. Таким образом, в Засулье жили сыновья Дениса Боброва, но о самом Денисе сведений нет. Возможно, Денис — это старший брат Карпа и Якова (сын Сидора Никифорова), ушедший на Мезень еще до переписи в Холмогорах. В том, что у Дениса холмогорские корни, сомнений нет, ведь его сыновья с семьями в годы «мора» уходили именно в Холмогорский уезд. Кроме того, в Матигорах постоянно жил внук Дениса Боброва Осип Левонтьев.

Все названные выше имена объединены тем, что они — «дети» Бобровы, причем Бобровы — еще не фамилия, но устойчивое наследственное имя семьи, образованное из второго отчества от нецерковного имени отца. Любопытно отметить, что прозвища по названиям животных (также птиц, рыб, насекомых) присваивались взрослым людям по определенному сходству с ними,¹⁰ как Медведь, Петух, Щука, Муха и др. Именно из прозвища чаще всего и образовывались фамилии, как Медведев, Петухов, Шукин, Мухин и др. Однако в нашем случае против ожидания от «Бобра», типичной русской фамилии на -ов (как Бобров), данная фамилия сформировалась от уменьшительного имени Бобра — «Бобрец» (как «Бобрецов»), а в советское время трансформировалась в «Бобряцов» и «Бобренцов». Впервые в форме «Бобрецов» фамилия зафиксирована в переписи 1678 г., где сын Дениса записан как «Артюшка Денисов сын Бобрецов».¹¹ Таким образом, «уходили» Карп да Яков Бобровы, а «дошел» Денис Бобров, сын которого Артемий стал первым Бобрецовым. За давностью лет следы Карпа и Якова Бобровых затерялись где-то на бескрайних просторах северной тайболы, но их имена потомки запомнили (см. во втором и шестом поколениях). К сожалению, не удалось «перебросить мостик» от Никифора Бобра к Бобрецовым, поэтому историю первых трех поколений (Никифор Бобр—Сидор—Карп да Яков) оставим лишь для сведения. О развитии рода узнаем из поколенной росписи от Дениса Боброва.

В первом поколении Денис Бобров, родился в Холмогорском уезде в середине XVI в. Видимо, он сам привел своих сыновей в Засулье, но умер, не дожив до первой переписи 1623 г. Имя Дениса Боброва установлено из отчества сыновей, которые в одном документе записаны, как «Бобровы», в другом — как «Денисовы». Сведений о жене и дочерях нет, у него пять сыновей: Левонтий, *Парфен*,¹² Артемий, Андрон, Тимофей. Старший сын — Левонтий, родился в Холмогорском уезде, ушел в Засулье будучи женатым, так как один из его сыновей остался на родине. Это известно по Сотной выписи из писцовой книги Мирона Вильяминова «с товарищи» от 28 февраля 1627 г.: «...на Матигорах в Никольском приходе деревня Горка, а в ней крестьян... во дворе Осипко Левонтьев сын Боброва».¹³ Сам Левонтий в «моровые» 1642—1644 гг. вместе с братьями вернулся на родину и, очевидно, там умер, так как в переписной книге

¹⁰ Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 43.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 15055. «Переписная книга Мезенской волости... 1678 г.». Л. 258.

¹² Здесь и далее см. продолжение рода по имени, выделенному курсивом.

¹³ Сборник грамот Коллегии экономии. 1922. Том 1. С. 622. — Выпись выдана в Антониев-Сийский монастырь на его вотчину (Вильяминова — так в тексте).

1646 г. отмечено, что в Засулье «двор пуст Левки Денисова».¹⁴ Сыновья Дениса Парфен и Андрон с семьями в 1647 г. после «мора» вновь пришли в Засулье и заняли двор, записанный ранее на Левонтия: «во дворе Парфенко да Ондронко Денисовы. А пришли они в тое деревню трое человек з детми в нынешнем во 155-м году ис Колмогорского уезду»¹⁵ (имена жен и дочерей не указаны). Сын Дениса Артемий обосновался в деревне Устькыма ради освободившейся пашни. Об этом запись: «Двор пуст Афонки Захарьева, у него детей Калистратко да Кирюшка сошли безвесно, в нынешнем во 186-м году пашнею владеет Артюшка Денисов. Во дворе Артюшка Денисов сын Бобрецов, у него сын Акинфейко».¹⁶ Именно от Артемия (Артюшки) начиная с 1678 г. (уже триста тридцать три года!) существует фамилия Бобрецовых. После смерти Артемия его потомки «сошли в сибирские города в 710 году»,¹⁷ лишь один внук Василий вернулся в Засулье, где и записан сорока восьми лет, у него сыновья Антроп и Авраам.¹⁸ Младший сын Дениса — Тимофей, имя установлено по отчеству Насона/Ассона Тимофеева Бобрецова (род. в 1680 г., Засулье), у него три сына: Петр, Игнатий, Федосей.¹⁹

Во втором поколении Парфен Денисов (род. около 1600, Холмогорский уезд), в Засулье ушел женатым, в моровые годы находился на родине, а когда опасность миновала, вернулся в Засулье. Ему безусловно было жаль бросать разработанную пашню и двор, на устройство которых затрачено много сил. Да и свободы в глухих мезенских лесах было, конечно, больше, чем на родине — в вотчине Антониев-Сийского монастыря. Сведений о жене и дочерях нет, у него два сына: Кирилл и *Карп*. У Кирилла Парфенова пять сыновей: Яков, Михайло, Степан, Василей, Миня.

В третьем поколении Карп Парфенов (род. в 1650 г.), жена Настасья Федорова. По переписи 1678 г. в Засулье всего два двора «детей» Бобровых, и хозяин одного — «Карпушка Парфенов». В шестьдесят шесть лет он записан как «вдов, престарел». У него четыре сына: *Иван*, Агафон (род. в 1685 г.), Архип (род. в 1697 г.), Марк (род. в 1697 г.). Все сыновья женаты и с детьми, причем Марк женился уже после рекрутской службы, хозяином двора стал после пятидесяти лет, у него три сына: Лупп, Григорей, Никифор.

В четвертом поколении Иван Карпов (род. в 1671 г.), жена Екатерина Семенова. По поморской традиции он, как старший сын, остался в родительском доме, после смерти отца унаследовал хозяйство. У самого же единственный наследник родился лишь к пятидесяти годам. У него трое детей: Дарья (род. в 1698 г.), Федосья (род. в 1704 г.), *Григорей*.

В пятом поколении Григорей Иванов (род. в 1720 г.), жена Марфа Андреева (1705—1767). Григорей был моложе жены на пятнадцать лет, в 1748 г. записан хозяином отдельного двора, но вскоре умер. У него четыре сына: Василей (род. в 1738 г.), Сергей (род. в 1741 г.), *Осип*, Иван (род. в 1752 г.). Судьба Василя Григорьева неизвестна. У Сергея Григорьева первая жена и четверо детей умерли, «после умершей жены Анны вторую взял в замужество тое ж деревни умершего

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 15054. «Переписная книга Мезенской волости... 1646 г.». Л. 141.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 15054. «Переписная книга Мезенской волости... 1647 г.». Л. 448. — Вместе с ними в Засулье вернулись еще два семейства.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 15055. «Переписная книга Мезенской волости... 1678 г.». Л. 300.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 237. «Переписная книга Мезенского уезда 1716 г.». Л. 272 об.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1769. «Ревизские сказки переписи 1748 г.». Л. 465 об.

¹⁹ Там же. Л. 461 об. — Петр с пятью сыновьями записан по Устькымской деревне.

крестьянина Михайла Минина Бобрецова жену его Акилину Степанову дочь»,²⁰ у них один сын Сидор. У Ивана Григорьева пятеро детей: Алексей, Евдокия, Пантелеймон, Григорий, Анна.

В шестом поколении Осип Григорьев (род. в 1744 г.), жена Елена Козьмина. Личного хозяйства не имел, после смерти родителей со своей семьей оставался в родовом гнезде (на 1784 г. записано пятнадцать человек). У него три сына и две дочери: *Никита*, Илья (род. в 1767 г.), Ксения (род. в 1771 г.), Карп (1772—1813), Дарья (род. в 1783 г.). Илья Осипов после рекрутской службы домой не вернулся, судьба неизвестна. Карп Осипов холост, до последних дней находился в семье старшего брата Никиты.

В седьмом поколении Никита Осипов (1764—1844), жена Федора Ерофеева. После семнадцати лет брака жена умерла, старость коротал вдовцом в семье младшего сына. У него пять сыновей и три дочери: Василий (род. в 1793 г.), Акилина (род. в 1796 г.), Антипа (1798—1835), Федор (род. в 1803 г.), *Михайло*, Евдокия (род. в 1806 г.), Ефим (род. в 1808 г.), Ирина (род. в 1809 г.). Василий и Федор Никитины не вернулись домой после рекрутской службы, их судьба неизвестна. Антипа Никитин был женат, но его единственная дочь Авдотья рано осиротела. Хозяйство отца унаследовал младший сын Ефим Осипов. Он и продолжил род Бобрецовых в Засулье, у него пять детей: Степан, Авдотья, Илья, Акимья, Неонила.

В восьмом поколении Михайло Никитин (1807—после 1862), родился в Засулье. В 1834 г. «по Указу перечислен» из Мезенского уезда в Запольскую деревню Николаевско-Матигорского селения Тавренской волости.²¹ Так в возрасте двадцати семи лет он с сыном Иваном прибыл на постоянное жительство на родину своих далеких предков в Холмогорский уезд. Какова причина переезда и кто инициатор, неизвестно, но именно Михайло Никитин стал первым в своем роду мастером резьбы по кости. Также неизвестно, у кого учился, как добился высокого мастерства. Можно ли предположить, что более двухсот лет Бобрецовы сохраняли отношения со своей исторической родиной и Михайло узнал это ремесло от своих земляков? Или он еще в Засулье приобрел необходимые навыки работы в других смежных ремеслах, например в художественной росписи или резьбе по дереву? Как бы то ни было, но Михайло Никитин оказался крайне талантливым человеком, он в совершенстве овладел секретами косторезного мастерства, выработал свою технику резьбы, которая впоследствии стала признанной. Пример тому — картина «Дуэль», которую В. Т. Узиков выполнил в 1927 г. в манере резных икон Бобрецова. Холмогорские косторезы, будучи свободными в выборе тем и сюжетов, наследовали и сберегали традиционную местную технику. Вся творческая деятельность Михайлы Никитина (возможно, вместе с обучением) длилась около тридцати лет. При этом ему «приписывают» лишь единственную работу — икону-картину в рамке с прорезным растительным орнаментом «Алексий человек божий»,²² где Алексий изображен в традиционной длинной крестьянской рубахе. В 1931 г. икона находилась в собрании Е. М. Зубакиной, ошибочно дати-

²⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2669. «Ревизские сказки Четвертой ревизии 1782 г. Мезенского уезда». Л. 753 об.

²¹ Там же. Т. 23. Д. 325. «Ревизские сказки Девятой ревизии 1850 г. Холмогорского уезда». Л. 117. — О перечислении в Холмогорский уезд см.: там же. Д. 313. Л. 879 об.

²² *Уханова И. Н.* Северорусская резная кость. Альбом. Л.: Сов. художник, 1969 (см. приложение); *Зубакин Б. М.* Холмогорская резьба по кости. Архангельск: СКИ, 1931. С. 60 (со ссылкой на мнение М. Перепелкина), фото иконы № 75; *Рехачев М. В.* Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1949. С. 72.

рована концом XVIII в.²³ (когда автор еще не родился). В литературе сведений о Михайле Никитине очень мало, да и те с ошибками. Этнограф Сергей Максимов, посетивший Холмогоры в феврале 1857 г., писал, что некоторые мастера по лучшим заграничным рисункам умеют делать безукоризненные вещи, каков «был Бобрецов на Матигорах».²⁴ Напрасно автор сказал о мастере в прошедшем времени, тогда как заехать к нему не составило бы труда: расстояние до Матигор всего восемь километров. Историк Олег Овсянников вписал имя мастера в список двадцати холмогорских резчиков первой половины XVIII в.,²⁵ тогда как он благополучно здравствовал и во второй половине XIX в. Искусствовед Ирина Уханова ошибочно отнесла творчество Михайла Никитина к концу XVIII— началу XIX в. (см. список северорусских косторезов),²⁶ но в то же время отмечала, что во второй половине XIX в. именно он был хранителем традиций старой холмогорской школы. Михайло Никитин не только «хранил» традиции, но и передавал свое мастерство молодежи. Об этом Ирина Уханова писала так: «Иван Федорович Лопаткин один из первых, кто попытался создать косторезную „школу“ у себя на дому, но эта попытка не привела к положительному результату. Его ученик Михаил Никитич Бобрецов (старший) вновь возрождает учебный класс резьбы по кости на дому».²⁷ Михайло Никитин, хоть и не был учеником Ивана Лопаткина (который умер за четыре года до приезда Бобрецова в Матигоры), действительно вел класс обучения на дому. Это подтверждает и Б. М. Зубакин. Он пишет, что начало «организованности резного промысла в Холмогорском районе» по преданию положил Евсей Головин, продолжил и упрочил дело Федор Яковлевич Лопаткин, аналогично лопаткинскому организовал учебный пункт у себя на дому в Матигорах Михаил Никитич Бобрецов.²⁸ Про учеников Бобрецова информация скудная, известны всего две фамилии: Калашниковы (Андрей Аксенович Калашников с братом, работавшие в Архангельске, известные тем, что по московскому заказу за киот для иконы получили одну тысячу рублей и еще сделали резное блюдо для Александра Второго²⁹) и Бобрецовы. Это пять сыновей мастера (вот почему учебный класс был открыт на дому!). По духовным росписям крестьян Верхне-Матигорского прихода³⁰ установлено, что Михайло Никитин Бобрецов прожил около шестидесяти лет, умер не ранее 1862 г. и не позднее 1871 г., женат дважды. Первая жена (имя неизвестно) умерла в Засулье после рождения сына Ивана. Вторая жена Мария Степанова (1816—1903) после смерти мужа вдовствовала почти сорок лет, жила в семье сына Михаила.

²³ Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. С. 60.

²⁴ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 563 (глава «Холмогоры с окрестностями»).

²⁵ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. С. 122.

²⁶ Уханова И. Н. Резьба по кости в России XVIII—XIX веков. Л.: Худ. РСФСР, 1981. С. 220—224 (см. словарь мастеров).

²⁷ Холмогорская резьба по кости XVII—XX вв. Каталог выставки. 1984. Вступ. ст. И. Ухановой. С. 18.

²⁸ Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. С. 61. — Также ошибочно он назвал Бобрецова учеником Лопаткина.

²⁹ Рехачев М. В. Холмогорская резьба по кости. С. 74. — См. также в словаре мастеров: Калашников без инициалов, творчество датировано до 1825 г.

³⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 29. «Духовные росписи крестьян Верхне-Матигорского прихода». Д. 431. Л. 8 об. (1857 г.); д. 466. Л. 61 (1862 г.); д. 473. Л. 252 об. (1871 г.); д. 477. Л. 74 об. (1875 г.); д. 506. Л. 160 (1880 г.); д. 538 (1886 г.); д. 616. Л. 205 (1904 г.); д. 677. Л. 98 об. (1915 г.).

У Михайла Никитина в двух браках было пять сыновей и четыре дочери: Иван (1832—1881), Анна (род. в 1835 г.), Александра (род. в 1837 г.), *Михаил*, Федор (род. в 1844 г.), Александр (род. в 1848 г.), Агрипина (род. в 1853 г.), Василий (род. в 1854 г.), Александра (род. в 1856 г.). Старший сын Иван Михайлов родился в Засулье, жил в Матигорах, с 1854 г. в «отлучке» в Петербурге вместе с женой Устиной (или Ульяной) Дмитриевой, сведений о детях нет. Младшие сыновья — Федор, Александр, Василий — родились в Матигорах, ушли в «отлучку» вслед за старшим братом Иваном. После 1880 г. их имена в переписных документах не упоминаются, петербургский период жизни и творческой деятельности не выяснен, в литературе не описан, за исключением скупых упоминаний о косторезах М. В. Рехачева и Б. М. Зубакина, о том, что четверо братьев Бобрецовых уехали в Петербург, создали там собственную мастерскую резьбы по кости и умерли, не возвращаясь на родину.³¹ Братья Бобрецовы в списке северорусских косторезов XVIII—XIX вв. упоминаются в числе семидесяти трех имен. По мнению И. Ухановой, «не все члены семьи в равной мере были выдающимися резчиками, но Михаил Михайлович несомненно был именно таким мастером... он, очевидно, заметно выделялся среди других косторезов».³²

В девятом поколении Михаил Михайлович (1838—1910), Бобрецов «младший», родился и жил в Матигорах, продолжая дело отца на родине. После отъезда братьев в Петербург он оказался самым сильным специалистом из девятнадцати мастеров, работавших в Холмогорском уезде. Достиг высокого мастерства, стал ведущим мастером резьбы по кости. Славился искусством плоскорельефной резьбы и тонкой ажурной резьбы. Искусно выполнял многие блюда и шкатулки, украшая их изящными узорами. За уникальные творения был щедро одарен. Участник всероссийских выставок. На городской набережной Северной Двины 6 сентября 1884 г. в честь 300-летнего юбилея Архангельска открылась сельскохозяйственная выставка.³³ Среди работ других кустарей были выставлены шахматы Бобрецова из моржовой кости на тему античного мира. По словам М. В. Рехачева, шахматы были проданы за двести рублей, и в целом работы Бобрецова-младшего ценились очень высоко, в числе его наград были даже золотые часы от царского двора.³⁴ Но все это осталось в далеком прошлом. В XXI в. известны лишь единицы работ мастера, три из которых хранятся в Эрмитаже. Первая работа — комплект шахмат в разрозненном виде — передана в 1941 г. из Музея этнографии народов СССР.³⁵ Описание комплекта: короли и ферзи в виде воинов в римских доспехах и в средневековых одеждах с поднятыми над головой мечами; кони вздыбившиеся; слоны с беседками на спинах; пешки: восемь воинов-римлян в доспехах с мечами и щитами в руках и восемь — в одеждах из шкур, рогатых головных уборах, с палицами в руках. Фигурки частично окрашены в красный цвет и укреплены на красных и белых круглых основаниях. Вторая работа — декоративная настольная пластина с изображением архангельского

³¹ *Рехачев М. В.* Холмогорская резьба по кости. С. 73; *Зубакин Б. М.* Холмогорская резьба по кости. С. 56.

³² Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Сб. статей. Архангельск, 1987. С. 84.

³³ Летопись города Архангельска. 1584—1984. Архангельск, 1990. С. 90.

³⁴ *Рехачев М. В.* Холмогорская резьба по кости. С. 73.

³⁵ Холмогорская резьба по кости XVII—XX вв. Каталог выставки. 1984. С. 69. — Нет подтверждения, что это те самые шахматы, проданные на сельскохозяйственной выставке в Архангельске.

памятника М. В. Ломоносову, приобретена в 1966 г. у В. И. Лебедева.³⁶ Описание пластины: круглая (диаметр восемнадцать с половиной сантиметров) и на четырех ножках-репках. По краю пластины местами идет вертикальный невысокий ободок-бортик с прорезью, на который крепилось стекло для защиты декоративной резьбы от внешних повреждений. Центр пластины затянут голубым бархатом, его холодный цвет символизирует и северное небо, и Белое море. На бархате в центре — памятник М. В. Ломоносову скульптора И. П. Мартоса (из моржовой кости). Мастер по-новому осмыслил оригинал Мартоса и создал самостоятельную композицию: к изображению памятника добавил декоративные гербы городов Кеми и Архангельска, связанные с жизнью Ломоносова. Автор мастерски применил сложные приемы: голубой фон кемского герба украсил жемчужным ожерельем и вертикальными линиями нанес штриховки, землю у памятника с кустиками травы обозначил легким рельефом с дополнительной гравировкой. Использование рельефа и тонкой прорези в виде необычайно мелких полосок-волосков напоминает виртуозные работы середины XVIII в. По оценке специалистов, пластина не только показательна для мелкой пластики, но и интересна с иконографической точки зрения. Судя по нарядной композиции, она создавалась как заказная подносная вещь, могла быть использована для украшения стола. Выполнена предположительно в 1890 г. в связи со 125-летием со дня смерти М. В. Ломоносова³⁷ (это время, полное творческих исканий мастера). Авторство не вызывает сомнений, так как на оборотной стороне пластины выгравировано «М. М. Бобрцево». И это исключительно, ведь до XX в. холмогорские резчики не оставляли своих подписей. Третья работа — декоративное подносное блюдо, авторство установлено по стилистической близости манеры резьбы с пластиной (см. выше). Описание блюда: плоское, восьмигранное, с прямым бортиком, декорировано прорезными зубчиками, дно обтянуто темно-красным бархатом, по центру прикреплен буква «В» сквозной резьбы (вензель лица, которому дарилось). И четкая надпись крупными гравированными печатными буквами: «Его Императорскому Высочеству Великому князю Владимиру Александровичу от крес. Холмогорского уезда 27 июня 1899 года». В. А. Романов (1847—1909) — сын императора Александра II. Сохранилось свидетельство того, как это блюдо было ему поднесено. После открытия нового порта Александровск (ныне Мурманск) Великий князь предпринял поездку по Северу, но его пароход «Николай» в пути задержался, в Усть-Пинегу Холмогорского уезда прибыл не 27 июня, а 28-го (см. дату надписи на блюде). Волостные старшины, дабы не беспокоить ночью «почившего высокого гостя», дождались восьми утра, и прямо на пароходе поднесли ему хлеб-соль на «резном из моржовой кости блюде».³⁸ В литературе упоминается еще одно блюдо М. М. Бобрцева, подаренное Великому князю. Описание блюда: по краю поля геометрическая резьба, в центре нарядный фигурный вензель. По словам М. В. Рехачева, 13 июня 1885 г. при входе в школу местный старшина от имени крестьян Ломоносовской волости поднес хлеб и соль Великому князю на «очень ценном резном блюде из мамонтовой кости работы М. М. Бобрцева и других известных мастеров».³⁹ Этот факт

³⁶ *Лебедев В.* Северное искусство // Наши достижения. 1935. Вып. 5—6.

³⁷ *Уханова И. Н.* Работы М. Бобрцева в собрании Эрмитажа / Сообщ. Государственного Эрмитажа. Ред. кол. В. А. Суслов. Л., 1979. С. 38—40.

³⁸ Архангельские губернские ведомости. 1899. № 84. С. 3.

³⁹ *Рехачев М. В.* Холмогорская резьба по кости. С. 35 (со ссылкой на памятную книжку Куростровской церкви).

подтверждает Б. М. Зубакин, но уточняет, что данное блюдо Бобрецова особенно известно и сделано из слоновой кости. Местонахождение блюда не установлено, видимо, поэтому Ирина Уханова посчитала, что косторезы напутали в датах и материалах, а блюдо одно и то же.⁴⁰ Но Великий князь с разницей в четырнадцать лет действительно дважды приезжал в Холмогорский уезд. Причем первый раз — летом 1885 г. в сопровождении известного поэта и журналиста К. К. Случевского, широко освещавшего поездку в «Московских ведомостях» (статьи автора перепечатаны в «Архангельских губернских ведомостях»). О дарении блюда автор писал, что 13 июня после посещения выставки рогатого скота в Холмогорах была предпринята поездка в Ломоносовское училище, находящееся в Денисовке: «Здесь Великий князь встречен был новою массою приветствовавшего народа во главе с волостным старшиною, поднесшим Его Высочеству от имени местных крестьян хлеб-соль на блюде из моржовой кости работы крестьянина Бобрецова — резчика по кости».⁴¹ Заметим, что в 1899 г. блюдо поднесено Великому князю на пароходе в Усть-Пинеге, а в 1885 г. — у школы в Денисовке на Курострове. Таким образом, «подносных» блюд было два, и это две разные работы Михаила Михайловича. Из материалов Случевского известно также, что во время путешествия 1885 г. Владимир Александрович Романов с интересом изучал промыслы и быт северян. С этой целью на родине Ломоносова в школе была устроена маленькая выставка, лишь нескольких костяных поделок. Высокие гости удивились, что «такое дело, как холмогорское костяное, остается в тени и даже совсем не показывается». Великий князь сосредоточил на резьбе по кости «особое внимание» и высказал пожелание, чтобы при школе был создан отдельный ремесленный класс резьбы по кости. И класс был открыт! По словам М. В. Рехачева, его открыли, когда «ценнейшее народное прикладное искусство — холмогорская резьба — подошло к полному угасанию. Можно было ожидать, что еще два десятка лет, и оно будет считаться забытым промыслом. Этого, к счастью, не случилось».⁴² В 1899 г. во время второго приезда Великого князя отмечалось, что костяной промысел, «ныне почти исчезнувший, поддерживается лишь тем, что при сельском училище учрежден особый класс».⁴³ Работа ремесленного класса совпала по времени с годами расцвета творчества Михаила Михайловича, более того, у себя в уезде он оставался единственным мастером высокой квалификации. В заботах о сохранении традиций он несколько лет вел класс резьбы по кости в Ломоносовской школе, а учеников «растил» всю жизнь. Про одного из них, Максима Перепелкина (1860—1829), известно, что он поступил в обучение к Бобрецову мальчиком двенадцати лет и учился у него пять лет, начинал с самых гладких и простых работ и окончил разными и сложными: ножи для резки бумаги, коробочки, корзинки, портсигары, иконы и то, что требовал рынок. По приглашению Бобрецова он остался у него работать за три рубля пятьдесят копеек в месяц.⁴⁴ Ученик Перепелкина В. Т. Узиков (род. в 1876 г.) вспоминал, что уже престарелый Михаил Бобрецов бывал у него в доме и учил

⁴⁰ Уханова И. Н. Работы М. Бобрецова в собрании Эрмитажа. С. 38—40.

⁴¹ Случевский К. К. Путешествие Его Имп. Высочества Великого князя Владимира Александровича. Вавчуга—Холмогоры—Ломоносово // Архангельские губернские ведомости. 1885. № 52. С. 6.

⁴² Рехачев М. В. Холмогорская резьба по кости. С. 35.

⁴³ Архангельские губернские ведомости. 1899. № 84. С. 3.

⁴⁴ Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. С. 56.

хитрым секретам изготовления «репки».⁴⁵ В начале XX в. Максим Перепелкин и его ученики были последними мастерами, в руках которых оказалась судьба северного косторезного дела, и им удалось сохранить традиции одного из древних национальных искусств.⁴⁶ В селе Ломоносово в 1921 г. были открыты курсы резьбы по кости и мастерская, в 1929 г. 20 октября организован Холмогорский пункт художественной резьбы по кости (цех резчиков-кустарей), который в 1930 г. реорганизован в профессионально-техническую школу резьбы.⁴⁷ Ныне это фабрика художественной резьбы по кости им. М. В. Ломоносова и косторезная школа, у истоков которых стоял Михаил Михайлович. Но в выставочном зале музея М. В. Ломоносова на Курострове нет ни работ, ни наград Бобрецова, ни даже упоминаний о нем. Забыто и имя его отца — Михайлы Никитина. Оба Михаила (Бобрецов-старший и Бобрецов-младший) были схожи не только именами: оба они в одинаковом возрасте обзавелись семьями и были многодетными, у обоих были жены Марии, надолго их пережившие. А главное, оба Михаила были наделены талантом, добились высокого мастерства, воспитали достойных учеников. По причине многих совпадений ошибки неизбежны, причем даже в источниках. В духовных росписях 1904—1915 гг., например, вместо данных жены Михаила Михайловича указаны данные его умершей матери. Все сведения о семье Михаила Михайловича Бобрецова установлены по архивным документам. В материалах Первой Всероссийской переписи 1897 г. отмечено, что он «крестьянин из государственных», имеет вспомогательное побочное занятие, как «мастер костяных изделий».⁴⁸ В духовных росписях 1903 г. в семействе записано восемь человек: он, жена Мария Андреева (1845—после 1915), трое детей, невестка, два внука. Все православные, но по «нерадению» не всегда были на исповеди. В духовных росписях 1908 г. в семействе десять человек: он, сын Степан с женой и тремя детьми, сын Федор с женой и семья умершего сына Павла. Михаил Михайлович умер на семьдесят втором году жизни.⁴⁹ У него четыре сына и четыре дочери: Александра (род в 1864 г.), Петр (1866—после 1919), Павел (1870—1913), Федор (1872—после 1915), Пелагея (род. в 1875 г.), Степан, Павла (род. в 1882 г.), Любовь (род. в 1885 г.). У Петра жена Параскева Демьяновна, у них шесть дочерей и сын. У Павла жена Матрона Ильина, у них три сына и две дочери. Судьба Федора неизвестна, он с девятнадцати лет за «отлучкою».

В десятом поколении Степан Михайлович (1878—после 1924), родился и жил в Верхних Матигорах. Жена Пелагея Никандровна Заборцева, возможно, родом из Петербурга (там жила постоянно ее сестра). Там же молодые могли и познакомиться, ведь Степан по «отлучке» работал кровельщиком именно в Петербурге. Он был самым младшим из братьев, но через пять лет после смерти отца остался единственным мужчиной в родовом гнезде: Петр со своей большой семьей отделился ранее, Павел умер, Федор из «отлучки» не вернулся. В тридцать семь лет на попечении Степана остались одиннадцать человек: жена с шестью детьми, мать, невестка (жена Павла) с двумя детьми. Степан вел справное хозяйство, держал много скота, был удачливым охотником, на зиму по-прежнему

⁴⁵ Там же. С. 59.

⁴⁶ Митлянская Т. Б. Холмогорская резная кость. Архангельск: СЗКИ, 1991. С. 21—22.

⁴⁷ Там же. С. 26.

⁴⁸ ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 209. Всероссийская перепись Кушевской волости Холмогорского уезда 1897 г. Л. 80.

⁴⁹ Холмогорская резьба по кости XVII—XX вв. Каталог выставки. 1984. С. 68 (отмечено: умер «глубоким стариком»).

уезжал на заработки в Петроград. Кроме того, занимался целительством: умел стабилизировать давление, использовал кровопускание, снимал головные боли и спазмы. Но главным занятием Степана было столярное дело. По воспоминаниям потомков, у себя на дому он оборудовал большую мастерскую и даже открыл столярную школу, для чего приобрел несколько станков, возможно, дорогих и зарубежных. У Степана Михайловича учились не только матигорские подростки, были ученики и из соседних волостей. Косторез Б. М. Зубакин считал, что со Степаном и Петром Бобрецовыми резьба по кости в Верхних Матигорах «кончилась». По его словам, братья учились у отца и стали резчиками по кости, но «оставили свое искусство и перешли на столярное, наиболее, по их мнению, выгодное».⁵⁰ Костяные изделия Степана Михайловича, как и Петра Михайловича, не выявлены. У Степана четыре сына и три дочери: *Иван*, Елизавета (род. в 1910 г.), Павел (1909—1915), *Николай*, Зинаида (1913—1980), Таисья (1915—1945), Василий (1924—1943, погиб на фронте).

В одиннадцатом поколении сыновья Степана Михайловича. Старший — Иван Степанович (род. в 1906 г.), у него жена Таисья Федоровна и семеро детей: Нина, Юрий, Василий, Римма, Валентина, Любовь, Александр. Жили в Матигорах в деревне Заполье. В Великую Отечественную войну Иван по ранению вернулся домой и до конца войны по направлению колхоза охотился на лосей (добывал мясо для колхозников). Как старший из братьев он унаследовал фамильную реликвию — орден знаменитого деда-костореза. По семейной легенде, Михаил Михайлович за «выполненную для царя шкатулку» был удостоен от правительства не только ордена, но и крупной суммы денег. Однако орден бесследно исчез: дети «заиграли» его так, что никто не помнит, как он выглядел. Зато недвижимость уцелела: фамильные станки и инструменты унаследовал Николай Степанович (1912—1979), четвертый из братьев по старшинству. У него жена Ирина (по первому мужу Берденникова) и трое детей: Василий, Александр, Тамара. Жили в Матигорах в деревне Харлово. Николай Степанович скромно работал учителем труда в школе, а по существу был настоящим мастером художественной резьбы, но не по кости, а по дереву (косторезный промысел в советское время, к сожалению, нужных доходов не давал). Так «косторезная» линия Бобрецовых сломилась, хотя все задатки для ее дальнейшего развития были.

Сейчас в Верхних Матигорах проживают две семьи Бобрецовых — Александра Ивановича (род. в 1950 г.) и Александра Николаевича (род. в 1948 г.), они из двенадцатого поколения. Ни оба Александра, ни их дети и внуки не занимаются художественными ремеслами, но о своих предках-косторезах знают, помнят и гордятся ими.

Послесловие. В данной статье описано одиннадцать поколений от Дениса Боброва, причем все персонажи — мужчины, как носители фамилии. Но без женщин не обошлось, это они соединили события далеких времен с нашим временем. Зинаида Степановна (Бобрецова) Дерягина в одиннадцатом поколении — пятый ребенок Степана Михайловича, родилась в Верхних Матигорах в 1913 г. Ее детство пришлось на годы гражданской войны и интервенции. В шестнадцать лет уехала в Архангельск, работала печатницей плоских машин в типографии, а когда устроилась личная жизнь, началась Великая Отечественная война. Муж Федор Антонович Дерягин (1912—1963), судовой механик, участвовал в се-

---

⁵⁰ Зубакин Б. М. Холмогорская резьба по кости. С. 56.

верных конвоях. У них три дочери: Галина (1937—1941), Галина (1941—2008), Валентина (род. в 1946 г.). После войны Зинаида Степановна работала мастером по пошиву форменной одежды в военном ателье. Природа наделила ее тонким художественным вкусом: в свободное время с удовольствием вышивала бисером, рисовала картины и создавала замысловатые лоскутные ковры. Любовь к искусству передала дочерям, которые тоже стали большими мастерицами. Младшая дочь Зинаиды Степановны — Валентина Федоровна (Дерягина) Гулина в двенадцатом поколении. Живет в Архангельске, вдова. Муж Юлиан Семенович Гулин (1947—2009), у них двое детей: Юлиана (род. в 1972 г.) и Станислав (род. в 1982 г.). В начале 1970-х гг. Гулины жили в поселке Красный Бор Пинежского района Архангельской области, куда Юлиана направили врачом после окончания медицинского института. Тогда же и туда же после Нарьян-Марского педучилища меня направили заведующей начальной школы. Три замечательных года мы жили соседями в одном доме в лесной глуши, после чего встретились вновь уже в Архангельске. Гулины жили вместе с Зинаидой Степановной в двухэтажном доме, построенном братьями Дерягинными при въезде на остров Соломбала. Из этого дома в 1980 г. мы провожали Зинаиду Степановну в последний путь. Светлая ей память! О том, что она внучка знаменитого костореза, мне открылось лишь через тридцать лет. В 2002 г. в Архангельском государственном архиве я собирала материалы о потомках рода Ломоносовых (с целью определить отношение к ним моей свекрови Марии Ивановны, урожденной Берденниковой, из Верхних Матигор⁵¹). Работа оказалась результативной, о чем я поделилась с Валентиной Федоровной. Только тогда и выяснилось, что ее деды тоже из Матигор, причем знаменитые косторезы. Пришлось проверить, насколько они знамениты, благо переписные документы еще были у меня в работе. Однако «подняться» выше 1834 г. (когда Михайло Никитин приехал в Матигоры) не удалось, а для Валентины жизнь предков в Засулье вообще стала открытием, ведь никаких семейных преданий о том времени не сохранилось. Потребовалась консультация специалистов, и к работе подключился Анатолий Васильевич Новиков, автор книг по истории Лешуконья. К нашему счастью, сам автор по женской линии был с Бобрецовыми в кровном родстве, так у нас в распоряжении оказались материалы его родословной. Искреннее ему спасибо, ведь без этого вклада история рода Бобрецовых не началась бы со времен Ивана Грозного.⁵²

Осенью 2004 г. в Верхних Матигорах Валентина Федоровна познакомилась со своими двоюродными братьями — Бобрецовыми Александром Ивановичем и Александром Николаевичем, в компании которых в детстве она проводила летние каникулы. Мы побывали в их родовой (теперь нежилой) усадьбе и посетили местное кладбище, где поклонились всем «ушедшим» Бобрецовым. А всем «пришедшим» оставили для памяти эту поколенную роспись. Сегодня самая младшая в роду — это Милана, долгожданная внучка Валентины от дочери Юлианы, которая родилась в 2010 г. в четырнадцатом поколении от Дениса Боброва (и от Никифора Бобра — в семнадцатом).

---

⁵¹ Выявленные в ГААО материалы см.: *Пекишева Л. Т., Пекишев А. П.* Поморский род Берденниковых и его потомки. СПб.: ВИРД, 2002. С. 30; *Мельник Т.* Судьба поморской семьи. Архангельск, 2008.

⁵² По начальной версии Анатолия Новикова основатель рода — Денис Бобр. См.: *Мельник Т., Новиков А.* Матигорская ветвь Бобрецовых-косторезов // *Генеалогический вестник.* СПб., 2003. Вып. 15. С. 47—60.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БАГРОВ**
Николай Михайлович — кандидат экономических наук, доцент кафедры систем технологий и товароведения Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.
- БОНДАРКО**
Александр Владимирович — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.
- ВОЕЙКОВА**
Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, зав. отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН.
- ГОЛОВКО**
Евгений Васильевич — кандидат филологических наук, заведующий отделом языков народов России Института лингвистических исследований РАН.
- ДАВЫДОВ**
Александр Никонович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией охраняемых природных территорий и экологии культуры Института экологических проблем Севера УрО РАН, г. Архангельск.
- ЕЛИСЕЕВА**
Ирина Ильинична — член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН, зав. кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.
- ЕМЕЛЬЯНОВА**
Мария Эдвардовна — соискатель кафедры западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- КАЗАНСКИЙ**
Николай Николаевич — академик, директор Института лингвистических исследований РАН.
- МЕЛЬНИК**
Татьяна Федоровна — историк, краевед, экскурсовод, член Архангельского отделения Российского общества историков-архивистов.
- НИКИФОРОВ**
Олег Николаевич — кандидат экономических наук, председатель Комитета государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- НИКОЛАЕВ**
Николай Ипполитович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории литературы, проректор по учебной работе Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).
- СУЛЯК**
Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, главный редактор междunarодного исторического журнала «Русин» (Кишинев, Молдавия).

- СЪЕМЩИКОВ
Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общепрофессиональные дисциплины» Выборгского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.
- ТРОПИЧЕВА
Елена Ивановна — заслуженный работник культуры, заведующая отделом краеведения «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова.
- ТУНКИНА
Ирина Владимировна — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.
- ЩИРИНА
Анастасия Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>М. Д. Воейкова.</i> Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики	3
<i>А. В. Бондарко.</i> Системно-языковые и речевые аспекты функциональной грамматики	11

II. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

<i>И. И. Елисеева, О. Н. Никифоров, Н. М. Багров, А. Н. Щирина.</i> Современная российская статистика: развитие или стагнация?	19
<i>Е. А. Съемицков.</i> Сибирь и другие окраины Российской империи. Сравнительный анализ степеней местного государственного управления. 1822—1838 гг.	49
<i>С. Г. Суляк.</i> Население Бессарабии в XIX в.: численность, национальный состав, религиозная принадлежность. (По материалам дореволюционных исследований)	54

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>И. В. Тункина.</i> История отечественной археологии на современном этапе: Антропологический поворот	62
<i>Е. В. Головки.</i> Русский язык на Аляске. (По материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.)	73
<i>М. Э. Емельянова.</i> История изучения творчества Г. В. Свиридова в отечественном музыкознании	82

IV. К 300-ЛЕТИЮ М. В. ЛОМОНОСОВА

<i>Н. Н. Казанский.</i> Словарь языка М. В. Ломоносова. О ходе работы	93
<i>Н. И. Николаев.</i> Наука в поэтических произведениях М. В. Ломоносова	96
<i>А. Н. Давыдов.</i> Священник о. Аркадий (Грандилевский) — исследователь родины М. В. Ломоносова	103
Аркадий Никандрович Грандилевский. Библиографический список. (Составила <i>Е. И. Тропичева</i>)	119
<i>Т. Ф. Мельник.</i> Косторезы из рода Бобрецовых	123
Сведения об авторах	136